

ИСТОРИЯ
РУССКАГО ПРАВА.

Д. Я. Самохвасова

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Издание второе, исправленное и дополненное.

МОСКВА
ТОВАРИШЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., ДОМЪ МАМОНТОВА
1899

ИСТОРИЯ
РУССКАГО ПРАВА.

Д. Я. Самоквасова

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Издание второе, исправленное и дополненное.

МОСКВА
ТОВАРИШЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., ДОМЪ МАМОНТОВА
1899

Дозволено цензурою. Москва, 26 ноября 1899 года.

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Происхождение науки исторіи русскаго права.

Начало и первоначальное развитіе системы русскаго права скрываются въ недостижимой для исторіи древности. Сходство религиозныхъ вѣрованій, политическаго устройства, уголовныхъ, гражданскихъ и процессуальныхъ институтовъ, наблюдаемое у всѣхъ славянскихъ народовъ въ первыя столѣтія ихъ исторической жизни, и множество терминовъ, означающихъ до нашего времени въ славянскихъ языкахъ одинаковыя религиозныя, политическія и юридическія понятія, учрежденія и отношенія, доказываютъ, что въ существенныхъ чертахъ своихъ система права Славяноруссовъ языческой эпохи сложилась уже во время географическаго и этнографическаго единства славянскихъ народовъ въ общей ихъ прародинѣ.

Первоначальными источниками славянорусской правовой системы были творческія силы, создающія право всѣхъ народовъ, живущихъ племенными союзами: воля гражданъ (договоръ), воля органовъ общественной власти (уставъ), обычай (сознаніе потомками практики жизни предковъ) и воля боговъ, открываемая посредствомъ гаданій и прорицаній (волфы, оракулы, пророки, жрецы). Система права, созданная совмѣстнымъ дѣйствіемъ сказанныхъ творческихъ силъ, наслѣдованная отъ предковъ народами, незнающими письменности, получаетъ религиозный характеръ, составляетъ народную вѣру, религію. Правила установленнаго порядка общественной жизни сохраняются въ эту эпоху только народнымъ преданіемъ, въ кото-

ромъ право всѣхъ источниковъ слѣживается въ понятіи священнаго закона, завѣщаннаго народу его предками и богами. Разъ сложилось народное сознаніе объ извѣстныхъ дѣйствіяхъ предковъ при данныхъ условіяхъ,—это сознаніе обязывало потомковъ дѣйствовать подобно предкамъ. Въ эпоху обожанія предковъ потомками практика жизни предковъ, основанная на правилахъ всякаго происхожденія, была обязательною нормою жизни для потомковъ; а преданіе отцовъ, хранившее обычныя правила жизни предковъ, имѣло значеніе религіознаго закона. Что въ началѣ было договоромъ гражданъ и уставомъ органовъ общественной власти, то, проникнувъ въ жизнь, становилось народнымъ обычаемъ, а народный обычай, наслѣдуемый отъ предковъ потомками, становился религіознымъ закономъ. Въ этомъ смыслѣ древнее славянское сказаніе называетъ старославянское право „*святымъ закономъ, примененнымъ отцами*“¹⁾. Въ этомъ-же смыслѣ, въ значеніи вѣры, религіи, русскій лѣтописецъ называетъ закономъ системы правовыхъ обычаевъ славянорусскихъ племенъ: „*Кривичи и прочіи поганіи (язычники), не вѣдуще закона Божья, но творяще сами себе законъ*“²⁾. Религіозный характеръ славянорусскаго права не менѣе ясно выражается въ древнѣйшихъ памятникахъ спеціально юридическаго содержанія. Въ договорахъ Славяноруссовъ съ Греками X-го вѣка русское право называется *закономъ*, т.-е. терминомъ, означющимъ до сихъ поръ у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, (напр. у Поляковъ) только Завѣтъ Божій, вѣру, религію³⁾. Опредѣляя уголовныя отношенія, договоры называютъ правонарушеніе согрѣшеніемъ, а наказаніе казною и епитимьею, т.-е. словами, означющими въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности религіозныя

1) „*У насъ правда по закону святу, иже принесомъ отцы наши*“. Судъ Любуши.

2) П. С. Р. Л. I, 6. Тамъ же говорится: Славянорусскія племена: „*имяху во обычай свои, и законъ отецъ своихъ, и преданья, кождо свой кракъ... Мы же христіане, елико земль, иже вѣрують въ Св. Троицю, въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имама едины, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся*“.

3) Въ русскомъ языкѣ понятіе о законѣ, какъ постановленіи верховной власти въ государствѣ, складывается только въ эпоху московскаго самодержавія; въ памятникахъ права предыдущихъ эпохъ постановленія органовъ государственной власти называются уставами и правдою. Ср. Христ. Влад.-Будапова. Изд. 1885 г.; I, стр. 22, 29, 35, 98, 212, 226 и др. Ник. Лѣт.; изд. 1767 г.; I, 129. П. С. Р. Л.; I, 10, 25 и др.

преступленія и наказанія. Руссы клялись соблюдать ненарушимо право договора съ Греками, „какъ Божіе зданіе, основанное на законѣ и поконѣ русскаго народа“ ¹⁾.

Система славянорусскаго права эпохи племенныхъ государствъ, по народному вѣрованію, основанная на волѣ божіей, хранимая священнымъ народнымъ преданіемъ, была тождественна съ системою догматовъ религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, была также устойчива, столько же консервативна, какъ догма религіи. Порядокъ жизни, установленный богами, религіей, можетъ измѣнить только воля боговъ и перемѣна религіи. Всѣ граждане и общественныя власти должны безусловно повиноваться такому порядку и неизмѣнно хранить его. Перемѣна религіознаго права разсматривается какъ грѣхъ, преступленіе противъ боговъ, влекущее за собою божескую казнь. Дѣятельность общественныхъ властей ограничивается управленіемъ и судомъ въ границахъ священнаго закона, хранимаго преданіемъ. Новые уставы не могутъ противорѣчить старымъ уставамъ, вошедшимъ въ составъ догматовъ религіи. Религія ограничиваетъ законодательную дѣятельность народа и его властей.

По отношенію къ наукѣ, *система религіознаго права не могла подлежать критикѣ; религіозное право можно было изучать только догматически, посредствомъ наблюденія практики жизни отцовъ и слушанія ихъ наставленій.*

Рецепція христіанской религіи и появленіе писаннаго законодательства измѣнили языческія понятія о правѣ, и его источникахъ. Языческая система права теряетъ религіозный характеръ, получаетъ значеніе обычая язычниковъ, человѣческаго творчества, терпимаго только въ тѣхъ случаяхъ, когда обычай не стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчьи съ новою, христіанскою религіей. Мѣсто языческаго закона занимаетъ христіанскій законъ. Съ другой стороны, христіанская религія измѣнила значеніе органовъ государственной власти, выдвинула на первый планъ законодательную дѣятельность князей и дала ей самостоятельное значеніе. Со времени замѣны язычества христіанствомъ право, опредѣлявшее политико-юридическую жизнь русскаго народа, представляетъ три системы права: правила языческой религіи, сохранившія силу въ области народныхъ обычаевъ, признанныхъ и терпимыхъ новою религіей и новымъ закономъ; правила христіанской церкви, рецепированныя

¹⁾ „Мы же кляхомся ко царю вашему, *иже отъ Бога суще, яко Божіе зданіе по закону и по покону языка нашего, не преступати ни намъ, ни иному отъ страны нашея отъ уставленныхъ главъ мира и лобве*“. Договоръ 911 года; ст. 15.

русскимъ народомъ; *правила политикоюридической жизни, изданныя органами государственной власти.*

При посредствѣ письменности законодательство органовъ государственной власти въ христіанскую эпоху отдѣлилось отъ народныхъ обычаевъ и церковнаго рецептированного права. Въ эпоху первыхъ Рюриковичей княжеское законодательство было еще такъ несложно, что не требовало школьнаго преподаванія; но рецептированное христіанское право было такъ ново и сложно, что его изученіе, подъ руководствомъ пастырей церкви, было необходимо въ самомъ началѣ насажденія христіанства въ Россіи. Необходимости познанія Русскими христіанскаго закона должны были удовлетворить училища „ученья книжнаго“, заведенныя въ Россіи уже первыми христіанскими князьями ¹⁾.

Съ теченіемъ времени русское законодательство усложняется, появляется необходимость объединенія княжескихъ уставовъ, а съ нимъ и потребность въ спеціальномъ изученіи законовъ. Эта потребность обнаружилась съ особенною силою въ московскомъ государствѣ, объединившемъ древнюю Русь въ территориальномъ и политическимъ отношеніи, долженствовавшемъ объединить и ея законодательство. Сначала этой потребности удовлетворяли *дьяки, юристы-практики*, подобные Владиміру Гусеву, которому поручено было составить Судебникъ Ивана Васильевича III. Но дальнѣйшее развитіе законодательства нуждалось въ преподаваніи законовъ въ училищахъ. Первое сохранившееся распоряженіе русскаго правительства о преподаваніи юриспруденціи въ школахъ относится ко времени царствованія Ивана Васильевича IV, однимъ изъ указовъ котораго было предписано „завести священникамъ въ своихъ домахъ училища закона Божія и гражданскаго“ ²⁾. Слѣдующее указаніе источниковъ о школьномъ преподаваніи законовъ относится

¹⁾ Владиміръ Равноапостольный, „пославъ, нача поимати у нарочитое чадѣ дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадѣ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся. Симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ, сбытхся пророчество на Русѣй земли, глаголюще: во оны днѣи услышать глушіи словеса книжная, и яспѣ будетъ языкъ гугнивымъ. Си бо не бѣша преди слышали словесе книжнаго“. П. С. Р. Л. I, 51. Ярославъ Мудрый „църкви ставляше по градамъ и по мѣстамъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнія своего урокъ, веля имъ учити люди“. Тамъ же; стр: 66.

²⁾ См. Рейца: Опытъ ист. рос. госуд. и гражд. законовъ. 1836 г. Предисловіе; с. III.

ко времени Теодора Алексѣевича: въ грамотѣ 1682 года объ учрежденіи *Законоспасской академіи* говорится, что въ ней „*ученію правосудія духовнаго и мірскаго быти*“¹⁾.

Законовѣдѣніе въ Россіи получаетъ особенное оживленіе въ эпоху реформаторской дѣятельности Петра Великаго. Нуждаясь въ людяхъ, знающихъ законы, для осуществленія предположенныхъ законодательныхъ реформъ, *Петръ Великій отправлялъ русскихъ молодыхъ людей въ университеты „Пражскій, Гальскій, Парижскій и другіе,“ для изученія законовъ; вызывалъ въ Россію иностранцевъ, свѣдущихъ въ юриспруденціи; заботился о переводѣ на русскій языкъ иностранныхъ сочиненій юридическаго содержанія. Въ 1720 году было издано распоряженіе о причисленіи къ коллегіямъ по нѣскольку человекъ молодыхъ дворянъ, долженствовавшихъ, подъ руководствомъ секретарей коллегій, приучаться практически къ веденію дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ*²⁾. Въ 1724 году былъ изданъ *Проектъ Учрежденія Академіи*, какъ высшаго ученаго и учебнаго заведенія, одинъ изъ членовъ котораго долженъ былъ преподавать *законовѣдѣніе*; но академія была открыта только при Елисаветѣ Петровнѣ (1747 г.).

Императрица *Анна Иоанновна* учредила *кадетскій сухопутный корпусъ* (1731 г.) и повелѣла преподавать въ немъ законы. Воспитанники, изучавшіе *законовѣдѣніе*, были освобождены отъ слушанія другихъ наукъ. Изученіе русскаго законодательства въ корпусѣ состояло въ чтеніи и объясненіи воспитанникамъ Уложенія 1649 года, Генеральнаго регламента Петра Великаго и другихъ *дѣйствующихъ узаконеній*³⁾.

Императрица *Елисавета Петровна* (въ 1755 году) учредила *Московскій Университетъ*, въ *юридическомъ факультетѣ* котораго было положено три профессора („профессоръ всей юриспруденціи, который учить долженъ натуральныя и народныя права и узаконенія римской древней и новой имперіи; профессоръ юриспруденціи російской, который сверхъ вышеписанныхъ долженъ знать и обучать особливо внутреннія государственныя права; профессоръ политики, который долженъ показать взаимныя поведенія, союзы и поступки государствъ и государей между собою, какъ были въ прошедшіе вѣки, и какъ состоятъ въ нынѣшнее время“) ⁴⁾; но русское право до конца XVIII столѣтія не было спеціальнымъ предметомъ въ уни-

1) Ист. Рос. Іерархіи; изд. 2; томъ I; стр. 520, 521.

2) Неволинъ: Полн. Собр. Соч.; т. II; стр. 501.

3) Тамъ же; стр. 502.

4) Пер. Полн. Собр. Зак.; N. 10346; п. 5.

верситетскомъ преподаваніи; оно ограничивалось дѣйствующими законами и связывалось съ преподаваніемъ „всей юриспруденціи“.

При императорѣ Александрѣ Благословенномъ были преобразованы университеты Московскій и Виленскій, въ которомъ преподаваніе законовъ было введено еще при польскомъ правительствѣ (въ 1771 году); вновь учреждены университеты Харьковскій, Казанскій, Петербургскій и Дерптскій. Во всѣхъ университетахъ преподаваніе юриспруденціи было расширено ¹⁾. Вслѣдствіе различія личныхъ и матеріальныхъ средствъ, состоявшихъ въ распоряженіи университетовъ, успѣхи преподаванія въ нихъ юриспруденціи были неодинаковы. Въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ находился *Дерптскій университетъ*, въ которомъ преподаваніе законовѣднія соответствовало преподаванію его въ германскихъ университетахъ того времени. *Русское право* излагалось въ Дерптѣ исторически, по тому методу, какому слѣдовали германскіе ученые при изложеніи римскаго и нѣмецкаго права; внѣшняя и внутренняя исторія права соединялись въ одну науку. Въ остальныхъ русскихъ университетахъ право древнихъ и новыхъ народовъ излагалось догматически. У нѣкоторыхъ преподавателей внѣшняя исторія русскаго права, служила введеніемъ къ догматическому изложенію дѣйствующаго русскаго права, при которомъ иногда сообщались и краткія свѣдѣнія по исторіи институтовъ. Только въ Харьковскомъ университетѣ преподавалась исторія русскаго законодательства въ связи съ изученіемъ русскихъ древностей вообще.

Въ первой четверти нашего столѣтія успѣхи университетскаго преподаванія юриспруденціи еще были стѣснены: недостаткомъ

¹⁾ Слушателямъ юридическихъ факультетовъ, кромѣ наукъ богословскихъ, философскихъ и всеобщей исторіи, были преподаваемы слѣдующія науки специально юридическаго содержанія: 1) „права естественное, политическое и народное; 2) права гражданское и уголовное важнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ; 3) права гражданское и уголовное Россійской имперіи и возвращенныхъ отъ Польши областей; 4) государственное хозяйство или политическая экономія. Въ Дерптскомъ университетѣ уставомъ 1820 года, кромѣ наукъ юридическаго содержанія, преподававшихся въ другихъ русскихъ университетахъ, было введено преподаваніе исторіи русскаго права и мѣтнаго права остзейскихъ губерній. Кромѣ университетовъ, преподаваніе законовъ было введено въ училищѣ правовѣденія, учрежденномъ въ 1805 году и закрытомъ въ 1816 году, въ Царскосельскомъ лицейѣ, въ Демидовскомъ училищѣ и нѣкоторыхъ гимназіяхъ.

средствъ познанія не только исторіи, но и дѣйствующаго русскаго права, остававшихся неизвѣстными, неизданными и разбросанными; *недостаткомъ преподавателей* законовѣдѣнія, достаточно подготовленныхъ теоретически; *недостаткомъ надлежащаго разграниченія* русской юриспруденціи въ университетскихъ уставахъ *по спеціальнымъ кафедрамъ*. Царствованіемъ Императора Николая I начинается новая эпоха въ исторіи русскаго законовѣдѣнія; одна за другою удаляются причины, стѣснявшія развитіе научнаго преподаванія русскаго права. Дѣйствующее законодательство было собрано, приведено въ систему и издано въ Полномъ Собраніи и Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи. Были приняты мѣры къ открытію и изданію древнихъ памятниковъ русской исторіи и исторіи русскаго законодательства. Въ этомъ отношеніи особенно важныя услуги наукъ оказала дѣятельность Петербургской Археографической Коммиссіи, открывшей и издавшей множество древнихъ памятниковъ русской исторіи и исторіи русскаго права. Были приняты мѣры для пополненія недостатка въ университетскихъ преподавателяхъ. Съ этою цѣлью молодые люди, окончившіе успѣшно курсъ наукъ въ русскихъ университетахъ и изъявившіе желаніе посвятить себя профессорской дѣятельности, были посылаемы въ заграничные университеты для окончательнаго образованія. Значительное число командированныхъ въ германскіе университеты, по возвращеніи оттуда, принесли въ Россію новыя методы научной разработки права, новыя понятія о происхожденіи и развитіи правовыхъ институтовъ и старались приложить эти методы и понятія къ научной разработкѣ системы русскаго права. Въ то же время была измѣнена прежняя система преподаванія законовѣдѣнія въ русскихъ университетахъ. Всего прежде въ новомъ университетѣ Св. Владиміра, открытомъ въ Кіевѣ (въ 1833 году), преподаваніе юридическихъ наукъ было основано на новыхъ началахъ ¹⁾. Въ 1835 году былъ изданъ общій уставъ русскихъ университетовъ, въ основаніи котораго положенъ уставъ университета Св. Владиміра; въ томъ же году было открыто высшее учебное заведеніе юриспруденціи

¹⁾ По уставу этого университета преподаваніе юриспруденціи было раздѣлено между восьмью кафедрами: 1) Энциклопедія правъ; 2) Русское государственное право; 3) Русское Гражданское право; 4) Русское Уголовное право; 5) Русское Полицейское право или Законы Благочинія; 6) Русское Финансовое право; 7) Римское право, въ соединеніи съ его внѣшнею и внутреннею исторіею; 8) Церковное право.

денці, подь названіемъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія ¹⁾).

Уставъ университетовъ 1835 года еще не признавалъ исторію русскаго права самостоятельною доктриною и не далъ этой наукѣ особой каедръ. Но со времени преобразованія русскихъ университетовъ по началамъ устава 1835 года *догматическій способъ преподаванія русскаго права мало-по-малу измѣняется въ историческій и историко-сравнительный*. Эти направленія получаютъ особенное развитіе въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, въ лекціяхъ и изслѣдованіяхъ профессоровъ, получившихъ окончательное образованіе въ германскихъ университетахъ. Особенную важность имѣютъ *труды профессора К. А. Неволлина*, основателя науки исторіи русскаго права. Шесть томовъ Полнаго Собранія Сочиненій Неволлина, посвященныхъ Энциклопедіи законовѣдѣнія (I и II томы), Исторіи російскихъ гражданскихъ законовъ (III, IV и V томы) и разнымъ вопросамъ исторіи государственнаго устройства и управленія въ Россіи (VI томъ), *положили прочное основаніе ученому правовѣдѣнію въ Россіи*. Труды Неволлина, въ связи съ историко-юридическими изслѣдованіями *Калачова, Соловьева, Кавелина, Иванничева, Бѣляева, Аксакова, Лешкова, Дмитріева, Чичерина, Костомарова, Рождественскаго, Никольскаго и др.* сдѣлали возможнымъ преподаваніе въ университетахъ исторіи русскаго права, какъ науки самостоятельной. Уставъ 1863 года преподаваніе исторіи русскаго права въ университетахъ поручилъ самостоятельной кафедрѣ. Дѣйствующій уставъ русскихъ университетовъ 1884 года сохранилъ за исторіей русскаго права значеніе самостоятельной науки, а правила экзаменныхъ требованій, изданныя въ дополненіе къ этому уставу русскихъ университетовъ, даютъ исторіи русскаго права первостепенное значеніе въ ряду доктринъ русской юриспруденціи.

¹⁾ Изъ наукъ законовѣдѣнія въ немъ были преподаваемы: Энциклопедія правовѣдѣнія, *Исторія правовѣдѣнія*, Россійское законовѣдѣніе, Римское законовѣдѣніе и Практическое судопроизводство.

II.

Задача, періоды, источники и методъ науки исторіи русскаго права.

Задача науки исторіи русскаго права состоитъ въ познаніи и систематическомъ изложеніи содержанія и условій происхожденія и прогрессивнаго развитія институтовъ дѣйствовавшаго и дѣйствующаго права русскаго народа.

Въ изложеніи содержанія исторіи русскаго права должны быть приняты четыре періода, соответствующіе четыремъ эпохамъ политической организаціи русскаго народа: эпохъ племенныхъ государствъ, эпохъ удѣльныхъ государствъ, эпохъ московскаго государства и эпохъ російской имперіи.

I. Изученіе древнѣйшихъ памятниковъ исторіи русскаго права представляетъ намъ славянорусскій народъ раздѣленнымъ на независимые другъ отъ друга племенные политическіе союзы, надъ которыми не было общей власти. Каждое славянорусское племя (Поляне, Древляне, Сѣверяне и др.) имѣло свое княженіе, свою территорію, свою власть народнаго собранія (вѣча), своего князя, свою систему обычаевъ и по своей волѣ становилось къ сосѣднимъ племенамъ въ мирныя или враждебныя отношенія; каждое племя представляло собою независимое политическое общество, *независимое племенное государство-княженіе*. Такая племенная разрозненность славяно-русскаго народа наблюдается по источникамъ до времени введенія христіанства въ Россіи. Въ концѣ этого періода племенные государства Славяноруссовъ признаютъ надъ собою власть завоевателя; но подвластность племенъ завоевателю выражается политически только уплатою опредѣленной дани; внутренняя жизнь племенныхъ союзовъ остается прежнею; сохраняются прежнія племенные учрежденія. *Правовые институты племенныхъ государствъ характеризуются отождествленіемъ права съ религіей*. Важнѣйшими памятниками русскаго права этой эпохи являются *договоры Славяноруссовъ съ Греками*, сохранившіеся въ Начальномъ русскомъ лѣтописномъ сводѣ.

II. Второй періодъ исторіи русскаго права открывается событіями, понудившими славянорусскія племена къ политическому общенію и внутреннему, этнографическому объединенію, имѣвшимъ своимъ послѣдствіемъ *соединеніе отдѣльныхъ племенъ въ одинъ русскій народъ и отдѣльныхъ племенныхъ территорій въ одну русскую*

*землю. Надъ все́ми племенными государствами возвышается власть князей одного Рюрикава рода. Подъ властью князей Рюриковичей русская земля дѣлится на родовые удѣлы князей, и просвѣщается христіанскою религіей. Удѣльное дѣленіе русской земли и христіанство измѣнили политическія отношенія, господствовавшія въ прежнихъ племенныхъ государствахъ, способствовали этнографическому ассимилированію славянорусскихъ племенъ и подготовили дальнѣйшее политическое и юридическое объединеніе русской земли и русскаго народа. Возвышеніе власти первыхъ князей Рюрикава дома надъ все́ми славянорусскими племенами и рецепція христіанства на всемъ пространствѣ древней Руси вызвали появленіе общерусскаго письменнаго законодательства и отдѣленіе права отъ религіи. Важнѣйшими памятниками русскаго права эпохи удѣльныхъ государствъ являются сборники общихъ и мѣстныхъ законовъ, извѣстные подъ названіями *Русской Правды, Псковской Судной Грамоты и Новгородской Судной Грамоты.**

III. Въ третьемъ періодѣ надъ удѣльными государствами возвышается власть государя Московскаго. Великіе князья Московскаго дома стянули удѣльныя княжества и народоправства къ одному центру, господствовавшему надъ ними, какъ надъ территоріей одного государства. *Политическая власть удѣльныхъ княжествъ и народоправствъ сосредоточивается въ лицу великаго князя, а потому великаго князя и царя Московскаго, господствовавшаго надъ Россіей, какъ власть единодержавная и самодержавная. По отношенію къ праву, власть московскаго государя проявляется въ издавніи отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ различныхъ названій, а также законодательныхъ сборниковъ, къ которымъ принадлежатъ: Судебникъ великаго князя Ивана Васильевича III-го (1497 г.), Судебникъ царя и великаго князя Ивана Васильевича IV-го (1550 г.) и Уложение царя и великаго князя Алексея Михайловича (1649 г.). Законодательная дѣятельность Московскихъ государей характеризуется стремленіемъ къ централизаціи, объединенію началъ права, дѣйствовавшаго на Руси въ эпоху удѣльныхъ государствъ, и закрѣпленію всехъ классовъ государственнаго народонаселенія на службу государству, въ виду опасности отъ внѣшнихъ враговъ и безпорядковъ внутренней жизни, вызванныхъ дѣленіемъ Руси на родовые удѣлы, монгольскимъ завоеваніемъ и владычествомъ Орды надъ Россією.*

IV. Въ четвертомъ періодѣ *Московское государство преобразуется въ Всероссийскую имперію, состоящую подъ верховною властью неограниченнаго монарха-императора. Законодательство, исходящее только изъ воли монарха, направляется къ коренному преобразованію го-*

сударственной и общественной жизни, на основаніи началъ права, заимствованныхъ изъ жизни государствъ западной Европы; *подвергаются радикальной реформѣ организація высшаго, центрального и мѣстнаго управленія; измѣняются сословныя отношенія; частная жизнь*, поглощенная въ Московскую эпоху интересами государства, постепенно *получаетъ свободу развитія*. Въ сферы государственныхъ обязанностей, опредѣленныхъ закономъ и равныхъ для всѣхъ гражданъ, частному лицу предоставляется свобода выбора между службою государству, обществу, семейству и своимъ личнымъ интересамъ. Это освободительное направленіе начинается эпохою императора Петра III-го и закончено закономъ объ освобожденіи крестьянъ 19 февраля 1861 года. Въ текущемъ столѣтїи, по волѣ императорской власти, были собраны акты русскаго законодательства со времени Уложенія 1649 г. включительно и изданы подъ заглавіемъ *Перваго, Второго и Третьяго Собранія Законовъ Россійской Имперїи*. На основаніи Перваго Собранія, составленнаго подъ руководствомъ графа Сперанскаго и заключающаго въ себѣ законодательство по день вступленія на престолъ императора Николая I-го, былъ изданъ *Сводъ дѣйствующихъ Законовъ Россійской Имперїи*, дополняемый по мѣрѣ накопленія новаго законодательнаго матеріала.

Разграниченіе историческихъ періодовъ какими бы то ни было годами или политическими событіями въ исторїи права не можетъ быть оправдано, такъ какъ политико-юридическая жизнь народовъ не можетъ измѣняться моментально. Характерныя особенности историческихъ эпохъ развиваются постепенно, зарождаются въ одномъ періодѣ и получаютъ полное развитіе въ другомъ; и наоборотъ, старыя отношенія, господствовавшія въ одномъ періодѣ, постепенно ослабѣвая, нерѣдко переходятъ въ послѣдующій періодъ, гдѣ окончательно замираютъ ¹⁾.

Въ историко-юридической литературѣ слово *источникъ* употребляется въ двоякомъ смыслѣ: *въ значеніи силы, порождающей право* (производитель права), *и въ значеніи средства познанія права* (памятникъ права). Источникамъ въ первомъ смыслѣ соотвѣтствуютъ обычай и законъ, какъ производители права всѣхъ временъ и народовъ. Источникамъ во второмъ смыслѣ соотвѣтствуютъ обычай

¹⁾ О дѣленіи исторїи русскаго права на періоды ср. *Н. П. Загоскина*: Ист. Права Моск. Госуд.; т. I. 1877 г. Введеніе; стр. 1—11. *В. И. Сергѣевича*: Лекціи и Исслѣд. по Ист. Рус. Права. 1883 г.; стр. 43—60. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*: Обзоръ Ист. Рус. Права. 1886. Вып. I. Введеніе; стр. IV и V.

и законъ, какъ правила государственной и гражданской жизни даннаго народа и данной эпохи, выраженный въ извѣстной формѣ и сохранившіяся въ извѣстныхъ памятникахъ. Памятники, какъ хранители дѣйствовавшихъ обычаевъ и законовъ, представляютъ собою источники-средства-матеріалы исторіи права, какъ науки. Подъ памятниками права понимаются не одни только законодательные акты и сборники правилъ государственной и гражданской жизни. Система обычаевъ и законовъ всякой эпохи и всякаго народа опредѣляетъ отношенія гражданина къ верховной государственной власти и ея органамъ, къ лицамъ, составляющимъ государственное народонаселеніе, и къ вещамъ, составляющимъ государственную территорію; отсюда, система дѣйствующаго права даннаго народа отражается въ его государственныхъ и частныхъ отношеніяхъ, а потому познаніе государственныхъ и частныхъ отношеній даетъ знаніе права, опредѣляющаго отношенія. Но политико-юридическія отношенія могутъ быть познаваемы не только изъ памятниковъ специально юридическаго содержанія, но также изъ памятниковъ общаго содержанія, относящихся ко всѣмъ сторонамъ исторической жизни народа. На такомъ различіи средствъ познанія исторіи русскаго права основывается ихъ дѣленіе на *общіе и спеціальныя источники*. Общими источниками называются всякаго рода памятники прошедшей жизни, сохранившіе указанія на общественныя отношенія, ведущіе къ познанію правовыхъ нормъ; сюда принадлежатъ лѣтописныя указанія на нравы, общественный бытъ и политическія событія въ древнерусской землѣ, вещественныя памятники быта нашихъ предковъ, архаическіе слѣды въ современномъ бытѣ русскаго народа и др. Спеціальными средствами называются отдѣльные акты и сборники законодательныхъ и обычныхъ правилъ, гдѣ бы они ни сохранились: въ лѣтописяхъ, литературныхъ сборникахъ, оффиціальныхъ кодексахъ; сюда принадлежатъ прямыя указанія источниковъ на нормы обычнаго права и содержаніе актовъ законодательной дѣятельности органовъ государственной власти, памятники судебно - административной дѣятельности органовъ власти и юридическіе акты частныхъ лицъ. Множество общихъ и спеціальныхъ памятниковъ русскаго права дошло до насъ отъ разныхъ временъ въ отдѣльныхъ актахъ и въ частныхъ и оффиціальныхъ сборникахъ ¹⁾.

¹⁾ Перечень источниковъ по исторіи русскаго права см. въ „Указателѣ матер. и изслѣд. по Исторіи Рус. Права“, помѣщен. въ „Архивъ Истор. и Практ. свѣд., отн. до Россіи“, *Н. Калачова*, 1861 г.; кн. VI. *К. Вестужева-Рюмина*: „Рус. Исторія“; т. I. 1872 г.

Методъ науки опредѣляется ея задачею и характеромъ матеріаловъ, подлежащихъ изученію. Задача науки исторіи русскаго права состоитъ, во-первыхъ, въ опредѣленіи количества, качества и взаимной связи источниковъ познанія прогрессивнаго развитія системы русскаго права, а во-вторыхъ, въ научномъ познаніи прогрессивнаго развитія самой системы институтовъ русскаго права.

Научное изученіе источниковъ требуетъ отъ изслѣдователя:

Догматическаго изученія памятниковъ русскаго права всѣхъ историческихъ эпохъ, съ цѣлью познанія ихъ содержанія.

Критическаго изученія содержанія памятниковъ, съ цѣлью опредѣленія исторической достовѣрности (подлинности) каждаго изъ нихъ въ цѣломъ составѣ и отдѣльныхъ частяхъ.

Хронологическаго распредѣленія достовѣрныхъ памятниковъ по историческимъ эпохамъ.

Эзегетическаго изученія содержанія памятниковъ, съ цѣлью опредѣленія взаимной связи между ними, истиннаго смысла текстовъ и значенія каждаго изъ нихъ, какъ средства познанія права данной исторической эпохи или данныхъ эпохъ.

Научное изученіе правовыхъ институтовъ требуетъ:

Генетическаго изученія первоначальныхъ, простѣйшихъ формъ (элементовъ, зародышей) правовыхъ институтовъ и условій, при которыхъ древнѣйшіе, простѣйшіе институты развились въ позднѣйшіе, болѣе сложные.

Сравнительнаго изученія однородныхъ правовыхъ институтовъ, наблюдаемыхъ въ системахъ права древнихъ и новыхъ народовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда значеніе и исторія изучаемаго института русскаго права представляются неясными или неполными въ содержаніи сохранившихся памятниковъ русскаго права.

Историческаго изученія данныхъ институтовъ, съ цѣлью опредѣленія ихъ значенія въ исторіи всей системы русскаго права и ихъ достоинства по отношенію къ національнымъ правовымъ потребностямъ русскаго народа и по сравненію съ институтами права другихъ народовъ ¹⁾.

стр. 18 — 246. *Н. Загоскина*: Наука Исторіи Русскаго Права. Изд. 1891 г.

¹⁾ О методахъ въ исторіи рус. права ср. *В. И. Сергѣевича*: Лекціи и Изслѣд.; стр. 14—23. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*: Обзоръ ист. рус. права; I, стр. II—IV. *Н. П. Загоскина*: Методъ и Средства сравн. изуч. обыч. права 1877 г.

Для начинающихъ изученіе исторіи русскаго права могутъ служить пособиями нижеслѣдующія изданія:

К. А. Неволмина: „Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ“, помѣщ. въ III, IV и V томахъ его Полнаго собранія сочиненій, изд. 1857—1859 гг.

И. Д. Бяляева: „Исторія Русскаго Законодательства“, посмертное изданіе, 1879 г.

В. И. Сергѣевича: „Лекціи и Изслѣдованія по исторіи Русскаго Права“, изд. 1883 года. „Юридическія Древности“, два тома, изд. 1890—1892 гг.

М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Обзоръ Исторіи Русскаго Права“, изд. 1888 г.

П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго: „Исторія Русскаго Права“ (по лекціямъ), изд. 1892 г.

В. Н. Латкина: „Лекціи по Внѣшней Исторіи Русскаго Права“, изд. 1890 г.

М. Н. Ясинскаго: „Лекціи по Внѣшней Исторіи Русскаго Права“, изд. 1898 г.

Н. П. Загоскина: „Исторія Права Русскаго Народа“. Введеніе. Изд. 1899 г. „Исторія Права Московскаго Государства“; два выпуска, изд. 1877 и 1879 гг. „Наука Исторіи Русскаго Права (ея вспомогательныя знанія, источники и литература)“, изд. 1891 г.

И. Лазаревскаго и Як. Утина: „Собраніе Важнѣйшихъ Памятниковъ по Исторіи Древняго Русскаго Права“, изд. 1859 г.

М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Хрестоматія по Исторіи Русскаго Права“; три части.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Эпоха племенныхъ государствъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Источники знанія системы древнѣйшаго русскаго права.

ГЛАВА I.

Лѣтописные источники русскаго происхожденія.

Источники знанія системы славянорусскаго права языческой эпохи сводятся къ двумъ группамъ: *источники общіе и спеціальныя*. Первую группу составляютъ *лѣтописные памятники* русскаго и иноземнаго происхожденія, *вещественные памятники*, *архаическіе слѣды* языческаго быта въ законодательствѣ и обычномъ правѣ русскаго народа христіанской эпохи, *общеславянская терминологія* и *выводы сравнительной этнологіи*. Вторую группу составляютъ *памятники спеціально юридическаго содержанія*: *договоры X-го вѣка Кіевскихъ князей съ Византійскими императорами*.

Лѣтописью называется *погодное* описаніе историческихъ событій; а по своему содержанію *лѣтописи дѣлятся на церковныя и государственныя*. Церковныя лѣтописи содержатъ въ себѣ описаніе событій русской церкви вообще и въ частности тѣхъ церквей и монастырей, при которыхъ велись лѣтописи ¹⁾. Государственныя лѣтописи были ведены при княжескихъ дворахъ и заключали въ себѣ описаніе событій русской исторіи и въ частности того кня-

¹⁾ Игумень Германъ „служилъ того дни на Лисьи горѣ обидню и смотрилъ въ монастыри *книги лѣтописца церковнаго*, а сказывали, что лѣтописецъ Лисицкой добри сполна....“ П. С. Р. Л.; III; с. 169.

жества, гдѣ велась лѣтопись. Историческія событія записывались въ лѣтописи по распоряженію князей для памяти о событіяхъ и практическихъ цѣляхъ ¹⁾. Съ теченіемъ времени изъ лѣтописей отдѣльныхъ княженій составлялись лѣтописные своды. Древнѣйшими изъ сохранившихся русскихъ лѣтописныхъ памятниковъ являются „Исторія Іоакима“ и „Временникъ Нестора“.

Исторія Іоакима.

Исторія Іоакима сохранилась только въ отрывкѣ изъ исторической компиляціи неизвѣстнаго составителя, напечатанномъ въ первой части первой книги „Исторіи Россійской“ В. Н. Татищева ²⁾, предпославшаго изложенію лѣтописнаго текста слѣдующія замѣчанія: „Хотя всѣ наши и польскіе историки Нестора Печерскаго за перваго русскаго историка почитаютъ, однакожь то довольно видимо, что прежде его писатели были; да книги тѣ погибли, или еще гдѣ хранятся, или коихъ либо обстоятельствъ ради отъ неразумныхъ презираемы. Между такими невѣдомыми Нестору и забвенными историки есть Іоакимъ, первый епископъ Новгородскій, о которомъ хотя нигдѣ не упоминается, чтобы онъ исторію писалъ, но сіе не дивно, ибо видимъ другихъ многихъ, яко Нифонта Новгородскаго и пр. Сія же, которую я при окончаніи труда моего получилъ, мнится, совершенно древняго писателя, болѣе нежели Несторъ свѣдущаго, какъ въ греческомъ языкѣ такъ и въ исторіи искуснаго, хотя нѣчто и баснословное по тогдашнему обычаю внесено. По обстоятельствамъ крещенія Новгородцевъ точно показываетъ о себѣ, что есть Іоакимъ епископъ. Онъ пріѣхалъ въ Русь съ другими епископы въ 991 году, опредѣленъ въ Новгородъ и умеръ въ 1030 году. Другое обстоятельство, что хотя много разныхъ манускриптовъ я имѣлъ, однакожь многихъ въ нихъ обстоятельствъ, положенныхъ въ Прологахъ и Польскихъ исторіяхъ, не нахожу, а здѣсь почти точно или яснѣе тѣхъ из-

¹⁾ Въ 1289 году князь Мстиславъ Волынскій приказалъ лѣтописцу записать въ лѣтопись крамолу города Берестья. Въ Никонской лѣтописи говорится: „первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и недобрая прилучившаяся... написовати.“ Въ междоусобныхъ спорахъ за удѣлы князья опирались „на лѣтописцы и старые списки“. См. Н. Костомарова: Лекціи по русской исторіи. Изд. 1861 г.; стр. 21—25.

²⁾ Изд. Импер. Моск. унив. 1768 года; стр. 29—42.

ложены; слѣдственно, оныя сочинители не отъкуда какъ изъ сея Исторіи брали... Сія тетради видно, что изъ книги вынуты, по разметкѣ 4, 5 и 6; письмо новое, но худое; *складъ старый, слѣшанный съ новымъ, но самый простой и нарѣчіе Новгородское*. Начало видимо, что писано о народахъ, какъ у Нестора, съ изъясненіями изъ Польскихъ историковъ; но многое весьма неправильно, яко *Славяны Сарматами и Сарматскіе народы Славянами именовалъ*, и не въ тѣхъ мѣстахъ клалъ, гдѣ надлежало, въ чемъ онъ обманулся, вѣря Польскимъ историкамъ. По окончаніи же описанія народовъ и ихъ поступковъ, зачалъ то писать, чего у Нестора нѣтъ, изъ чего я выбралъ токъ то, чего у Нестора не находится, или здѣсь иначе положено, какъ слѣдуетъ.“ — Вслѣдъ затѣмъ въ „Исторіи Россійской“ помѣщенъ текстъ цитатъ изъ „тетрадей“, содержащихъ „Исторію Іоакима“¹⁾.

*Подлинность Якимовской исторіи была заподозрена А. Л. Шлецеромъ; но въ 1856 году было напечатано изслѣдованіе академика П. А. Лаверовскаго*²⁾, специально посвященное вопросу о древности и подлинности Якимовской Исторіи, въ которомъ обстоятельно указана неосновательность *сознаний Шлецера и его послѣдователей въ подлинности этого источника, а заключительнымъ выводомъ изслѣдованія является слѣдующее положеніе: „заподозрѣнная Шлецеромъ Якимовская лѣтопись не противорѣчитъ ни мало общему ходу событій въ первое время государства русскаго, предлагая притомъ не мало извѣстій, хотя не находящихся въ Несторовой лѣтописи, но оправдываемыхъ другими историческими источниками, достоверность которыхъ отвергнуть также трудно, какъ и лѣтопись самого Нестора“*³⁾.

Лѣтописный сводъ Нестора.

По вопросу о происхожденіи лѣтописанія въ Россіи долгое время господствовало въ ученой литературѣ *ученіе Шлецера*, по которому: „Лѣтопись Нестора представляетъ собою *сочиненіе монаха Нестора, жившаго во второй половинѣ XI вѣка, и первый, древнѣйшій актъ лѣтописанія въ Россіи“*⁴⁾.

¹⁾ См. приложение № I.

²⁾ Учеп. Зап. II отд. Имп. Акад. Наукъ. 1856 г. Кн. II; в. I; стр. 77—160.

³⁾ Тамъ же, стр. 97, 98, 158, 159.

⁴⁾ См. Д. Саломвасова: Ист. Рус. права. Изд. 1878 г. Вып. I-й; стр. 7 и слѣд., 166, 167.

Въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтiя, въ сочиненiяхъ профессора русской исторiи въ Московскомъ Университетѣ Каченовскаго и его послѣдователей (Скептическая школа), эпоха происхожденiя лѣтописанiя въ Россiи придвинута къ нашему времени еще ближе. По ученiю Каченовскаго, „*Лѣтопись Нестора*“ есть „*позднѣйшая коптiляция*“, составленная неизвѣстнымъ лицомъ изъ разныхъ источниковъ ¹⁾).

Основанiя сомнѣнiй скептической школы въ древности русскаго лѣтописанiя были разрушены уже современниками Каченовскаго, особенно Бутковылъ. Въ своемъ сочиненiи, подъ заглавiемъ „*Оборона Лѣтописи Русской Несторовой отъ наветта скептиковъ*“, Бутковъ основательно аргументацiей доказалъ, что „*появленiе на Руси въ концѣ XI вѣка историческаго сочиненiя не представляетъ собою ничего страннаго и невозможнаго*“ ²⁾. Послѣ Буткова уже не раздавались въ ученой литературѣ голоса, направленные противъ древности и подлинности перваго кiевскаго лѣтописнаго свода. По всеобщему признанiю ученыхъ нашего времени, Начальный русскiй лѣтописный сводъ былъ составленъ въ эпоху жизни Нестора.

Между тѣмъ, аргументацiя Каченовскаго, направленная къ доказательству коптiлятивнаго или свободнаго характера „*Несторовой лѣтописи*“, какъ составленной изъ источниковъ разнаго происхожденiя и разныхъ временъ, послужила основанiемъ новѣйшихъ изысканiй по вопросу о составѣ содержанiя перваго Кiевскаго лѣтописнаго свода, измѣнившихъ прежнiй взглядъ науки на исторiю лѣтописанiя въ Россiи ³⁾.

Въ сохранившемся отрывкѣ Исторiи Иоакима и въ лѣтописныхъ сводахъ эпохи удѣльныхъ государствъ и Московскаго государ-

¹⁾ Тамъ же; стр. 18 и слѣд., 93 и слѣд.

²⁾ Тамъ же; стр. 20 и слѣд., 95 и слѣд.

³⁾ Литературу и результаты научной разработки вопроса о происхожденiи и составѣ содержанiя Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода см. въ сочиненiяхъ: *М. Сухомятина*: „О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ“. 1856 г. *Н. Костомарова*: „Лекцiи по русской исторiи. Источники русской исторiи“. 1861 г. Вып. I. *И. Срезневскаго*: „Чтенiя о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ“. Записки Имп. Акад. Наукъ. 1862 г. № IV. Приложение. *К. Бестужева-Рюмина*: „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка“. Лѣтопись Зан. Археогр. Коммиссiи за 1865—1866 гг.; т. IV. *Его-же*: „Русская Исторiя“; т. I; стр. 18 и слѣд. Изд. 1872 г.

ства встрѣчаются точно датированныя историческія извѣстія, относящіяся къ IX и X столѣтіямъ, не вошедшія въ составъ содержащаго Несторова лѣтописнаго свода ¹⁾. Происхожденіе хронологическихъ извѣстій этого рода въ лѣтописныхъ сводахъ эпохи удѣльныхъ государствъ и государства Московскаго возможно объяснить только тѣмъ, что уже въ IX и X столѣтіяхъ были ведены въ Россіи лѣтописныя записки, заключавшія въ себѣ перечень важнѣйшихъ событій новгородскаго и кіевскаго княжескихъ дворовъ; составитель перваго кіевскаго лѣтописнаго свода невольнѣ воспользовался этими, существовавшими до него лѣтописными матеріалами, вошедшими позже въ лѣтописные своды удѣльныхъ государствъ и Московскаго государства.

Въ содержаніи древнѣйшаго кіевскаго лѣтописнаго свода *хронологія событій въ русской землѣ начинается съ 859 года*, подъ которымъ говорится: „въ лѣто 6367 имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма“ ²⁾. Далѣе слѣдуетъ въ сводѣ послѣдовательная хронологическая исторія, причемъ подъ нѣкоторыми годами не значится никакихъ событій ³⁾; подъ другими годами помѣщаются болѣе или менѣе обстоятельныя историческія

¹⁾ Сюда принадлежатъ извѣстія о Гостомыслѣ, Новгородскомъ князѣ; о первоначальномъ поселеніи Рюрика въ Ладогѣ; о перемѣщеніи Рюрика изъ Ладоги въ Новгородъ по смерти Синеуса и Трувора и о построеніи имъ новаго города на берегу Волхова, вблизи стараго города Славянска, стоявшаго на берегу озера Ильменя; о посольствѣ Полянъ къ Рюрику съ просьбою прислать имъ князя и посылкѣ въ Кіевъ Аскольда и Дира; о возмущеніи Новгородцевъ противъ Рюрика и казни Вадима Храбраго съ его единомышленниками; о рожденіи Игоря и пр. Напримѣръ, подъ 864 годомъ: „убіенъ бысть отъ Болгаръ Осколдовъ сынъ. Того же лѣта оскорбишася Новгородцы глаголюща: яко быти намъ рабомъ и много зла пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима Храбраго и иныхъ изби Новгородцевъ совѣтниковъ его“. Подъ 865 годомъ: „того-же лѣта родися Рюрику сынъ, и нарече имя ему Игорь. Того же лѣта воеваша Аскольдъ и Диръ Полочашъ и много зла сотвориша“. Подъ 867 годомъ: „того-же лѣта избѣжаша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ много новгородскихъ мужей“... и др. См. приложение № III.

²⁾ П. С. Р. Л. I, стр. 8.

³⁾ См. напр. годы: 6368, 6369, 6371, 6372, 6373 и др.

разказы ¹⁾; подъ остальными годами помѣщаются краткія извѣстія, относящіяся преимущественно къ исторіи княжескаго двора: о рожденіи и смерти князей, о княжескихъ завоеваніяхъ, о размѣрахъ даней, наложенныхъ князьями на покоренные народы, о небесныхъ явленіяхъ и пр. ²⁾. Откуда же составитель перваго кіевскаго лѣтописнаго свода почерпнулъ хронологическія свѣдѣнія о событіяхъ времени Рюрика, Аскольда и Дира, Олега и Игоря, о событіяхъ, отдѣленныхъ двумя и двумя съ половиною столѣтіями отъ времени жизни Нестора? *Такихъ свѣдѣній народная память сохранила не могла.* Описывая обстоятельства крещенія князя Владиміра Равноапостольнаго въ Корсунѣ, лѣтописецъ говоритъ слѣдующее: „се же несвѣдущіе право глаголють, яко крестился есть въ Кіевѣ, ини же рѣша—Василеви, друзіи же инако скажутъ“ ³⁾: въ теченіе только ста лѣтъ народная память позабыла обстоятельства важнѣйшаго событія своего времени; тѣмъ болѣе народное преданіе не могло сохранить годы сравнительно мелкихъ событій IX и X столѣтій: размѣры даней, рѣчи князей, годы ихъ рожденія и смерти, годы явленія кометъ, и т. д. *Слѣдовательно, и содержаніе перваго кіевскаго лѣтописнаго свода приводитъ къ необходимости признанія существованія лѣтописей Новгородскаго и Кіевскаго княжескихъ дворовъ уже въ то время, съ котораго начинается въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ хронологія событій русскои земли* ⁴⁾.

¹⁾ Годы: 862, 866, 882, 907 и др.

²⁾ Напримѣръ, подъ 879 годомъ: „умершю Рюрикови, предасть княжене свое Олгови, отъ рода ему суца, вдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми.“ Подъ 883 годомъ: „поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ и, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ“. Подъ 884 годомъ: „иде Олегъ на Сѣверяны, и побѣди Сѣверянѣ, и возложи нань дань легку, и не дасть имъ Козаромъ дани платити, рекъ: „азъ имъ противель, а вамъ нечему“. И т. д.

³⁾ Тамъ-же; годъ 988.

⁴⁾ Существованіе славянорусской письменности до времени крещенія князя Владиміра Святославича доказываютъ слѣдующія историческія указанія. Договоръ Олега съ Греками 911 года: „аще ли створить (Русинъ) уряженіе, таковый возьметъ уряжепое его, кому будетъ *писалъ* наслѣдити имѣше, да наслѣдитъ е“. Договоръ Игоря съ Греками 945 года: „нынѣ увѣдѣлъ есть князь вашъ (русскій) посылати *грамоту* ко царству нашему... *пишуче* сице“... Паннонское житіе Св. Кирилла: „дошедъ до Кореупя... обрѣте ту евангеліе и псалтырь *рушскими письмены писано*, и челоувѣка об-

Русскія лѣтописи IX и X столѣтій дошли до насъ чрезъ посредство перваго кievскаго лѣтописнаго свода. Отсюда, задача науки нашего времени состоитъ въ изысканіи признаковъ, посредствомъ которыхъ было бы *возможно отдѣлить* въ содержаніи сохранившагося до насъ древнѣйшаго кievскаго лѣтописнаго свода *лѣтописныя извѣстія языческаго происхожденія, составленныя современниками событій IX и X столѣтій*, отъ лѣтописныхъ сказаній христіанскаго времени, составленныхъ лѣтописнымъ сводчикомъ по другимъ источникамъ, по народнымъ преданіямъ, иноземнымъ сказаніямъ и собственнымъ домысламъ.

Въ содержаніи Несторова лѣтописнаго свода различаются *два слоя свѣдѣній*. Въ первомъ словъ господствуетъ *лаконизмъ, простота рѣчи*, состоящей изъ главныхъ предложеній; а по содержанію свѣдѣнія этого слоя всегда *современны* тѣмъ годамъ, подъ которыми записаны, и заключаютъ въ себѣ указанія на такія событія и черты въ описаніи событій, которыя могли быть записаны только ихъ современниками-очевидцами ¹⁾. Во второмъ словъ преобладаютъ

рѣте глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ съ нимъ, и силу рѣчи пріемъ, своей бесѣдѣ прикладае различны письмень, гласная и согласная, и вскорѣ начеть чести и сказовати“. Житіе Константина филозофа. Изд. Бодянскаго, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. за 1863 г., кн. II; стр. 11, 47, 75. Отсюда Св. Кириллъ научился славянскому языку при посредствѣ *русской грамоты*. По свидѣтельствамъ черноризца Храбра (первой половины X вѣка) „прежде убо Словѣне не имѣхя кѣнигъ, но чертали и рѣзами чытяхя и гатахя, погани суще... Кириллъ... створи имъ ꙗ письмень и ѿ, ово убо по чину гречьскихъ письмень, ово же по словѣнствѣи рѣчи“... Древніе памятники письма и языка югов. Славянъ. Изд. И. Срезневскаго. 1865; стр. 1—3. По свидѣтельству Ибъ-Фадлана (первой половины X вѣка), Руссы, насыпавъ курганъ надъ могилою покойника, вкопали дерево на его вершинѣ, а на деревѣ „написали имя умершаго челоуѣка и имя русскаго князя“. Гаркави: Сказ. мусуль писат.; с. 101. По свидѣтельству Ибнъ-анъ-Надима (второй половины X вѣка): „Русскіе имѣють письмена, вырѣзываемыя на деревѣ“. Тамъ-же; стр. 240. Слѣдовательно, матеріаломъ для письма Славяноруссамъ служило *дерево, доски*“ (ср. Псков, Суд. грам.; ст. 14, 19, 28), что объясняетъ причину, по которой не сохранилось въ подлинникахъ памятниковъ письменности русскихъ Славянъ языческой эпохи.

¹⁾ Сюда принадлежатъ хронологическія извѣстія о событіяхъ русской земли во второй половинѣ IX вѣка и въ X столѣтіи, на-

длинные периоды, придаточныя и вводныя предложенія, плавность рѣчи, церковное краснорѣчїе; а по содержанию свѣдѣнїя этого слоя часто не имѣютъ ничего общаго съ тѣми годами, подѣ которыми вставлены 1).

Происхожденіе въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ сказаннаго наслоенїя свѣдѣнїй, такъ рѣзко различающихся по формѣ и по

писанныя слѣдующимъ языкомъ: „Въ лѣто 6370 (862) изгнаша Варяги за море; и не даша имъ дани; и почаша сами въ собѣ володѣти, и города ставити; и не бѣ въ нихъ правды; и воста родъ на родъ; и быша въ нихъ усобицы, воевати почаша сами на ся... Въ лѣто 6390 (882) Олегъ приде къ Смоленску; и прїя градъ; и посади мужъ свой; оттуда поиде внизъ по Днѣпру; и взя Любечъ; и посади мужъ свой... Иде Олегъ на Греки; и приде къ Царюграду; и Греци замкоша Судъ, а городъ затвориша. И вылѣзе Олегъ на берегъ; и повелѣ воемъ своимъ изволочити корабля на берегъ; и повоева около города; и много убійство сотвори Грекамъ; и палаты многи разбиша, а церкви пожгоша (907 г.). ...Изидоша Деревляны противу; снемшемся обѣма полкома на скупъ; суну копьемъ Святославъ; и копье летѣ сквозѣ уши коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмольдъ: „князь уже почаль, а потягнѣте дружина по князѣ (946 г.)...“ и т. д.

1) Сюда принадлежатъ: сказаніе о судьбѣ славянской придуманской прародины, о переводѣ священныхъ книгъ на славянской языкъ и славянскихъ первоучителяхъ (898 г.); сказаніе о смерти Олега по предсказанію волфа и рассужденіе о дивномъ исполненіи предсказаній кудесниковъ, со ссылками на разные примѣры бѣсовскихъ чудесъ (912 г.); сказаніе о крещеніи княгини Ольги (955 г.) и вообще всѣ сказанія, написанныя языкомъ, образомъ котораго могутъ служить слѣдующія цитаты: „по мнѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорска земля и Болгарска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше, на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша па рѣцѣ именемъ Морава и прозвашася Морава, а друзи Чеси нарекошася... Яко же се и при насъ нынѣ Половцы законъ держатъ отецъ своихъ—кровь проливати, а хвалящеся о сихъ, ядуще мертвечину и всю печистоту, хомяки и сусолы, поимають мячехи своя и ятрови и ины обычаи отецъ своихъ творять; мы же христіане, елико земля, иже вѣрують въ Св. Троицю, въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамы единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся...“ и т. д. П. С. Р. Л. I, стр. 3—7.

содержанію, возможно объяснить только тѣмъ, что въ рукахъ Нестора находились несохранившіяся до насъ въ подлинникѣ лѣтописныя записки IX и X столѣтій, съ точнымъ обозначеніемъ хронологіи событій. *Несторъ переписалъ эти лѣтописи въ свой сводъ, съ сохраненіемъ архаическихъ особенностей ихъ языка; а съ своей стороны прибавилъ къ нимъ нѣкоторыя пояснительныя замѣчанія и историческія сказанія, составленныя по другимъ источникамъ* ¹⁾.

Сказанія новаго слоя въ Несторовомъ сводѣ составляютъ „*Повѣсти*“ временныхъ лѣтъ черноризца Феодосьева монастыря Печерскаго“, то - есть, безгодное введеніе свода, представляющее собою *компиляцію*, составленную изъ источниковъ византійскаго; болгарскаго и русскаго происхожденія, дополненныхъ домыслами самого Нестора. Введеніе начинается сказаніемъ хроники Георгія Амартола о раздѣленіи земли между потомками Ноя и кончается хронологическою таблицею русскихъ княженій ²⁾. *Время составленія этой компиляціи* выражается въ общемъ христіанскомъ харак-

¹⁾ Ср. Н. Костомарова: *Лекціи по Рус. Исторіи*; I; стр. 33—35; „Въ основаніи перваго Кіевскаго лѣтописнаго свода лежитъ безгодная повѣсть древнихъ лѣтъ, разбитая на годы и перебитая вставками. Тонъ первоначальной повѣсти старыхъ временъ даетъ себя знать повсюду между другими вставками, такъ что, несмотря на смѣшенія, перестановку частей, измѣненія въ слогѣ, совершавшіяся въ теченіи вѣковъ, до сихъ поръ можно прослѣдить его, какъ иногда можно прослѣдить воду одной рѣки, впавшей въ другую...“ „Лѣтописецъ имѣлъ подъ рукой уже готовые *разказы безъ годовъ, разлагалъ ихъ на годы, а тамъ, гдѣ не зналъ къ какому году отнести событіе, ставилъ при немъ нѣсколько годовъ*“.

²⁾ Въ составъ содержанія вводныхъ „повѣстей“ Нестора входятъ слѣдующія сказанія: повѣствованіе греческой хроники о расселеніи по землѣ потомковъ Ноя, съ прибавленіемъ къ нему сказанія о сѣверныхъ народахъ; сказаніе о расселеніи въ Европѣ Славянъ и Славяноруссовъ; сказаніе о водныхъ путяхъ въ предѣлахъ Руси и о путешествіи Андрея Первозваннаго; сказаніе о происхожденіи Кіева и первыхъ кіевскихъ князьяхъ (Кіи, Щекъ и Хоривъ); сказаніе о пародахъ - данникахъ Руси славянскаго и неславянскаго происхожденія; сказаніе о народахъ славянской придунайской прародины; сказаніе о различіи обычаевъ и законовъ народовъ славянскаго и неславянскаго происхожденія; сказаніе о завоеваніи Поляпъ Хозарами и хронологическая таблица событій всемірной исторіи до византійскаго императора Михаила III и русскихъ княженій до смерти Ярослава Владиміровича См. приложение № II.

терѣ ея содержанія, а особенно въ сказаніяхъ о народахъ, платящихъ дань Руси и различіи законовъ языческихъ народовъ и христіанскихъ, изъ которыхъ ясно видно, что авторъ жилъ въ эпоху, когда христіанство распространилось по всѣмъ областямъ Руси, за исключеніемъ земли Вятчей, и когда появились на Руси Половцы ¹⁾, то-есть, не ранѣе времени дѣтей Ярослава Владиміровича. Въ хронологической части лѣтописнаго свода добавленія Нестора къ русскимъ лѣтописямъ языческой эпохи составляютъ нѣкоторыя пояснительныя замѣчанія къ древнимъ лѣтописнымъ текстамъ ²⁾, цитаты изъ византійскихъ и болгарскихъ источниковъ, выписки изъ житій святыхъ мужей, разсужденія поучительнаго содержанія и историческія сказанія, основанныя на народныхъ преданіяхъ, домыслахъ Нестора и разсказахъ его современниковъ ³⁾.

1) „Яко-же се и при насъ нынѣ Половцы законы держать отецъ своихъ“ П. С. Р. Л. I; стр. 7.

2) Напримѣръ, къ лѣтописи времени княженія Олега прибавлены свѣдѣніемъ слѣдующія пояснительныя замѣчанія: въ разсказѣ о вокняженіи Олега въ Кіевѣ: „устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривень 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярослава даяше Варягомъ“ (882 г.); въ извѣстіи о движеніи Угровъ мимо Кіева: „идоша Угры мимо Кіева горою, еже се зоветь нынѣ Угорское; пришедше къ Днѣпру и стаща вежами, бѣша бо ходяще, аки се Половци“ (898 г.); въ разсказѣ о походѣ Олега противъ Грековъ въ 907 году, за перечисленіемъ народовъ, участвовавшихъ въ походѣ: „яже суть толкованы, си вси звахуться Великая Скиевъ“, — очевидная ссылка Нестора на его вводныя „Повѣсти“ къ своду, въ которыхъ, за перечнемъ славянорусскихъ племенъ, было сказано: „да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скиевъ“...

3) Нѣкоторые литературные источники перваго кіевского лѣтописнаго свода, не только византійскаго и болгарскаго, но и русскаго происхожденія, сохранились до нашего времени отдѣльно, независимо отъ лѣтописнаго свода; какъ напримѣръ, „Житіе Владиміра Равноапостольнаго“ и „Чтеніе о житіи и погубленіи страстотерпцевъ Бориса и Глѣба“, соч. Іакова Черноризца. Въ сказаніи лѣтописнаго свода объ ослѣпленіи Василька Ростиславича говорится: „присла по мя князь Давидъ и рече ми: „да се Василью, шлю тя, иди къ Василькови“. (П. С. Р. Л. I, 112). Очевидно, составитель свода имѣлъ подъ руками разсказъ какого-то Василія и вставилъ его въ свой сводъ, не выбросивъ имени Василія—автора разсказа, обнаруживъ тѣмъ источникъ своего повѣствованія объ ослѣпленіи Василька Ростиславича.

За исключеніемъ вводныхъ, безгодныхъ „Повѣстей“ и послѣдующихъ сказаній, составленныхъ по источникамъ христіанской эпохи, остается въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ рядъ хронологическихъ свѣдѣній, взятыхъ Несторомъ изъ русскихъ лѣтописей языческой эпохи. Перечню такихъ свѣдѣній предшествуетъ въ сводѣ *хронологическая таблица*, часть которой, относящаяся къ всемірной и византійской исторіи, взята изъ греческой лѣтописи, а другая часть, относящаяся къ русской исторіи, *составлена по русскимъ лѣтописямъ* ¹⁾. Повидимому *русскія лѣтописи языческаго времени были ведены по княженіямъ*, такъ что каждое новое княженіе начиналось первымъ годомъ, а послѣдній годъ княженія каждаго князя означалъ общее число лѣтъ его власти. Несторъ, выписавши изъ греческаго источника хронологію отъ Адама до византійскаго императора Михаила, прибавилъ къ ней хронологію русскихъ княженій, сосчитавъ годы княженія каждаго князя по лѣтописямъ первыхъ Рюриковичей и перечисливъ русскую языческую хронологію на византійскую - христіанскую отъ сотворенія міра. Слѣдовавшіе за Несторомъ лѣтописные сводчики постепенно расширяли составленную имъ хронологическую таблицу, прибавляя къ ней общій счетъ годовъ княженія послѣдующихъ великихъ князей ²⁾.

За хронологическою таблицею русскихъ княженій слѣдуетъ въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ изложеніе событій въ русской землѣ времени княженія Рюрика въ Новгородѣ и Аскольда и Дира въ Кіевѣ. Сравнивая эту часть Несторова свода съ соотвѣтствующими ей частями удѣльных лѣтописныхъ сводовъ и государства московскаго, мы находимъ, что *Несторъ*, въ видахъ возвышенія авторитета княжившей при немъ династіи, *частію сократилъ, частію измѣнилъ подлинный смыслъ извѣстій русскихъ лѣтописей IX вѣка*, состоявшихъ въ его рукахъ. Опущены извѣстія о насильственномъ подчиненіи Рюрикомъ своей власти Славянъ Ильменскихъ, о возстаніяхъ Новгородцевъ противъ Рюрика, о казни

¹⁾ См. приложение № II, 852 годъ.

²⁾ Такимъ образомъ, въ Несторово - Сильвестровомъ сводѣ, за хронологическою таблицею Нестора, находимъ слѣдующее добавленіе: „а отъ смерти Ярославли до смерти Святполчи лѣтъ 60; но мы на прежнее возвратимся, скажемъ, что ся удѣя лѣта сп“; а за симъ, въ послѣдующихъ лѣтописныхъ сводахъ читаемъ: „Володимерь Всеволодовичъ Мапамахъ княжи 12 лѣтъ; Вячеславъ княжи 4 мѣсяци; Всеволодъ Ольговичъ княжи 12 лѣтъ...“ и т. д. до времени прекращенія дома Рюриковичей. См. П. С. Р. Л.; томъ XV; стр. 12.

Рюрикомъ Вадима Храбраго и его товарищей и о бѣгствѣ отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ многихъ новгородскихъ мужей. Изъ лѣтописи княженія Аскольда и Дира въ Кіевѣ опущены Несторомъ извѣстія о завоеваніяхъ, о второмъ походѣ въ Грецію и крещеніи Аскольда и Дира, по всей вѣроятности, изъ желанія не будить въ народной памяти воспоминанія о славныхъ подвигахъ первыхъ христіанскихъ князей въ Кіевѣ, убитыхъ Олегомъ и Игоремъ, представителями династіи, княжившей въ Кіевѣ при Несторѣ.

Въ части Несторова свода, относящейся къ княженіямъ *Олега, Игоря и Святослава, незамѣтно важныхъ измѣненій княжескихъ лѣтописей X столѣтія*. Сводчику принадлежатъ здѣсь только немногія пояснительныя замѣчанія и нѣсколько сказаній, прибавленныхъ къ древнимъ лѣтописнымъ текстамъ, переписаннымъ въ сводѣ въ той формѣ и въ томъ порядкѣ, въ какихъ нашелъ ихъ Несторъ въ лѣтописяхъ княженій Олега, Игоря и Святослава ¹⁾.

Со времени Владиміра Святославича *языкъ княжескихъ лѣтописей теряетъ отличительныя архаическія особенности* лѣтописнаго языка языческой эпохи. Съ этого времени сказанія лѣтописнаго сводчика такъ слиты со свѣдѣніями, взятыми изъ княжескихъ лѣтописей, что разграничить ихъ невозможно. Исключеніе составляютъ только извѣстія, взятые изъ лѣтописей новгородскихъ и полоцкихъ, долго сохранявшихъ особенности лаконическаго языка русскихъ лѣтописей времени первыхъ Рюриковичей.

¹⁾ Въ эту часть Несторова свода изъ княжескихъ лѣтописей X вѣка вошли: лаконическіе тексты слѣдующихъ хронологическихъ извѣстій и сказаній: о вокняженіи Олега въ Кіевѣ (882 г.); о размѣрахъ дани, наложенной Олегомъ на покоренныя племена (883, 884, 885); о движеніи Угровъ мимо Кіева (898); о женитьбѣ Игоря (903); о походѣ Олега на Грековъ и договоръ съ Греками (907); о явленіи кометы (911); договоръ Олега съ Греками 911 года (912); о вокняженіи Игоря (913) и войнѣ его съ Древлянами (914); о нападеніи Печенѣговъ (915) и мирѣ съ ними (920); о рожденіи Святослава (942); о походахъ Игоря на Грековъ (941, 944); о договорѣ Игоря съ Греками (945); о смерти Игоря и вокняженіи Святослава (946); о походахъ княгини Ольги и князя Святослава (947, 955, 964, 965, 966 и 967); о раздѣленіи Святославомъ русской земли на удѣлы между его сыновьями (970); о войнѣ Святослава съ Греками и договорѣ его съ царемъ Іоанномъ Цимисхіемъ (971); о смерти Святослава (972). См. въ приложеніи № II подъ годами, указанными въ скобкахъ этой выписки

Въ составѣ содержанія Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода и послѣдующихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ ¹⁾ для исторіи русскаго права эпохи племенныхъ государствъ особенно важны: свѣдѣнія о разселеніи Славянъ въ центральныхъ областяхъ Европы и происхожденіи славянорусскихъ княженій; свѣдѣнія о законахъ и обычаяхъ славянорусскихъ племенъ языческой эпохи; свѣдѣнія о военныхъ отношеніяхъ Кіева къ Византіи въ IX вѣкѣ и крещеніи Кіевлянъ при Аскольдѣ; свѣдѣнія о завоеваніяхъ первыхъ Рюриковичей и отношеніи Кіевскихъ князей къ подвластнымъ народамъ; свѣдѣнія о военныхъ и мирныхъ отношеніяхъ первыхъ князей Рюрикава дома къ Грекамъ, выясняющія исторію договоровъ Славяноруссовъ съ Греками; наконецъ, содержаніе договоровъ Славяноруссовъ съ Греками, дающее прочный базисъ знанію системы славянорусскаго права языческой эпохи.

Г л а в а П.

Письменные источники иноземнаго происхожденія.

Письменные источники иноземнаго происхожденія перваго періода исторіи русскаго права составляютъ *свѣдѣнія* объ условіяхъ политико-юридическаго быта русскихъ Славянъ языческой эпохи, сохранившіяся *въ сочиненіяхъ греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ и арабскихъ писателей до X столѣтія включительно* ²⁾. Задача науки исторіи русскаго права состоитъ здѣсь *въ опредѣленіи количества сказанной иноземцевъ, составляющихъ средства познанія языческаго права Славяноруссовъ, то-есть, въ разграниченіи содержанія сочиненій древнихъ писателей, относящагося къ Славяноруссамъ, отъ содержанія, относящагося къ другимъ европейскимъ народамъ.* Рѣшеніе этой задачи обусловливается предварительнымъ рѣшеніемъ *вопроса объ именахъ, которыми называли нашихъ предковъ древніе иноземные писатели.*

Литературныя воззрѣнія по этому вопросу выражаются въ ученіяхъ *Татищева, Шлецера и Шафарика.*

По ученію Татищева, *имя Славянъ* появляется въ европейской исторіи въ VI вѣкѣ, въ сочиненіяхъ Прокопія и Иорнадда, но народъ этого имени также старъ, какъ и другіе народы ³⁾; историки

¹⁾ См. дополненіе № I и приложеніе № III.

²⁾ См. приложеніе № IV и слѣд.

³⁾ „Званіе Славяне... Хотя подлинно о старости званія сего,

до Прокопія называли всё народы нашего отечества Скивами и Сарматами... Отсюда, *первый период* славянорусской истории долженъ заключать въ себѣ обзоръ сказанній древнихъ писателей о Скиоахъ, Сарматахъ и Славянахъ со времени Геродота до времени призванія Новгородцами династїи Рюрика ¹⁾.

По ученію Шлецера: „*Все, что до сихъ поръ Татищевъ, Ломоносовъ и Щербатовъ собрали вообще о Славянахъ, съ прибавленіемъ Скиоовъ, Сарматовъ и многихъ другихъ, составль непринлежащихъ къ нимъ народовъ, совершенно бесполезно для настоящаго историка* ²⁾... Древнѣйшая русская история оканчивается 1054⁵ годомъ, смертью Ярослава, а начинается призваніемъ Рюрика... Несторъ есть первый древнѣйшій и единственный источникъ русской истории до 1054 года. Писанное Дитмаромъ и франкскими лѣтописцами, даже современникомъ Несторовымъ Адамомъ, есть не что иное, какъ отрывки, и не значить ничего; *Византійцы узнали Русь только со времени Игоря*. Польскія хроники всё недавни, а древнѣйшія изъ нихъ не имѣютъ смысла; истина, какую только можно отыскать въ нихъ, выкрадена изъ Нестора, а бессмыслица принадлежитъ имъ собственно; надобно отказаться и отъ исландскихъ сказокъ“. Тогда только, по ученію Шлецера, русская история получить ясность и вѣрность ³⁾.

Послѣдовавшее за Шлецеромъ направленіе научной разработки источниковъ знанія начальныхъ періодовъ русской истории и истории русскаго права характеризуется слѣдующими словами лекціи историка М. П. Погодина, читанной съ кафедры Московскаго университета въ 1846 году: „*Я начиналъ обыкновенно лекціи свои о русской истории съ 862 года, то-есть съ прибытія князей варягорусскихъ въ Новгородъ. О главномъ народѣ, къ которому пришли братья, и его однородцахъ я довольствовался изложеніемъ словъ Нестора о Полянахъ и Древлянахъ, Вятичахъ и Радимичахъ, Кривичахъ и Сѣверянахъ. Я думалъ, что о славянскихъ племенахъ больше и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что самъ первый лѣтописатель нами представляетъ ихъ еще въ состоянїи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не нужно. Такъ разсуждали и все наши ученые историки* — Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ,

сколько мнѣ извѣстно, прежде Прокопія не упоминается, но народъ безъ сомнѣнія такъ же старъ, какъ всё прочіе“. Ист. Рос.; кн. I; гл. XXXIII; стр. 424, 428. Изд. 1768 г.

¹⁾ Тамъ же; стр. 72, 249. Предувѣдомленіе; стр. XXI, XXII.

²⁾ См. Шлец. Несторъ; I; стр. ркз. 119, 325, 381, 413.

³⁾ Стр. 421 — 426.

вслѣдъ за законоположникомъ исторической критики прошедшаго столѣтія,— Шлецеромъ. Нынѣ Шафарикъ сочиненіемъ своимъ „Славянскія Древности“ производитъ совершенный переворотъ въ нашихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ... Шафарикъ принуждаетъ насъ начинать славянскую исторію съ глубочайшей древности ¹⁾.

По ученію Шафарика, въ сочиненіяхъ греческихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ писателей, говорящихъ о Сарматахъ, Венетахъ, Антахъ и Склавинахъ, встрѣчается много свѣдѣній, принадлежащихъ славянской исторіи, поясняющихъ и дополняющихъ свѣдѣнія Нестора. Но, отрицая родство Скиѳовъ съ индоевропейскими народами, признавая въ Скиѳахъ Геродота народъ монголо-татарскаго происхожденія, *Шафарикъ*, согласно съ ученіемъ Шлецера, *искалъ славянскую прародину за предѣлами древней европейской Скиѳіи*, въ областяхъ Геродотовыхъ Вудиновъ и Невровъ, *въ сѣверной половинѣ Европы, а не въ южной* ²⁾. При такомъ рѣшеніи вопроса о древнихъ именахъ Славянъ въ европейской исторіи многотомное сочиненіе Шафарика о славянскихъ древностяхъ мало подвинуло впередъ фактическую разработку начальнаго періода славянской и русской исторіи, потому что въ исторіи сохранились только названія Вудиновъ и Невровъ и неопредѣленные указанія на мѣста ихъ жительства; съ одинаковымъ правомъ можно предположить предками Славянъ Меленхленовъ, Антропофаговъ, Фиссагетовъ и всякій другой народъ времени Геродота, исторія и этнографія котораго неизвѣстны. Отсюда разсужденія Шафарика о стародавности Славянъ въ Европѣ и важномъ значеніи нашихъ предковъ въ европейской исторіи со времени Геродота до времени образованія государства Рюриковичей отличаются слабостью аргументаціи, являются построенными на множествѣ предположеній, лишенныхъ фактическихъ основаній; таковы предположенія о передвиженіяхъ Славянъ изъ сѣверныхъ областей Европы въ области придунайскія и обратномъ переселеніи Славянъ на сѣверъ, вслѣдствіе натиска Кельтовъ въ IV в. до Р. X.; о единствѣ происхожденія Скиѳовъ, Монголовъ и Татаръ; объ истребленіи европейскихъ Скиѳовъ Сарматами; о Сербахъ, какъ общемъ и древнѣйшемъ домашнемъ имени Славянъ, и т. д. Невѣрность воззрѣнія Шафарика на прародину и предковъ Славянъ, завлекшаго автора въ область безконечныхъ предположеній, была причиною безсилія его ученія

¹⁾ См. М. Погодина. Изслѣдованія, Зам. и Лекціи по русской исторіи. 1846 г., т. II; стр. 321.

²⁾ Разборъ воззрѣній Шафарика см. въ нашей „Исторіи русскаго права“; вып. I; стр. 96 и слѣд.; вып. II; стр. 2, 13 и слѣд.

въ борьбѣ съ ученіемъ Шлецеровскаго направленія, признавшимъ дорюриковскій періодъ славянской и славянорусской исторіи время *баснословнымъ, доисторическимъ*. Таковымъ дорюриковское время признается и нынѣ господствующимъ литературнымъ ученіемъ, несмотря на „Славянскія Древности“ Шафарика¹⁾.

Совѣтуя русскимъ историкамъ „отстать отъ Скивовъ и Сарматъ, побуждая ихъ начинать первый періодъ русской исторіи изложеніемъ Несторова разказа о призваніи Рюрика въ 862 г., Шлецеръ обѣщалъ русской исторіи ясность и вѣрность. За совѣтами Шлецера послѣдовали русскіе историки и историки-юристы и въ теченіе столѣтій не изучали древнихъ сказаній о Скивахъ и Сарматахъ, начиная первый періодъ русской исторіи событіемъ призванія Рюрика. Согласно съ обѣщаніемъ Шлецера, мы должны уже владѣть ясною и вѣрною русскою исторіей. Такъ ли на самомъ дѣлѣ? Со времени Шлецера по русской исторіи и исторіи русскаго права напечатано множество сочиненій, а между тѣмъ, по признанію ученыхъ историковъ и историковъ-юристовъ нашего времени, *научная разработка основныхъ вопросовъ русской исторіи и исторіи русскаго права представляетъ собою самую жалкую картину, лабиринтъ личныхъ мнѣній*“²⁾.

1) См. В. И. Сергѣевича: „Лекціи и Исслѣдованія по исторіи русскаго права“; изд. 1883 года; стр. 53—55: „для исторіи русскаго права историческое время не восходитъ далѣе X много IX вѣка... Историческому времени предшествуетъ доисторическое время. Относительно этого доисторического времени въ науку есть только догадки“. М. Ф. Владимірскаго Буданова: „Обзоръ Исторіи Русскаго Права“, вып. I; изд. 1886 года; стр. IV: „быть донаціональный (доисторическій) не долженъ входить въ исторію національнаго права; таковы: бытъ Скивовъ, Сарматовъ и др. народовъ, населявшихъ восточную Европу до образованія русской націи или по крайней мѣрѣ непосредственныхъ ея элементовъ (славянскихъ племень)... Исторія русскаго права дѣлится естественно на три періода: 1) *періодъ земскій (или т. н. княжескій) IX—XIII в.*“...

2) К. Кавелинъ научную обработку русской исторіи характеризовалъ слѣдующими словами: „ученое обработываніе русской исторіи представляетъ самую жалкую картину... Писано, если хотите, довольно, даже гораздо больше, нежели сколько нужно, чтобъ не привести ни къ какому результату... Хуже нельзя отозваться объ исторической литературѣ“. Сочиненія, ч. I, стр. 310. Изд. 1859 г. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, за изложеніемъ „различныхъ мнѣній объ удѣльномъ періодѣ“, говоритъ: „изъ всего сказаннаго ясно, что

Слѣдовательно, направленіе, господствующее въ историко-юридической литературѣ, данное Шлецеромъ, не оправдывается результатами, не даетъ знанія научнаго, фактическаго; а отсюда новый пересмотръ вопроса о древнихъ именахъ нашихъ предковъ и количествѣ сохранившихся до нашего времени сказаній иноземцевъ о Славянахъ и Славяноруссахъ является существенно необходимымъ для приступающихъ къ научному познанію начальныхъ періодовъ русской исторіи и исторіи русскаго права.

Домашняя и иноземная номенклатура Славянъ и Славяноруссовъ языческой эпохи.

Мы привыкли съ именемъ Славянъ соединять представленіе о всѣхъ народахъ, говорящихъ славянскимъ языкомъ; но *Славяно-руссы языческой эпохи не знали общаго этнографическаго имени Славянъ*; Славянами назывались только придунайскіе народы, говорившіе славянскимъ языкомъ, а изъ русскихъ народовъ — одно племя Славянъ Ильменскихъ, позднѣйшихъ Новгородцевъ. *Древніе народы* одного этнографическаго типа, но жившіе въ политической разрозненности племенъ, чуждались другъ друга, не сознавали своего этнографическаго единства и не имѣли общаго національнаго домашняго имени; каждое племя называло себя особымъ именемъ. Объединеніе родственныхъ племенъ однимъ именемъ является въ исторіи результатомъ или научнаго наблюденія, дающаго общее имя разрозненнымъ племенамъ одного этнографическаго типа, или политическаго союза племенъ подъ общею властью ¹⁾.

мы не довольны ни одной изъ теорій, взявшихся объяснить государственный бытъ древней Руси“. Рус. Ист.; I, с. 162. Изд. 1872 г. По словамъ О. И. Леонтовича: „нельзя указать ни на одну теорію, которая окончательна установилась бы и господствовала въ наукѣ; напротивъ, по всѣмъ основнымъ ея вопросамъ встрѣчаемъ массу крайне разнообразныхъ воззрѣній и ученій, съ самыми разнохарактерными и противоположными направленіями, воззрѣній, представляющихъ въ своей совокупности такой лабиринтъ личныхъ мнѣній и взглядовъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ никакого выхода“. Журн. Мин. Народ. Просв. за 1874 г. Июнь; стр. 201.

¹⁾ Напримѣръ, до времени объединенія италійскихъ племенъ властью и именемъ Римлянъ разрозненные народы Италіи не имѣли общаго домашняго имени. Въ предѣлахъ Франціи нашего времени

Подобно всѣмъ другимъ древнимъ народамъ, жившимъ въ племенной разрозненности, у *Славяноруссовъ эпохи племенныхъ государствъ*, до времени политическаго ихъ объединенія подъ властью князей Рюриковичей, каждое племя представляло собою особое государство и называлось особымъ именемъ¹⁾. *Несторъ настойчиво доказывалъ* своимъ современникамъ, *Полянамъ, Древлѣнамъ, Стверрянамъ, Дреговичамъ и всѣмъ другимъ славянорусскимъ племенамъ, что они такіе же Славяне какъ и Ильменцы, что они, хотя расселились по разнымъ мѣстамъ, прозвались особыми именами, образовали отдѣльныя государства, но въ этнографическомъ смыслѣ составляютъ одинъ народъ*, произошли отъ одного пранарода, жившаго на Дунаѣ, говорятъ однимъ языкомъ, отличнымъ отъ языка другихъ народовъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ ними Русь, какъ государство, но имѣвшихъ неславянское происхожденіе и говорившихъ неславянскимъ языкомъ; а потому, *по ученію Нестора, всѣ племена, происшедшія отъ Славянъ дунайскихъ, говорившіе славянскимъ языкомъ и имѣвшія славянскую грамоту, должны были именоваться общимъ именемъ Славянъ*. Доказывая, что всѣ народы, происшедшіе отъ славянъ дунайскихъ, должны называться именемъ Славянъ, Несторъ указалъ и основаніе своего убѣжденія, каковымъ были находившіеся въ рукахъ Нестора памятники письменности дунайскихъ народовъ IX—XI вѣковъ, въ которыхъ переводъ священныхъ книгъ Кирилла и Меодія называется „словьн-

обитало въ древности много разрозненныхъ племенъ, называвшихъ себя особыми именами до времени завоевательнаго подчиненія Римлянамъ, объединившимъ эти племена общимъ именемъ Галловъ. Въ эпоху Юлія Цезаря между Рейномъ, верхнимъ теченіемъ Дуная, Эльбою и Балтійскимъ моремъ обитало много племенъ, называвшихъ себя особыми именами до времени объединенія ихъ римскими историками общимъ именемъ Германцевъ; изъ римской литературы это общее названіе нѣмецкихъ народовъ перешло въ греческую литературу и позднѣйшую нѣмецкую исторію. „Римляне дали имъ названіе Германцевъ, желая показать, что Германцы родственны Галатамъ: на римскомъ языкѣ слово Германцы значить „родственные“. Географія Страбона; кн. VII; гл. I; пар. 2.

¹⁾ Ученые школы Шафарика потратили много бесплодныхъ трудовъ на изысканіе общаго древняго домашняго имени славянскихъ народовъ. См. Шафарика: Слав. Древн.; т. I; стр. 157 и слѣд. Изд. 1848 г. Здѣсь читатель найдетъ бесполезный трактатъ о „*Спорахъ или Сербсахъ*“, какъ древнемъ домашнемъ и общемъ имени всѣхъ славянскихъ народовъ.

Слѣдовательно, именованіе *всѣхъ славянорусскихъ племенъ общимъ именемъ Славянъ новаго происхожденія, вошло въ употребленіе не ранѣе ознакомленія Славяноруссовъ съ памятниками письменности юго-западныхъ Славянъ и сдѣланными для нихъ переводами священныхъ книгъ, принятыми и христіанскою Русью. Въ первомъ кievскомъ лѣтописномъ сводѣ общее имя Славянъ встрѣчается только во введеніи, написанномъ Несторомъ, и въ послѣдующихъ сказаніяхъ, явно составленныхъ въ христіанскую эпоху Несторомъ и его продолжателями, но не встрѣчается въ сказаніяхъ о завоеваніяхъ первыхъ Рюриковичей, въ текстахъ договоровъ съ Греками и вообще въ текстахъ, взятыхъ составителемъ лѣтописнаго свода изъ русскихъ лѣтописей IX и X столѣтій. Въ извѣстіяхъ языческой эпохи и въ договорахъ съ Греками славянорусскія племена называются особыми, племенными именами (Поляне, Древляне, Сѣверяне, Кривичи и т. д.) или обозначаются общимъ именемъ Руси.*

Общее имя Руси въ именованіи славянорусскихъ племенъ древнѣе общаго имени Славянъ; оно становится общимъ со времени завоеваній князя Олега. Но въ эпоху язычества имя Русь имѣло политическое значеніе, а не этнографическое, означало собою не этнографическій типъ народовъ, а ихъ политическій союзъ. Такое значеніе слово Русь имѣетъ въ слѣдующемъ лѣтописномъ извѣстіи: „сѣде Олегъ, княжа въ Киевѣ; и рече Олегъ: се буди мати градомъ русскимъ; бѣша у него Варязи и Словѣны и прочи прозвашася Русью“¹⁾. Такое же значеніе имя Русь имѣетъ въ текстахъ договоровъ съ Греками, въ которыхъ русскою землею называется вся территорія, подвластная кievскому князю, а русскими людьми всѣ подданные кievскаго князя, безъ различія этнографическихъ типовъ, Славянъ, Финновъ и Варяговъ. Греку противопоставляется только Русскій, безъ различія религіи, происхожденія и языка; русскими городами называются вообще города, въ которыхъ „сѣдяху князья подъ Олегомъ суще“; послы Олега и Игоря, не смотря на различіе ихъ національности, говорятъ: „мы отъ рода русскаго съли и гостье, посланіи отъ Игоря великаго князя русскаго и отъ всякаго княжья и отъ всѣхъ людей русскія земли“; и т. д.²⁾

Изученіе лѣтописныхъ свидѣтельствъ, относящихся къ номеклатурѣ славянорусскихъ племенъ языческой эпохи, приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. До половины IX вѣка славянорусскія племена составляли отдѣльные племенные государства, назывались особыми именами и не имѣли общаго домашняго наці-

¹⁾ П. С. Р. Л. I; 10. Приложение № II, стр. 18.

²⁾ См. Приложение № II, стр. 21, 22, 27.

ональнаго имени, ни географическаго, ни политическаго, ни этнографическаго. *Со времени образованія кievскаго завоевательнаго государства Рюриковичей образуется общій политическій терминъ Русь, означавшій всѣ земли и всѣ народы, подвластные кievскому князю, несмотря на различіе ихъ происхожденія и языка. Со времени крещенія Руси и знакомства Славяноруссовъ съ переводами священныхъ книгъ на славянскій языкъ и памятниками письменности югозападныхъ Славянъ славянорусскія племена объединяются общимъ этнографическимъ именемъ—Славянъ,—именемъ своихъ придунайскихъ предковъ. Несторъ и его продолжатели именемъ Славянъ отличаютъ народы, родственные по происхожденію придунайскимъ Славянамъ и говорившіе славянскимъ языкомъ, отъ народовъ неродственнаго имъ происхожденія и чуждаго языка, составлявшихъ съ ними одно государство, подвластное Рюриковичамъ.*

Земля, служившая жилищемъ Славяноруссамъ языческой эпохи и покрывшая ихъ могилы, сохранила въ себѣ неоспоримыя доказательства сношеній нашихъ предковъ съ народами юга, запада и востока со времени поселенія въ центральныхъ областяхъ Европы до времени крещенія русскаго народа при Владимірѣ Святославичѣ. Доказательства этого рода составляютъ клады монетъ и другихъ издѣлій древняго искусства Римлянъ, Грековъ, Нѣмцевъ и Арабовъ, открытыя въ предѣлахъ земли Славяноруссовъ языческой эпохи ¹⁾. Русскіе Славяне были извѣстны своимъ сосѣдямъ, народамъ юга, востока и запада; какими же именами иноземные народы называли Славяноруссовъ, состоявшихъ съ ними въ торговыхъ или военныхъ сношеніяхъ?

Отвѣта на этотъ вопросъ всего прежде должно искать у перваго составителя русской исторіи, который жилъ въ XI вѣкѣ,

¹⁾ Перечень кладовъ съ римскими, византійскими, нѣмецкими и арабскими монетами II—X столѣтій, открытыхъ въ землѣ восточныхъ Славянъ, см. въ сочиненіяхъ: *Д. Самоковсова: Ист. Рус. права; вып. II; стр. 131—139. П. С. Савельева: Мухаммеданская Нумизматика въ отн. къ русск. исторіи; 1846 г. Въ Несторовыхъ „Повѣстяхъ“ записано сказаніе о водныхъ дорогахъ изъ центральныхъ областей славянорусской земли въ моря Каспійское, Черное, Балтійское и далѣе вокругъ Европы до Рима и Константинополя, сказаніе о путешествіи апостола Андрея и сказаніе о путешествіи Кія въ Царьградъ, изъ которыхъ ясно видно, что первый русскій историкъ былъ убѣжденъ въ томъ, что сношенія Славяноруссовъ съ отдаленными иноземными народами существовали съ глубокой давности.*

читалъ историческія сочиненія Грековъ и югозападныхъ Славянъ, взялъ изъ нихъ много цитатъ въ свое сочиненіе и имѣлъ возможность узнать достоверно, какъ называли южные народы русскихъ Славянъ непосредственно отъ ученыхъ Грековъ, занимавшихъ въ XI вѣкѣ должности высшихъ іерарховъ въ Россіи.

По свидѣтельству Нестора, *русская земля стала называться у Грековъ Русью со времени царствованія въ Царьградѣ Михаила III* ¹⁾. Греческіе источники оправдываютъ приведенное свидѣтельство русскаго историка: *Патріархъ Фотій, епископъ Никита и Георгій Амартолъ, современники событія, называютъ, „Россовъ, варварскій народъ, скискаго происхожденія, приплывшій на судахъ съ сѣвера, по Черному морю“, и опустошившій при Михаилѣ III окрестности Константинополя, въ отмщеніе за обиду, нанесенную ему Греками нарушеніемъ союзнаго договора* ²⁾. Со времени Михаила III византійскіе историки называютъ русскую землю и ея обитателей Росью—Русью до времени паденія Византіи (1453 г.).

На Востоку имя Руси въ первый разъ встрѣчается у Ибнъ-Хордадбе, современника византійскаго царя Михаила III, въ слѣдующемъ извѣстіи: „царь славянъ (Сакалибъ) называется княдъ... Что же касается купцовъ русскихъ, они же суть племя изъ Славянъ, то они вывозятъ мѣха видры, мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ отдаленныхъ концовъ Славоніи (Саклабъ)“ ³⁾.

Древнѣйшее извѣстіе о Руси западно-европейскихъ историковъ слѣдующаго содержанія: „превосходная и достойная вѣры книга „Imago Mundi“ говоритъ ясно, что тѣ народы, которые называются Руссы (Rusci), Поляжи (Polavi), Венгерцы обращены въ христіанскую вѣру во время императора Оттона III“ ⁴⁾.

¹⁾ Въ лѣто 6360 (852), индикта 15, нечешю Михаилу царствовать, *начая прозвѣстити Русска земля; о семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари приходима Русь на Царьгородъ, яко пишется въ лѣтописани грѣчьстѣмъ*. П. С. Р. Л. I, 7. Приложение II, с. 16. Подъ 866 годомъ въ лѣтописи говорится. „Въ лѣто 6374 иде Аскольдъ и диръ на Греки, и придоша въ 14-е лѣто Михаила царя. Царю же отшедшу на Огоряры, дошедшу же ему Черные рѣки, вѣсть епархъ посла къ нему, яко Русь на Царьгородъ идетъ...“ Тамъ-же, с. 17.

²⁾ См. въ приложеніяхъ извѣстія о Россахъ Георгія Амартола, патріарха Фотія и епископа Никиты. *Memoriae Populorum*; II; p. 957—959.

³⁾ См. *Гаржави*: Сказ. Мусульм. писат. о Славянахъ и Руссахъ 1870 г.; стр. 49. Приложение, Ибнъ-Хордадбе.

⁴⁾ См. Рус. Ист. Сборникъ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1840 г.; т. IV; кв. I; стр. 103. Приложение, Сага Олава.

Народъ русскій, говорившій славянскимъ языкомъ ¹⁾, въ IX и X столѣтияхъ былъ многолюднѣйшимъ народомъ въ Европѣ и владѣлъ громадною территоріей. По свидѣтельствамъ Нестора и русскихъ лѣтописей вошедшихъ въ составъ содержанія Несторова лѣтописнаго свода, племена Руси въ концѣ IX и въ X вѣкахъ занимали земли отъ Ладожскаго озера до Чернаго моря и отъ верхняго теченія Волги до Карпатскихъ горъ ²⁾. *Какъ-же именовали иноземцы многочисленный славянорусскій народъ до времени образованія русскаго государства эпохи первыхъ Рюриковичей и происхожденія общаго имени Руси?*

У восточныхъ иноземцевъ X столѣтія имя Русь означаетъ Славянское племя, живущее въ Славоніи; а древнѣйшими названіями Олавянъ на востокъ были имена: Саки, Сакладъ и Сакалидъ ³⁾.

У южныхъ и западныхъ иноземцевъ имя славянъ, въ формахъ „*Sclavini, Sclaveni, Sclavivi, Sclavi* и *Sthlavi*“, встрѣчается со времени историковъ Прокопія и Иордана (VI вѣка), рядомъ съ именами Антовъ и Венедовъ, въ значеніи мѣстныхъ названій народовъ Скиео-сарматскаго происхожденія, занимавшихъ области, лежавшія на востокъ отъ Германіи, надъ Дунаемъ и сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря. Упомянувъ о переходѣ племени Еруловъ съ берега Дуная къ Балтійскому морю около 490 года, Прокопій говоритъ: „въ этомъ переходѣ всѣ склавинскіе народы пропустили Еруловъ черезъ свои границы“ ⁴⁾. Въ другихъ мѣстахъ своей исторіи Прокопій говоритъ: „Склавини и Анты говорятъ однимъ языкомъ... занимаютъ великое пространство земли; большая часть земель по ту сторону Истра принадлежитъ имъ... Области на сѣверъ отъ Понта Эвксин-

¹⁾ По свидѣтельству Нестора: „словѣнскъ языкъ и русскій одинъ... аще и Поляне звахуся, но словѣнская рѣчь бѣ; Полями же прозвашася, занеже въ полѣ сѣдяху; языкъ словѣнскій бѣ имъ единъ“. П. С. Р. Л. I, 12. Приложение № II, с. 20.

²⁾ По свидѣтельству Ибнъ-Хаукаля (973—977): „въ настоящее время не осталось и слѣда отъ Булгара, Буртаса и Хазара, ибо Руссы напали на нихъ и отняли у нихъ всѣ области“. См. у Гаркави; стр. 130. По свидѣтельству краковскаго епископа Матвѣя (около 1150 г.): „*Gens Ruthenica multitudine innumerabili*“. См. Шафарика: Слав. Древности; т. II; к. I; стр. 239. Изд. 1842 г. Приложение, Ибнъ Хаукаль.

³⁾ Извѣстія арабскихъ писателей о Руссахъ и Славянахъ см. въ приложеніи.

⁴⁾ De bello gothico; кн. XI, гл. XV: „*ἡμιψάρ μὲν τὰ Σκλαβήρων ἔθνη ἐφέξην ἄπαντα*“.

скаго занимають *бесчисленные народы Антовъ* ¹⁾. По свидѣтельству Иордана: „Скиеія граничить съ Германіей, гдѣ беретъ начало рѣка Дунай... Внутри ея лежитъ Дакія, какъ вѣнцомъ огражденная высокими горами, за которыми на неизмѣримомъ пространствѣ обитаетъ многолюдный народъ Венетскій. Названіе этого народа нынѣ измѣняется по различію племенъ и поселеній, но преимущественно они называются *Склавинами и Антами*. Склавини живутъ, начиная отъ города Novietuniensis и озера Mursianus до рѣки Днѣстра... Анты же, храбрѣйшій народъ, занимають земли надъ Понтскимъ моремъ до Днѣпра... Побѣдивъ Еруловъ, Эрманрихъ обратился противъ Венетовъ. Опираясь на свою численность, они сначала пытались сопротивляться... Они, какъ выше сказано, происходятъ отъ одного народа, именуются Венеты, Анты, Склавены... Эрманрихъ покорилъ также народъ Эстовъ и самъ непосредственно управлялъ всѣми народами Германіи и Скиеіи ²⁾).

Описывая Склавинъ, Антовъ и Венедовъ, какъ многолюднѣйшій европейскій народъ, занимавшій неизмѣримыя пространства земли, лежавшей на востокъ отъ Германіи, надъ Понтомъ и Дунаемъ, *Прокопій, Иорданъ и все послѣдующіе европейскіе историки* не говорятъ о переселеніи этого народа изъ какой бы то ни было страны въ надпонтійскія и наддунайскія области; а отсюда историкъ нашего времени долженъ заключить, что и до VI вѣка этотъ народъ занималъ области, лежавшія на востокъ отъ Германіи, надъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Какими же именами называли Венетовъ, Склавинъ и Антовъ европейскіе историки до Прокопія и Иордана?

Въ первые вѣка по Р. Х. области Венетовъ, Склавинъ и Антовъ историковъ VI в. называются у римскихъ и греческихъ историковъ *Дакіей, Геттиской, Сарматіей, Скиеіей*, а ихъ обитатели именуются *Венетамми, Дакамми, Гетамми, Сарматамми и Скивамми*. Области Склавинъ, Антовъ и Венедовъ VI вѣка и области Даковъ, Гетовъ, Венетовъ, Сарматовъ и Скиеовъ I—VI вѣковъ Геродотъ и Гиппократъ называютъ общимъ именемъ *Скиеіи*, а обитателей Скиеіи, именуютъ общимъ именемъ *Скиеовъ* ³⁾. Отсюда историкъ нашего вре-

¹⁾ Тамъ-же: кн. III, гл. XVI: „Και μὴν καὶ ὄνομα Σκλαβηνοῖς τε καὶ Ἀνταῖς ἐν τῷ ἀνεκαθεν ἦρ... γῆν πολλήν τινα ἔχουσι τὸ γὰρ πλείστον τῆς ἐτέρας τοῦ Ἰστροῦ ὄχθης αὐτοὶ νέμονται“... Тамъ же: кн. IV; гл. IV: „ἐς Βορρῆαν ἀνεμον ἐθνη τὰ Ἀντῶν ἀμετρα ἴδονται“.

²⁾ De Getarum Origine; cap. V, XXIII. Ср. Шафарика: Славян. Древн.; т. II, кн. III; прил.; стр. 81. Шлец. Несторъ; ч. I; стр. 440, 441. Изд. 1809 г. Въ приложеніяхъ см. Иордана, гл. V и XXIII.

³⁾ Согласно съ Геродотомъ Гиппократъ говоритъ: „Въ Европѣ

мени обязанъ поставить и рѣшить вопросъ: не было ли имя Скивовъ древнѣйшимъ именемъ славянскихъ народовъ въ европейской исторіи? По Геродоту: „Совроматы говорятъ языкомъ скивскимъ“ (кн. IV, гл. 117).

ГЛАВА III.

Фактическія доказательства именованія Славянъ Скивами.

Въ исторіи *Иоакима* и въ *Степенной Книгѣ* сохранилось славянское генеалогическое преданіе слѣдующаго содержанія: „Князь Славенъ съ братомъ Скивомъ, имѣя многія войны на востокъ, идоша къ западу; мнози земли о Черномъ морѣ и Дунаи себѣ покорилиа. Славянъ князь, оставя во Фракіи и Иллиріи на вскрай моря и по Дунаеву сына Бастарна, иде къ полунощи, и градъ великій созда, во свое имя Славянскъ нарече; а Скивъ остася у Понта и Меотиса въ пустыняхъ обитати, питаяся отъ скотъ и грабительства, и прозвася страна та Скивія Великая. Славенъ и Русь съ роды своими отлучишася отъ братіи своея и хождаху по странамъ вселенныя 14 лѣтъ, даже пришедъ ко озеру Ильмеръ, и по волхвованію, поставиша градъ на рѣкѣ Волховѣ, его же по имени князя своего Славенскъ именовали, и съ того времени Скивы начали именоватися Славяне“¹⁾.

По сказаніямъ *Нестора*: „сѣли суть Словѣни по Дунаеву... Отъ тѣхъ Словѣнъ разидоша по землѣ и прозвашася имены свои, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ... Улучи, Тиверци сѣдяху по Днѣстру, по Бугу и по Днѣпру олп до моря; суть грады ихъ и до сего дне; да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скивъ... иде Олегъ на Греки, поя множество... Славенъ, Кривичъ, Деревлянъ, Радимичъ, Полянъ, Сѣверянъ, Вятичъ, Дулебовъ, Тиверцовъ, иже суть толковани, си вси зваху отъ Грекъ великая Скивъ“²⁾.

есть Скивская раса людей, живущая около Меотиды, называемая *Совроматы*, (кн. VII). Содержаніе литературныхъ ученій о германскомъ, маголо-татарскомъ и туранскомъ происхожденіи европейскихъ Скивовъ эпохи Геродота см. во II-мъ дополненіи къ тексту книги.

¹⁾ См. *Татищева*: Рос. Исторія; I, 31, 426. Приложение № I, стр. 3, 4.

²⁾ П. С. Р. Л.; I, 3, 5. Лѣт. по Кенигсбр. сп.; стр. 24. Приложение № II, стр. 14, 20.

Левъ Діаконъ Калойскій, византійскій лѣтописецъ столѣтіемъ древнѣе Нестора, оставившій описаніе войны русскаго князя Святослава Игоревича съ Болгарами и греческимъ царемъ Іоанномъ Цимисхіемъ, Русскую землю называетъ Скиѳіей¹⁾; шестидесяти-тысячное войско, выведенное Святославомъ изъ Россіи въ Болгарію, именуется Скиѳами²⁾; лодки, одежду, вооруженіе и оружіе Руссовъ, русскія вѣрованія и русскій языкъ называетъ скиѳскими³⁾; самъ Святославъ Игоревичъ именуется Скиѳомъ⁴⁾. Левъ Калойскій и прямо свидѣтельствуеетъ о происхожденіи Руссовъ Святослава отъ Скиѳовъ, занимавшихъ въ эпоху Геродота и въ послѣдующія столѣтія припонтійскія и придунайскія области. За описаніемъ сраженія подъ Дористоломъ, Левъ Діаконъ говоритъ слѣдующее: „съ наступленіемъ лунной ночи, Скиѳы вышли въ поле, собрали трупы своихъ къ городской стѣнѣ и сожгли ихъ на сложенныхъ кострахъ, заколовъ при этомъ много плѣнныхъ и женщинъ; совершивъ эту кровавую жертву, они погрузили въ струи рѣки Истра младенцевъ и пѣтуховъ, умертвивъ ихъ; уважая эллинскія таинства, которымъ они научились или отъ философовъ своихъ Анахарсиса и Замолксиса, или отъ товарищей Ахилла, они всегда совершали надъ умершими жертвы и возліянія“⁵⁾. Анахарсисъ былъ мудрецъ Скиѳовъ-Сколотовъ, занимавшихъ въ эпоху Геродота над-

1) См. Льва Діакона; кн. IV, гл. 10.

2) Тамъ-же; кн. IV, гл. 6; кн. V, гл. 1; кн. VI, гл. 8; кн. VIII, гл. 5—7, 8, 10; кн. IX, гл. 2, 6, 8—10.

3) Тамъ-же; кн. VI, гл. 6, 11; кн. IX, 10, 11.

4) Тамъ-же; кн. VI, гл. 7: „*Ἰωάννης δὲ ὁ αὐτοκράτωρ, τὰς τοιαύτας ἀποκρίσεις τοῦ Σκύθου δεξάμενος*“...

5) „*Ἐνταῦθα Ἰκμορα, τὸν μετὰ τὸν Σφενδοσθλάβον τὸ Σκυθικὸν ἄγοντα στρατεύμα καὶ τιμώμενον εὐθὺς μετ' ἐκεῖνον...*” *Ἦδη δὲ νυκτὸς κατασχοῦσης; καὶ τῆς μῆνης πλησιφαοῦς οὕσης, κατὰ τὸ πεδίον ἐξελθόντες τοὺς σφετέρους ἀνεψηλάφων νεκροῦς. οὗς καὶ συναλίσσαντες πρὸ τοῦ περὶ βόλου καὶ πυρᾶς θαμνῶν διανάραντες, κατέκαυσαν, πλείστον τῶν αἰχμαλώτων, ἄνδρας καὶ γυναῖκα, ἐπ' αὐτοῖς κατὰ τὸν πάτριον νόμον ἐναποσφάζοντες. ἐναγισμοῦς τε πεποιηκότες, ἐπὶ τὸν Ἰστρον ὑπομάζια βρέφη καὶ ἀλεκτρούνας ἀπέκνιξαν, τῷ ῥοδίῳ τοῦ ποταμοῦ ταῦτα καταποντώσαντες. λέγεται γὰρ Ἑλληνικοῖς ὄργοις κατόχους ὄντας, τὸν Ἑλληνικὸν τρόπον θυσίας καὶ χάρις τοῖς ἀποικομένοις τελεῖν, εἴτε πρὸς Ἀναχάρσεως ταῦτα καὶ Ζαμόλξιδος, τῶν σφετέρων φιλοσόφων μνηθέντες, εἴτε καὶ πρὸς τῶν τοῦ Ἀχιλλέως ἐταίρων. Ἀρῆδιανός γάρ φησιν ἐν τῷ Περιπλῶ, Σκύθην Ἀχιλλεία τὸν Πηλέως πεφηνέναι“...* Тамъ - же; книга IX; глава VI; стр. 149, 150.

понтійскія области, а *Замолкисей* былъ обоготворенный мудрецъ *Скиевъ-Гетовъ*, занимавшихъ придунайскія области ¹⁾).

Патріархъ *Фотій*, епископъ *Никита* и *Георгій Амартолъ*, опредѣляя народность непріятеля, осадившаго Константинополь при Михаилѣ III, называютъ его „*Россами, народомъ скивскаго происхожденія*“. По свидѣтельству Пафлагонскаго епископа *Никиты*, „жестокій народъ, скивскаго языка, по имени *Россы*, пришедши отъ Евксинскаго моря въ Стеносъ, опустошивши на пути всѣ области и монастыри и взявши съ нихъ большую добычу, стали чинить набѣги и на острова“... ²⁾).

Землеписецъ Равенскій (около 886 г.), перечисляя европейскія страны, называетъ Скиею прародиною Славянъ: „*sexta ut hora noctis Scytharum est patria, unde Slavinarum exorta est*“ ³⁾).

Въ VI вѣкѣ *Иорданъ* дѣлитъ варварскую Европу на двѣ части: Германію и Скиею. Въ *Скиеи* *Иорданъ* помѣщаетъ *многочисленный народъ венетскій*, по различію племенъ и поселеній, называвшійся различными именами, но преимущественно *Склавинами* и *Антами* ⁴⁾).

¹⁾ См. исторію Геродота; кн. IV, гл. 94 — 96. Географія Страбона; кн. VII, гл. VII, § 5. *Иордана*: De Getharum origine; гл. V.

²⁾ „...*Τὸ μαιφρονότατον τῶν Σκυθῶν ἔθνος, οἱ λεγόμενοι Ῥῶς, διὰ τοῦ Εὐξείνου Πόντου προσεχωρηκότες τῷ Στένῳ καὶ πάντα μὲν χωρία, πάντα δὲ μοναζήρια διηρακότες, ἔτε δὴ καὶ τῶν τοῦ Βυζαντίου περιουκίδων κατέδραμον ἠσιῶν, οὐκὴ μὲν πάντα λισόμενοι καὶ χρήματα, ἄνθρώπους δὲ τοὺς ἄλλοτας πάντας ἀποκτείνοντες*“. См. Житіе патріарха Игнатія по изданію *Пагія* (ad Baron. Annal.); стр. 554.— Срв. *Стриттера*: Memoriae populorum; т. II, стр. 958. *Cedrinus*: ἔθνος δὲ οἱ Ῥῶς Σκυθικόν, περὶ τὸν ἀρκτῶν Ταῦρον κατοικήμενον, ἀήμερόν τε καὶ ἄγειον.—*Zonaras*: Τὸ δ' ἔθνος τῶν Ῥῶς, Σκυθικόν ὄν, τῶν περὶ τὸν Ταῦρον ἔθνων...

³⁾ См. *Шафарика*: Славянскія древности; т. II, кн. IV; приложенія, стр. 56.

⁴⁾ *Jordanis*: De gaetharum origine rebusque gestis; гл. III и V. Со времени *Сигфрида Байера* нѣмецкая историческая литература признаетъ *Гетовъ - Скиевъ* народомъ нѣмецкаго происхожденія и на сказаніяхъ *Иордана* построила средневѣковую исторію Европы, заселивъ пародами германскаго происхожденія всю Скиею и всю Германію древнихъ историковъ. См. дополненіе № II. Основаніями отождествленія *Иордановыхъ Гетовъ-Скиевъ* съ народами германскаго происхожденія послужили *Байеру* нѣкоторыя имена гето-скиевскихъ царей и сказаніе, по которому *Геты - Скибы*

Прискъ Панійскій, членъ посольства императора Феодосія II къ Атилѣ, царю Гунновъ, лично наблюдалъ населеніе областей V-го вѣка, лежавшихъ надъ нижнимъ теченіемъ Дуная и составлявшихъ Гетику или Дакію историковъ первыхъ столѣтій по Р. Х. *Прискъ нашелъ Дакію - Гетику населенною народомъ, „говорившимъ скиѣскимъ языкомъ, который отличался отъ языковъ Грековъ, Римлянъ и Нѣмцевъ“*. Сохранились три слова скиѣскаго языка времени Приска Панійскаго: „*medos*—названіе скиѣскаго напитка, замѣнявшаго вино; *savos*—названіе скиѣскаго напитка, приготовлявшагося изъ ячменя, и *strava*—названіе скиѣской трізыны, погребальнаго стола на могилѣ покойника. *Эти слова до сихъ поръ существуютъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ* и не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что языкъ, который употреблялся въ Гетику или Дакію половины V вѣка, называемый *Прискомъ скиѣскимъ языкомъ, былъ языкъ славянской*“¹⁾.

По свидѣтельству *Иордана*, въ *Скиѣи* VI-го вѣка, лежавшей на востокъ отъ *Германіи*, жилъ многолюдный *венетскій народъ*, занимавшій неизмѣримое пространство и дѣлившійся на многія племена, изъ которыхъ важнѣйшими въ то время были: *Венеты, Склавы и Анты*²⁾. По свидѣтельству *Тацита*, въ I в. по Р. Хр.

вышли первоначально изъ острова Скандзы. Но происхожденіе нѣмецкихъ именъ нѣкоторыхъ гето-скиѣскихъ царей самъ *Иорданъ* объясняетъ обыкновеніемъ, по которому „одни народы часто назывались именами другихъ народовъ, напримѣръ, Римляне назывались именами Македонянъ, Греки — Римлянъ, Сарматы — Германцевъ“ (тамъ - же; гл. IX). Что-же касается сказанія *Иордана*, по которому Геты-Скиѣи вышли первоначально изъ острова „Scandz’и“, подъ предводительствомъ царя Бериха, родоначальника царей древней Скиѣи (см. тамъ-же; гл. IV, XIV, XXIV), то это сказаніе не имѣетъ ни малѣйшей доли исторической вѣроятности: *Иорданъ* относитъ выселеніе Гетовъ изъ Скандинавіи ко времени, предшествовавшему войнѣ Геркулеса и Тезея съ Меналиппою и Ипполитою (гл. VIII), войнѣ гетскаго царя Танавзиса съ египетскимъ царемъ Везорисомъ (гл. VI) и войнѣ гетской царицы Томирисы съ персидскимъ царемъ Киромъ (гл. X).

¹⁾ См. Дестуниса: Сказанія Приска Панійскаго. 1860 г., стр. 46, 50. Гильфердинга: Собр. Сочиненій 1868 г. I, стр. 5. Дрипова: Заселеніе Балк. пол. Славянами. 1873 г.; с. 68, 69.

²⁾ Scythia siquidem Germaniae terrae confinis... per immensa spatia Winidarum (wenetarum) natio populosa consendit; quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter

Венеты занимали области венедейскаго народа VI вѣка, лежавшія также на востокъ отъ Германіи, на пространствѣ между *Певкинами* (устье Дуная) и *финнами* 1).

По свидѣтельствамъ *Плинія Старшаго*, восточныя области *Тацитовыхъ* и *Иордановыхъ* Венетовъ занимало „скиѣское племя *Авхаты*“, а западными сосѣдями Авхатовъ были „*Скиѣвы-Геты*, прозванныя у *Римлянъ Даками*“ 2).

По свидѣтельствамъ *Страбона*, „земля Гетовъ дѣлится на двѣ части: въ западной половинѣ, лежащей ближе къ Германіи, обитаютъ *Даки*, а восточная половина простирающаяся къ Понту и далѣе на востокъ, до земли *Тиригетовъ*, занята Гетами собственно“ 3); „собственно *Геты* и *Даки* говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ“ 4) и имѣли одно происхожденіе съ народами, которыхъ знали *Геродотъ*, *Эфоръ*, *Эратосфенъ*, *Аполлодоръ* и *Посейдоній* подъ именемъ *Скиѣовъ* 5).

Въ житіи *Страбона*, взятой изъ несохранившейся исторіи Европы *Эфора*, упоминается о поэтѣ *Херилѣ*, который, при вступленіи персидскаго царя *Дарія* въ область надпонтійскихъ *Скиѣовъ*, сказалъ слѣдующія слова: „*Пастухи овецъ—Саки*, по прозванію *Скиѣвы*, обитали на богатой пшеницею *Азидѣ*; они потомки непорочныхъ людей—*Номадовъ*“ 6). Въ сочиненіи В. В. Григорьева собранъ рядъ историческихъ свѣдѣній о древнихъ „*Скиѣвахъ—Сакахъ*“, по которымъ „народъ, именуемый съ глубокой древности у азіатскихъ писателей *саками*, а у европейскихъ писателей *скиѣами*, былъ народомъ арійскаго происхожденія, праотцемъ нынѣ существующихъ народовъ славянскаго происхожденія“ 7).

tamen Sclavini et Antes nominantur... Ermanricus in Venetos arma commovit... Hi (Veneti), ut initio expositionis vel catalogo gentis dicere coepimus, ab una stirpe exorti tria nunc nomina edidere, id est, Veneti, Antes, Sclavi.“ De Getharum Origine; cap. V, XXIII.

1) „Veneti multum ex moribus traxerunt. Nam quidquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur latrociniis pererrant. Hi tamen inter Germanos potius referuntur.“ Tacit. Germania; cap. 46.

2) Historia naturalis; t. VI, cap. XI, XXV.

3) Географія: кн. VII, гл. III, § 2, 6 — 9; гл. IV, § 2, 3, 5 и 7. Перев. О. Г. Мищенка; стр. 306, 307, 313, 314, 397—405.

4) Тамъ-же; § 13.

5) Тамъ-же; § 1—4, 8, 10.

6) Географія *Страбона*; кн. VII, гл. III, § 9.

7) См. В. В. Григорьева: „О скиѣскомъ народѣ *Сакахъ*“; стр. 3 и слѣд., 91 и слѣд. Изд. 1871 г.

Въ послѣднія десятилѣтія фактическая разработка вопроса о генетической близости Скиѳовъ, Сарматовъ, Гетовъ, Даковъ и Славянъ настолько подвинулась впередъ, что уже и среди нѣмцевъ, ищущихъ въ источникахъ не средствъ пропаганды своихъ патристическихъ тенденцій, подобно Байеру и Шлецеру, а фактовъ исторической дѣйствительности, встрѣчаются ученые люди, признающіе Скиѳовъ, Сарматовъ, Гетовъ и Даковъ предками славянъ. Къ такимъ ученымъ нашего времени принадлежатъ Брунъ, Куно и Шварцъ. Проф. Брунъ въ своемъ изслѣдованіи „О родствѣ Гетовъ съ Даками и сихъ послѣднихъ со Славянами“, сравнивъ относящіеся къ этому вопросу историческія и этнографическія данныя, пришелъ къ заключенію, по которому „Геты, Даки и Славяне были народами одного происхожденія“ ¹⁾; а Рёслеръ, съ своей стороны, сравнивъ сохранившіяся слова языка древнихъ Гетовъ, Сарматовъ и Скиѳовъ, пришелъ къ заключенію, по которому: „*Gethi zeigen mit Scythën und Sarmaten denselben rassentypus*“ ²⁾. И. Г. Куно, подобно русскому ориенталисту В. В. Григорьеву, сравнивъ сохранившіяся слова языка древнихъ Скиѳовъ съ языкомъ славянскимъ, *пришелъ къ признанію Скиѳовъ предками Славянъ* ³⁾. Историкъ Шварцъ, доказывая родство Славянъ со Скиѳами въ своемъ трактатѣ „о потопахъ и переселеніяхъ народовъ“, изданномъ въ 1894 году, пополнилъ цѣнными историческими указаніями и соображеніями собранный нами рядъ указаній источниковъ на происхожденіе Славянъ отъ Скиѳовъ, опубликованный въ 1884 году ⁴⁾.

1) См. Ф. Бруна: „Черноморье“, стр. 141 и слѣд.

2) *Bomän. Stud.*; S. 52—62. Wien 1871.

3) *Forschungen im Gebiete des alten Völkerkunde*. Berlin, 1871.

4) Franz Schwarz: *Sundfluth und Völkerwanderungen*; s. 130 und v. Stuttgart. 1894. Ср. Д. Я. Самоквасова: *Исторія Русскаго Права. Просхождение Славянъ*; стр. 18 — 61. Варшава 1884 г. По ученію Шварца, греческое именованіе „*Σκίθης*“ взято изъ славянскаго языка, означаетъ „*скитецъ*“, „*скиталецъ*“—отъ глагола *скитаться*, какъ писатель, писецъ—отъ писать, плаватель, пловецъ—отъ плавать, рѣзатель, рѣзецъ—отъ рѣзать, и т. д.; то же значеніе *скитающихся*, кочующихъ имѣеть и пѣмецкое названіе Славянъ *Вендами*, *Виндами*,—отъ глагола *vinden*—странствовать (въ готическомъ *Vinja*—пастбище)... *По свидѣтельствамъ Геродота, Гипократа, Каллимаха, Аристотеля, Палена, Плинія и Витрувія, Скиѳы, какъ и Германцы, отличались великимъ ростомъ, бѣлымъ цветомъ кожи, русыми волосами и голубыми глазами... Византійскіе писатели часто называютъ Руссовъ Скиѳами; папримѣръ, Мих.*

Слѣдовательно, сопоставленіе ряда вышеизложенныхъ историческихъ свидѣтельствъ не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что классическіе и средневѣковые историки именовали Скивами народы славянскаго происхожденія.

Этотъ выводъ дѣлаетъ обязательнымъ для науки нашего времени постановку и рѣшеніе слѣдующаго вопроса: согласуются ли свѣдѣнія Геродота о происхожденіи, политической организаціи, многолюдствѣ, языкѣ, мѣологіи, правѣ и наружности европейскихъ Скивовъ V-го вѣка до Р. Х. съ свидѣтельствами средневѣковыхъ историковъ и географовъ, именующихъ славянскіе народы Скивами и указывающихъ на происхожденіе Славянъ отъ Скивовъ? Возможно ли Скивою и Скивовъ эпохи Геродота, по ихъ происхожденію, величинѣ и этнографическимъ признакамъ признать прородиною и предками Славянъ?

Происхожденіе, объемъ территоріи, народонаселеніи, власть и распаденіе царства европейскихъ скивовъ эпохи Геродота.

Происхожденіе царства европейскихъ скивовъ.

По скивскому народному генеалогическому преданію, записанному Геродотомъ, европейскіе Скивы вели свое происхожденіе отъ перваго Скива *Таргитая*, родителями котораго были Зевсъ и дочь рѣки *Борисвена* (Днѣпра). У Таргитая были три сына: *Липоксаисъ*, *Арпоксаисъ* и *Колаксаисъ*, при жизни которыхъ упали съ неба на скивскую землю золотые предметы: плугъ, ярмо, сѣкира и чаша. Младшій братъ овладѣлъ этими предметами, а потому старшіе братья согласились уступить ему царство. Отъ Липоксаиса произошли Скивы, называемые *Авхатами*; отъ Арпоксаиса — *Катиары*

Глакасъ: „Скивы; то - есть Росы“; лѣтописецъ Никита: „Росы, которыхъ зовутъ сѣверными Скивами“, Левъ Діаконъ: „Тавроскивы, которыхъ зовутъ Росъ“. *Діодоръ Сицилійскій* пишетъ (II, 34) о Скивахъ: „тогда надъ *Саклами* господствовала женщина по имени *Царина*“. *Господство древнихъ Скивовъ со Славянами доказываетъ сходство многихъ обычаевъ, обрядностей, характерныхъ наклонностей и изображеній Скивовъ на персидскихъ памятникахъ и на найденныхъ въ южной Россіи предметахъ скивскихъ гробницъ.* „Изображенія эти настолько совпадаютъ съ современнымъ русскимъ типомъ, что невольно думается, что видишь предъ собою русскаго мужика“.

и *Трапий*; отъ младшаго брата, царя,—*паралаты*. „Общее названіе всѣхъ Скиѳовъ, по имени царя ихъ, *Сколоты*; Скиѳами назвали ихъ *Еллины*. Такъ рассказываютъ Скиѳы о своемъ происхожденіи... Такъ какъ страна была обширна, то Колаксайсъ раздѣлилъ ее для сыновей своихъ на три царства, и въ одномъ изъ нихъ, обширнѣйшемъ, сохраняется вышесказанное золото“ ¹⁾.

Вслѣдъ затѣмъ Геродотъ сообщаетъ „рассказъ Еллиновъ, живущихъ у Понта“, о происхожденіи *Агаѳирсовъ*, *Гелоновъ* и *Скиѳовъ* отъ союза Геракла съ чудовищемъ Гилеи, полудѣвой-полузмѣей, родившей трехъ сыновей, Агаѳирса, Гелона и Скиѳа, изъ которыхъ два старшихъ были изгнаны родительницей изъ родной страны, а младшій оставленъ и отъ него произошли скиѳскіе цари ²⁾.

Есть еще одинъ рассказъ, говоритъ Геродотъ, которому я наиболѣе довѣряю. Состоитъ онъ въ томъ, что *Скиѳы-кочевники жили сначала въ Азіи, потомъ были потѣснены во время войны Массажетами* и, перешедши рѣку Араксъ, *приняли въ Киммерійскую землю*. Дѣйствительно, страна, населяемая нынѣ Скиѳами, принадлежала первоначально Киммеріанамъ... По настоящее время есть въ Скиѳіи Киммерійскія укрѣпленія, Киммерійскія переправы, область съ именемъ Киммеріи и такъ называемый Киммерійскій Боспоръ. Въ виду многочисленности скиѳскаго войска, Киммеріане совѣщались и мнѣнія раздѣлились: по мнѣнію народа слѣдовало покинуть страну, не подвергая себя гибели ради земли; по мнѣнію царей должно было защищать родину отъ враговъ. Въ возникшей затѣмъ междоусобной войнѣ всѣ цари были убиты; „народъ похоронилъ ихъ у рѣки Тиръ (Днѣстръ), гдѣ могила ихъ видна и теперь еще, а послѣ похоронъ вышелъ изъ своей земли, и такимъ образомъ вторгнувшіеся Скиѳы заняли страну пустынную ³⁾“.

„Въ царствованіе *Ардиса*, сына Гигеса (царя Лидійскаго 678—629 г. до Р. Х.) Киммеріане, тѣснимые изъ своей родины кочевыми Скиѳами, пришли въ Азію и овладѣли Сардами“. Когда *Никсара* (царь мидійскій) осаждалъ Нинъ (624 г. до Р. Х.) появилось большое скиѳское войско подъ предводительствомъ царя *Мадія*, сына *Протоѳии*; Скиѳы вторглись въ Азію вслѣдъ за изгнанными ими изъ Европы Киммеріанами; преслѣдуя убѣжавшихъ Киммеріанъ, они вошли въ Мидійскую землю... господствовали въ Азіи 28 лѣтъ и возвратились въ свою землю“ ⁴⁾.

1) Геродотъ; IV, гл. 5—7.

2) Тамъ-же; гл. 8—10.

3) Тамъ-же; гл. 11, 12.

4) Тамъ-же; кн. I; гл. 15, 103; кн. IV; гл. 1.

Слѣдовательно, по свидѣтельствамъ Геродота, *основаніе царства Скивовъ-Сколотовъ въ надпонтійскихъ областяхъ*, въ бывшей землѣ Киммерійской, между Дономъ и Дунаемъ, *относится къ VII вѣку до Р. X.*

Величина территоріи надпонтійскаго скивскаго государства.

Геродотъ опредѣлилъ слѣдующими словами объемъ территоріи государства Скиеи своего времени: „отъ Истра (Дуная) къ сѣверу внутрь материка Скиеи граничитъ прежде всего съ Агафирсами, потомъ съ Неврами, далѣе съ Андрофагами, наконецъ, съ Меланхленами. Скиеи представляетъ собою четырехугольникъ, линія котораго, идущая внутрь материка, такой же длины, какъ и та, что тянется вдоль моря. Такъ, *отъ Истра до Борисеена десять дней пути и столько же отъ Борисеена до Меотиды*; такъ же и по направленію *отъ моря внутрь страны до Меланхленовъ*, что живутъ надъ Скиеями, *двадцать дней пути*; а дневной путь я опредѣляю въ двѣсти стадій. Такимъ образомъ поперечныя стороны Скиеи имѣютъ по 4000 стадій; *такой же длины и продольныя стороны, идущія внутрь материка*. Таковъ объемъ этой страны“ ¹⁾.

Народонаселеніе скивскаго царства.

Территорія скивскаго царства дѣлилась на области, а его народонаселеніе дѣлилось на племена, занимавшія принадлежавшія имъ области. Съ западной стороны Борисеена, вдоль рѣки Гипаниса (Буга) первую область отъ моря занимало еллино-скивское племя—*Каллитиды*; выше ихъ жили *Алазоны*; надъ Алазонами обитали *Скивы-оратаи*; а надъ ними—*Невры*; къ сѣверу отъ Невровъ—пустыня. Съ восточной стороны Днѣпра первая отъ моря земля была *Гилля (Польша)*; надъ нею жили *Скивы-георги* (земледѣльцы), прозванные *Борисеенитами*, занимавшіе область, простиравшуюся къ востоку на три дня пути до рѣки Пантикапы, а къ сѣверу, по теченію Борисеена, на одиннадцать дней пути; надъ ними простиралась пустыня, за которой обитали Андрофаги, народъ особый, не скивскій. Къ востоку отъ Скивовъ - георговъ, за рѣкою Пантикапою, обитали *Скивы-номады*, область которыхъ простиралась на 14 дней пути до рѣки Герра; а по ту сторону рѣки Герра находились „царскія владѣнія“, область храбрѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ Склоовъ, почитавшихъ прочихъ Скивовъ своими рабами... владѣнія ихъ частію доходили до Танаиса (Допа). Земли, лежавшія къ сѣверу отъ *Царскихъ Скивовъ*, были заняты Меланхленами, народомъ особымъ,

¹⁾ Тамъ-же; книга IV; гл. 100, 101.

не скиѣскимъ. По ту сторону Танаиса лежала уже не скиѣская территорія; первая изъ тамошнихъ областей принадлежала *Савроматамъ*, занимавшимъ землю на 15 дней пути, начиная отъ угла Меотійскаго озера по направленію къ сѣверу; надъ ними, во второй области, жили *Будины* ¹⁾.

Желая показать количество народонаселенія описаннаго скиѣскаго царства, Геродотъ сообщилъ слѣдующій рассказъ: между рѣками Борисееномъ и Гипанисомъ находится мѣстность, называемая *Ексампѣй*... Тамъ стоитъ мѣдннй сосудъ *Скиѣовъ*, вмѣщающій въ себя шестьсотъ амфору, а толщина его шесть пальцевъ. По словамъ туземцевъ этотъ сосудъ сдѣланъ изъ *наконечниковъ стрѣлъ*: однажды царь ихъ, по имени *Аріантавъ*, пожелавъ опредѣлить численность Скиѣовъ, приказалъ, чтобы всѣ Скиѣы доставили ему по одному *наконечнику отъ стрѣлы*, а кто не доставитъ, тотъ будетъ казненъ смертію; *наконечниковъ стрѣлъ* доставлено было очень много, и царь рѣшилъ соорудить изъ нихъ памятникъ; *сказанный сосудъ*, по приказанію царя, *былъ сдѣланъ изъ наконечниковъ стрѣлъ* и поставленъ въ *Ексампѣѣ* ²⁾.

Однородность населенія скиѣскаго царства.

Всѣ *скиѣскія племена*, состоявшія подъ властью Царскихъ Скиѣовъ, не-смотря на различіе ихъ образа жизни, *составляли одинъ народъ не только въ политическомъ, но и въ этнографическомъ смыслѣ*, подобно тому какъ въ наше время кочевыя и земледѣльческія, бродячія и сидячія племена, составляющія народы Бедуиновъ, Туркменовъ, Якутовъ, Тунгусовъ, Коряковъ и др., по свидѣтельствамъ наблюдателей Нибура, Волнея, Вамбери, Бульчева, Сѣрошевскаго, Сарычова, Крашенинникова и др., составляютъ этнографическіе типы бедуинскій, туркменскій, якутскій, тунгусскій, коряцкій, въ

¹⁾ Тамъ-же; глава 17—21, 108, 117.

²⁾ Тамъ-же; гл. 81. Фукидидъ, называя Фракійцевъ „многолюднѣйшимъ“ народомъ въ мірѣ, отводитъ имъ однакоже въ этомъ отношеніи второе мѣсто послѣ Скиѣовъ. Пелопонезская Война; II; 96; п. 6. По истеченіи тысячи лѣтъ Амміанъ Марцелинъ, описывая европейскую Скиѣю—Сарматію IV-го вѣка по Р. Х., называетъ „Scythes народомъ безчисленнымъ, занимающимъ неизмѣримыя пространства, характеризуетъ ихъ численность и объемъ территоріи тѣми признаками, какими характеризовали Геродотъ и Фукидидъ Скиѣовъ и Скиѣю своего времени и какими характеризовалъ Иорданъ безчисленный венетскій народъ, занимавшій ту-же „неизмѣримую“ Скиѣю въ VI вѣкѣ по Р. Х.

которых племена различного образа жизни связаны единством происхождения, поклоняются одним богам и говорят одним языкомъ. Точно также, по свидѣтельствамъ китайскихъ лѣтописей первыхъ столѣтій до Р. Х., изданныхъ монахомъ Такиноомъ (Бичуриннымъ), народы центральныхъ и западныхъ областей Азіи, Давань, Юечжи (Массагеты), Анси, дѣлились на земледѣльцевъ и номадовъ, составлявшихъ народы одного этнографическаго типа. Точно такъ и прародина нынѣ существующихъ народовъ германскаго происхожденія, Англичанъ, Французовъ, Датчанъ, Шведовъ, Нѣмцевъ, лежавшая между Рейномъ, Нѣмецкимъ моремъ, Эльбою, верхнимъ теченіемъ Дуная и Альпами, описанная Юліемъ Цезаремъ подъ именемъ Германіи, въ эпоху Р. Х. была заселена племенами земледѣльческаго и осѣдлаго состояній, имѣвшихъ общее происхожденіе, общихъ боговъ, общій языкъ, составлявшихъ одинъ народъ въ этнографическомъ смыслѣ, народъ кимвро—тевтонскій, прозванный Римлянами Германцами. Подобно тому, по свидѣтельствамъ Геродота, *есть племена европейской Скиѣи V-го вѣка до Р. Х., за исключеніемъ Грековъ, жившихъ на скиѣской территоріи, въ понтійскихъ греческихъ колоніяхъ, вели свое происхожденіе отъ общаго имъ мифическаго родоначальника, обоготвореннаго предка Сколота, поклонялись общимъ стихійнымъ богамъ, имѣли общія религиозныя, государственныя и гражданскія учрежденія и говорили однимъ скиѣскимъ языкомъ.* Описывая племена скиѣскаго государства, занимавшаго территорію между Дунаемъ и Дономъ, и сосѣдей этого государства, Геродотъ точно указываетъ, какіе народы Европы его времени говорили скиѣскимъ языкомъ, принадлежали къ скиѣскому этнографическому типу, и какіе изъ нихъ были народами не скиѣскаго происхожденія и языка. Напримѣръ, *Каллитиды* были „*Еллины - Скиѣи*,” въ Гелонѣ, городѣ страны Будиновъ, „*одни говорятъ на скиѣскомъ языкѣ, другіе на еллинскомъ*“; *Андрофаги* одѣваются по-скиѣски, но „*языкъ имѣютъ особенный*“; „*Меланхлены—народъ особый, не скиѣскій*“; „*Фиссагеты—народъ особый*“; за Фиссагетами „*по направленію къ востоку живутъ другіе Скиѣи, прибывшіе въ эту мѣстность по отдѣленіи отъ Царскихъ Скиѣовъ*,” у Аргишпеевъ „*рѣчь особая*,” одѣваются они по-скиѣски“; „*Саароматы говорятъ языкомъ скиѣскимъ, но съ давняго времени искаженнымъ*“ ¹⁾.

Власть скиѣскаго царства.

Описанная Геродотомъ территорія и народонаселеніе Скиѣи

¹⁾ Геродотъ; Кн.—IV; гл. 17, 20, 22, 23, 106, 108 и 117.

составляли одно завоевательное государство, въ которомъ господствовало племя *Царскихъ Скивовъ*, подобно тому, какъ въ X-мъ столѣтїи племя Руссовъ господствовало надъ другими славянорусскими племенами. „Царскія владѣнія, говоритъ Геродотъ, находятся по ту сторону Герра, гдѣ живутъ лучшіе и многочисленнѣйшіе Скивы, *почитающіе прочихъ Скивовъ своими подданными*“... Тѣло умершаго скивскаго царя везуть по землямъ подвластныхъ народовъ, и „тѣ, которымъ привозятъ покойника, дѣлають то же самое, что и Царскіе Скивы... Трупъ царя перевозятъ отъ одного къ другому *подвластному или племени*... Обѣхавши такимъ образомъ всѣхъ, они являютъ въ землю Герровъ, *отдаленнѣйшаго изъ подвластныхъ или народовъ*, гдѣ находится царское кладбище“ ¹⁾.

Каждое племя скивскаго государства имѣло своего *мѣстнаго племеннаго царя*, состоявшаго подъ властью царя Царскихъ Скивовъ, подобно тому какъ въ X-мъ столѣтїи въ городахъ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Любечѣ и другихъ городахъ русскихъ сидѣли мѣстные князья славянорусскихъ племенъ, состоявшіе подъ властью Киевскаго князя Олега. Мѣстными племенными царями Скивіи были, напримѣръ, знаменитый въ древности скивскій мудрецъ *Анахарсисъ*, дядя царя *Иданеирса*, сынъ *Гнура*, внукъ *Лица*, правнукъ *Спаргапейва*, убитый царемъ *Савліемъ* за нарушеніе скивскихъ обычаевъ ²⁾; царь *Скопасисъ*, командовавшій однимъ изъ отрядовъ скивскаго войска въ войнѣ съ Даріемъ, состоявшихъ подъ общимъ начальствомъ царя *Иданеирса* ³⁾.

Племенные области Скивіи эпохи Геродота дѣлились на „*ополтки*“—волости, въ каждой изъ которыхъ былъ свой жертвенникъ бога войны; а во главѣ ближайшаго управленія волостей стояли „*архонты*“, подобно „*старѣйшинамъ*“ волостей Русской земли X-го столѣтія ⁴⁾.

Распаденіе скивскаго царства.

Существованіе описанной Геродотомъ скивской державы длилось около 250 лѣтъ, съ половины VII-го до начала IV-го вѣка до Р. Х. По свидѣтельству Трога Помпея, *Филиппъ Македонскій*, воспользовавшись междоусобіемъ въ Скивіи, „*разбилъ войска скивскаго царя Атея*, не-смотря на ихъ многочисленность и силу, захватилъ въ плѣнъ и привелъ въ Македонію 20 тысячъ скивскихъ женщинъ

¹⁾ Геродотъ; кн. IV; гл. 20, 71.

²⁾ Геродотъ; IV, 76.

³⁾ Тамъ-же; гл. 120.

⁴⁾ Тамъ-же; гл. 62,66, 79.

и дѣтей и 20 тысячъ заводскихъ кобылицъ“. Это поражение Царя Атея было вачаломъ паденія политическаго могущества Царской Скиѣи въ надпонтійскихъ областяхъ. По свидѣтельствѣ Діодора Сицилійскаго, „*Савроматы, размножившіеся и усилившіеся въ областяхъ задонскихъ, большую часть Скиѣи опустошили и многія племена подчинили своей власти*“¹⁾. Съ передвиженіемъ Сарматовъ въ надпонтійскія области ослабленная пораженіемъ Филиппа Македонскаго Скиѣя распадается на два государства: восточное, между Дономъ и Днѣпромъ, населенное сарматскими и скиѣскими племенами, говорившими однимъ скиѣскимъ языкомъ, *подъ главенствомъ сарматскаго племени Роксаланъ*²⁾, и западное, между Днѣпромъ и Дунаемъ, населенное также сарматскими и скиѣскими племенами, говорившими однимъ скиѣскимъ языкомъ, *подъ главенствомъ племени, прозваннаго у Грековъ Гетами, а у Римлянъ Даками*³⁾. Территорію и населеніе Роксаланіи и Гетики Греки эпохи Р. Х. и послѣдующихъ столѣтій называли прежними общими именами Скиѣи и Скиѣовъ, а Римляне прозвали ихъ общими именами Сарматіи и Сарматовъ, по имени скиѣскаго племени, передвинувшася изъ за Дона и получившаго главенство въ предѣлахъ Царской Скиѣи по сверженіи тамъ главенства Царскихъ Скиѣовъ.

Въ первомъ вѣкѣ, въ правленіе царя Виревиста, политическое возвышеніе и территориальное расширеніе царства Гетовъ имѣли своимъ послѣдствіемъ столкновение этого царства съ Римскою имперіей. „Страна настолько возвысилась, что въ продолженіе немногихъ лѣтъ здѣсь образовалось сильное царство: *большая часть союдей подчинились Гетамъ; даже для Римлянъ Виревистъ дѣлался страшнымъ*“⁴⁾. Начатая при Ю. Цезарѣ война Римлянъ съ Даками длилась около 100 лѣтъ и кончилась при римскомъ императорѣ Траянѣ и царѣ Даковъ Децебалѣ обращеніемъ царства Гетовъ въ римскую провинцію Дакію. Эта война описана Діономъ Кассіемъ, свидѣтельствующимъ, что вслѣдствіе римской системы насилій и переселенія въ завоеванныя провинціи римскаго населенія, *многія дакійскія племена выселились за Карпатскія горы*⁵⁾. Это свидѣтельство Діона Кассія соотвѣтствуетъ сказанію Нестора, по которому: „сѣли суть Словѣпи по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ Угорь-

1) Діодоръ Сицилійскій; кн. II; гл. 43.

2) См. Геогр. Страбона; кн. VII; гл. III, пар. 7 и 8; гл. IV; п. 3.

3) См. тамъ-же; VII; III, п. 8—13. Арріанъ; кн. I, гл. 2—4.

4) Страбонъ; VII; III, 11.

5) См. Діона Кассія; I; 72 73; LI, 22; LXIII, 13, 14, 30. Ср. Евтропія; VIII, 3, 6. Флоріана; III, 4.

ская земля и Болгарская. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по земли и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ... *Волохомъ бо нашедшимъ на Словѣни на Дунайскіе, сѣдшимъ въ нихъ и насилующимъ имъ, Словѣне же ови пришедше и сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове... Словѣне пришедши сѣдоша по Днѣпру и нарѣкошася Поляне, а друзи, Деревляне... а Уличи, Тиверци сѣдяху по Бугу и по Днѣпру, и пристѣяху къ Дунаеву... да то ся зовяху отъ Грекъ Великая Скиѣ*" ¹⁾.

Сопоставленіе изложенныхъ свидѣтельствъ исторіи, доказывающихъ именованіе въ древности Скиѣами народовъ славянскаго происхожденія и опредѣляющихъ время происхожденія, величину территоріи, количество и этнической составъ народонаселенія, время и условія распаденія скийскаго государства въ Европѣ эпохи Геродота, намъ кажется, доказываетъ фактически, что *это государство можно и должно признать прародимую европейскаго этнографическаго типа, называемаго въ средневѣковой исторіи „многолюднѣйшимъ венетскимъ народомъ“*; занимавшимъ „неизмѣримыя“ пространства между рѣками Дунаемъ, Вислою и Волгою, морями Балтійскимъ и Чернымъ, дѣлившимся на многіе народы разныхъ мѣстныхъ названій, изъ которыхъ главнѣйшими были мѣстныя названія *Венетовъ, Склавинъ и Антовъ*, объединенныхъ въ христіанскую эпоху общимъ этнографическимъ именемъ *Славянь*. Кромѣ европейской Скиѣи и Скиѣовъ описанныхъ Геродотомъ въ V в. до Р. Х., исторія Европы не знаетъ государства продолжительнаго существованія, на обширной территоріи котораго географическое и политическое общеніе многолюднаго народонаселенія могло бы создать этнографическія черты, по которымъ Иорданъ называлъ общимъ именемъ „венетскаго народа“, Склавинъ, Антовъ и Венетовъ, многолюднѣйшіе народы, занимавшіе неизмѣримыя пространства въ предѣлахъ „Скиѣи“ VI-го вѣка по Р. Х., а Несторъ объединилъ общимъ этнографическимъ именемъ Славѣнъ всѣ племена Славяноруссовъ, Ляховъ, Болгаръ, Чеховъ, Моравовъ, Сербовъ, Хорватовъ, и Хорутанъ. *Древніе историки греческіе, римскіе, нѣмецкіе и славянскіе называли общими именами Скиѣовъ, Сарматовъ, Венетовъ и Славянь одинъ и тотъ же народъ скиѣо-славянскаго происхожденія, получившій въ государствѣ Скиѣовъ—Сколотовъ свою этнографическую самобытность, отличающую этотъ народъ отъ народовъ тевтопо-германскаго и невро-литовскаго происхожденія. Распаденіе этого государства вслѣдствіе столкновенія съ имперіями Македонскою и Римскою, географическій и политическій разрывъ его народонаселенія выз-*

¹⁾ См. Приложение: стр. 11, 14, 18, 20. П. С. Р. Л.; I, 3, 5.

вали образованіе новыхъ скиео - славянскихъ государствъ, а въ нихъ новыхъ скиео - славянскихъ народностей и между ними государства и народности Скиеовъ-Славяноруссовъ ¹⁾:

Этотъ выводъ, по его научному значенію, какъ требующій превращенія исторіи и исторіи права Скиеовъ классическихъ и средне-вѣковыхъ писателей въ начальные періоды исторіи и исторіи права всѣхъ Славянъ и каждаго изъ нынѣ существующихъ славянскихъ народовъ въ частности, возможно и должно повторить посредствомъ сравненія языка, религіи, права и наружности Скиеовъ эпохи Геродота и Славянъ послѣднихъ столѣтій язычества.

Глава IV.

Генетическое сродство Скиеовъ и Славянъ.

Если изложенныя въ предыдущей главѣ свидѣтельства славянскаго и иноземнаго происхожденія, доказывающія именованіе въ древности Славянъ Скиеами и указывающія на древнюю Скиеою и древнихъ Скиеовъ, какъ на прародину и предковъ новѣйшихъ славянскихъ народовъ, соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности, то сравненіе языка, религіи, права и наружности Скиеовъ эпохи Геродота и Славянъ послѣднихъ столѣтій язычества должно показать генетическую близость между Скиеами V вѣка до Р. X. и Славянами X вѣка по Р. X. Въ теченіе 1500 лѣтъ народы—потомки, Русскіе, Ляхи, Болгары, Моравы, Чехи, Сербы, Хорваты, Хорутане, не могли измѣнить до неузнаваемости этнографическую фізіономію своего предка. Сравненіе языка, міеологіи, права и наружности древнихъ Скиеовъ и Славянъ южныхъ и западныхъ должно составить задачу мѣстныхъ ученыхъ, ближе насъ знакомыхъ съ мѣстными славянскими языками, народными вѣрованіями и обычаями; сравненіе же языка, религіи, права и наружности древнихъ Скиеовъ и Славянъ русскихъ составляетъ обязанность русскихъ историковъ, лингвистовъ, міеологовъ, этнологовъ и этнографовъ.

Нижеслѣдующій очеркъ языка, религіи, права и наружности Скиеовъ V вѣка до Р. X. и русскихъ Славянъ X столѣтія по Р. X., въ связи съ вышеприведенными историческими свидѣтельствами, намъ кажется, доказываетъ ясно и убѣдительно генетическую близость Скиеовъ и русскихъ Славянъ, а слѣдовательно, и

¹⁾ См. ниже главу о происхожденіи Славяноруссовъ.

научную необходимость начинать изучение и изложение начальных периодов русской истории и истории русского права изучением и изложением свѣдѣній, относящихся къ истории и праву древнихъ Скиѳовъ.

Языкъ Скиѳовъ и Славянъ.

Шафарикъ, доказывая родство Скиѳовъ эпохи Геродота съ Монголами, сравнилъ сохранившіяся слова скиѳскаго языка съ языками народовъ арійскаго происхожденія и пришелъ къ слѣдующему заключенію: „объ языкѣ древнихъ Скиѳовъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, потому что до насъ дошло только нѣсколько скиѳскихъ словъ, большею частью личныхъ именъ, искаженныхъ греческимъ произношеніемъ... Удивительно, что даже при самомъ поверхностномъ знаніи языковъ зендскаго, мидскаго и персидскаго замѣчается ясное и разительное сродство скиѳскихъ словъ съ языкомъ зендскимъ и мидскимъ“¹⁾.

¹⁾ Такъ напримѣръ: „Ariapithes, Ariantas соотвѣтствуютъ мидскимъ—Ariabarzanes, Ariawarta, Ariana, гдѣ—*aria, ari*—значить добрый, честный. Окончаніе *ais* въ именахъ скиѳскихъ царей есть зендское *kšēihio*, новоперсидское *šah*, царь, греческое *ξης*. Окончаніе *pithes* въ именахъ царей есть зендское *paitis*, санскр. *patis*—панъ; литовское *patis, pats*—панъ; славянское—*подъ, подиць*, въ словѣ господь, господинъ; откуда литовс. *wieszypats*, польское *wasrap*. Поэтому и Artimpasa=Aphrodita, Venus, вѣроятно, можно перевести словомъ Велепани, Бѣлопани (ср. санскр. *arthia*=чистый, великолѣпный). Скиѳское *Enarees* есть чисто персидское слово, отъ корня *nar, ner*=мужъ. Въ словѣ Ехатраеос скрывается индоевропейское *pani, peni*=вода. Въ имени бога Thamimasadas и царя Oktamasades послѣднее слово *masades* есть зендское *magdāo*=богъ. Въ имени Oitosyros = Apollo, Phoebus, солнце, скрывается *osir, sur*, т. е. солнце. И т. д. „Удивительное“ сродство древняго скиѳскаго языка съ языками индоевропейскими Шафарикъ объяснялъ вполне невѣроятно: „съ одной стороны прежнимъ жительствомъ Скиѳовъ въ глубинахъ Азии, можетъ быть въ сосѣдствѣ Мидянъ и Персовъ; а съ другой стороны... сосѣдствомъ съ Сарматами, племенемъ мидскимъ... даже“, добавляетъ Шафарикъ, „чуть ли остатки Скиѳовъ въ послѣднее время существованія своего (?) совершенно не осарматились; потому-то извѣстіе Геродота, будто Сарматы говорили испорченнымъ скиѳскимъ языкомъ, какъ заимствованное имъ отъ хвастливыхъ Скиѳовъ (?) и, слѣдовательно, подозрительное, я понимаю наоборотъ, что Скиѳы говорили испорченнымъ сарматскимъ языкомъ“ (?). Слав. Древн.; т. I, кн. II, стр. 27 и слѣд.

Такимъ образомъ Шафарикъ, главный пропагандистъ теоріи монгольства Скиѳовъ, согласно съ лингвистическими изслѣдованіями Якова Гримма, Каспара Цейса, Вильгельма Гумбольдта, Лоренца Диффенбаха, Раулинсона, Мюлленгофа, Боргмана, прицель къ заключенію, по которому *Скиѳы эпохи Геродота говорили языкомъ индоевропейскимъ* ¹⁾.

На очереди сталъ вопросъ: какому изъ языковъ новѣйшихъ европейскихъ народовъ арійскаго происхожденія наиболѣе сроденъ скиѳскій языкъ времени Геродота? Сравненіе сохранившихся словъ скиѳскаго языка съ языкомъ славянорусскимъ, намъ кажется, показываетъ ясно, что Скиѳы эпохи Геродота говорили языкомъ праславянскимъ ²⁾.

Религія Скиѳовъ и Славянъ.

Въ религіи Скиѳовъ эпохи Геродота и русскихъ Славянъ эпохи язычества много общаго. *Геродотовы Скиѳы и Славяноруссы послѣднихъ столѣтій язычества поклонялись огню, небу, землѣ, солнцу, лунѣ и богамъ борьбы съ природою и людьми* ³⁾; не имѣли храмовъ, поклонялись своимъ богамъ только посредствомъ жертвоприношеній и особенно почитали бога войны ⁴⁾; имѣли многочисленный классъ гадателей—знахарей—волхвовъ—кудесниковъ, прорицаніямъ которыхъ

¹⁾ См. Боргмана: „Les Scythes“ etc.; изд. II, стр. IX и слѣд.— Мюлленгофа: „Ueber der Herkunft u. Sprache pont. Scythen u. Sarmaten“, въ „Monat. B. d. A. c. zu Berlin“. August 1866. Кюна: „Forschungen im Gebiet der alten Völkerkunde“; I, „Die Skythen“. 1871. Berlin.

²⁾ См. допояленіе о языкѣ Скиѳовъ и Славянъ.

³⁾ По Геродоту, Скиѳы поклонялись Гистіи, Зевсу, Гетъ, Аполлону, Афродитѣ-Ураніи, Гераклу и Арею. (Кн. IV, гл. 59). Тѣхъ же боговъ, подъ именами Сварога, Дажь-бога, Хорса, Матери-сырой земли, Волоса, Перуна и Бгорія Храбраго, почитали славянорусскія племена въ эпоху язычества. См. Бестужева-Рюмина: Русская исторія; т. I, гл. I, стр. 11—16; изд. 1872.

⁴⁾ „Скиѳы не имѣютъ обыкновенія ставить божествамъ кумиры, алтари и храмы, за исключеніемъ Арея... въ честь Арея умерщвляется каждый сотый мужчина изъ числа взятыхъ въ плѣнъ враговъ“. Геродотъ; кн. IV, гл. 59 и 62.— „Были ли у насъ храмы? Лѣтописецъ о храмахъ у Русскихъ Славянъ не упоминаетъ“. Бестужевъ-Рюминъ: Русская исторія; т. I, стр. 31. „Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, гдѣ стояше Перунъ...“ П. С. Р. Л.; I; стр. 23; см. еще стр. 34, 50; годы: 945, 980, 988.

безусловно повиновались, такъ какъ, по народнымъ вѣрованіямъ, гадатели владѣли способностью узнавать волю боговъ ¹⁾).

Описывая скиѣскія жертвоприношенія, Геродотъ говоритъ слѣдующее: „способъ жертвоприношенія у всѣхъ Скиѣовъ для всѣхъ божествъ одинъ и тотъ же и состоитъ въ слѣдующемъ: ставится жертвенное животное со связанными передними ногами, а позади его стоящій жертвоприноситель тянетъ къ себѣ конецъ веревки и такимъ образомъ опрокидываетъ животное на землю. Пока животное падаетъ, жертвоприноситель взываетъ къ тому божеству, въ честь котораго совершается жертва; затѣмъ накидываетъ петлю на шею животнаго, поворачиваетъ кругомъ вложенную въ петлю палку и удавливаетъ животное“ ²⁾). Эти способы опрокидывать и удавливать (накрутка) крупныхъ домашнихъ животныхъ до сихъ поръ практикуются въ Малороссіи мѣстными коновалами и крестьянами.

Къ области религіи древнихъ языческихъ народовъ принадлежали погребальныя обычаи. Древніе индоевропейскіе народы отличались особеннымъ уваженіемъ къ праху покойниковъ и хоронили мертвыхъ при обычаяхъ и обрядахъ, по отношенію къ которымъ они являются особенно консервативными. Особый консерватизмъ въ этой области древняго права былъ слѣдствіемъ вѣрованія, по которому уклоненіе отъ установленныхъ издавна погребальныхъ обычаевъ и обрядовъ, могло отразиться на благополучіи будущей жизни мертвеца и вызвать съ его стороны мщеніе оставшимся въ живыхъ родственникамъ. Благодаря консерватизму погребальнаго права, скиѣскіе обычаи погребенія покойниковъ долго сохранялись Славянами, а отчасти соблюдаются и въ настоящее время.

По Геродоту, тѣло умершаго скиѣскаго царя бальзамировали, а потомъ везли на колесницѣ по землямъ народовъ, состоявшихъ

¹⁾ „Гадателей у Скиѣовъ много... Въ случаѣ болѣзни скиѣскій царь приглашаетъ трехъ наиболѣе знаменитыхъ гадателей“... Геродотъ; кн. IV, гл. 67 и 68.— „Что касается до волхвовъ (у Славянъ), то это были гадатели, но никакъ не жрецы.“ Бестужевъ - Рюминъ; стр. 22. „Есть у Славянъ изъ среды ихъ врачи, имѣющіе такое вліяніе на царя ихъ, какъ будто они начальники ему. Случается, что приказываютъ они приносить въ жертву творцу ихъ, что ни вздумается: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужъ когда прикажетъ врачъ, не исполнить его приказанія нельзя никакимъ образомъ“. Сказанія о Славянахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста. Изд. Д. А. Хвольсона. 1869 г.; гл. VI, § 9, стр. 38.—Ср. П. С. Р. Л.; т. I, стр. 16, 75—78; годы: 912, 1071.

²⁾ Исторія; кн. IV, гл. 60.

подъ властью царя, до земли Герровъ, въ которой находилось кладбище или гробницы царей. *Скиѣскіе народы, встрѣчавшіе трупъ царя, „отрѣзывали себѣ часть уха, обрѣзывали кругомъ волосы, дѣлали себѣ на рукахъ порѣзы, царапали лобъ и носъ и лѣвую руку прокалывали стрѣлами“* ¹⁾. По свидѣтельству Ибнъ-Даста, *славянскія женщины, когда случится у нихъ покойникъ, „царапаютъ себѣ носемъ руки и лица“* ²⁾. Въ „Житіи князя Константина Муромскаго“ говорится слѣдующее: когда князь Константинъ похоронилъ тѣло усопшаго сына своего Михаила по христіанскому обычаю, то „невѣрные люди, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе; яко погребаему сущу сыну самодержцеву, князю Михаилу, во знакъ на востокъ лицемъ, а могилы вверхъ холмомъ не сыпаху, но ровно съ землею; ни тризница не дѣяху, ни битвы, ни кожирокренія не творяшеся, ни лицедранія, ни плача безмѣрнаго; и о томъ безумніи ругахуся“ ³⁾.

По Геродоту, въ обширной четырехугольной могильной ямѣ клали трупъ скиѣскаго царя, а возлѣ него хоронили *одну изъ его женщинъ*, предварительно задушивши ее, а также *виночертія, повара, конюха, слугу, вѣстника“* ⁴⁾. „Славяне, говоритъ славянская хроника, сожигаютъ тѣла своихъ государей, а вмѣстѣ съ ними сожигаютъ рабовъ обоюго пола, ихъ *женъ и вѣсхъ тѣхъ, которые находятя при особѣ государя: секретаря, визиря, любимца и льбкаря“* ⁵⁾.

По Геродоту, надъ могилою Скиѣы устраивали *земляную насыть*, прилагая старанія къ тому, чтобъ она вышла какъ можно больше; *по прошествіи года*, Скиѣы справляли поминки покойнаго царя *на его могилѣ*, принося ему въ жертву 50 юношей и лошадей ⁶⁾. По свидѣтельству Ибнъ - Даста, „Славяне *черезъ годъ* по смерти покойника“ поминали его „*на могильномъ холмѣ“* тризною, глядя по

¹⁾ Исторія; кн. IV, гл. 71.

²⁾ См. Хвольсона: Извѣстія Ибнъ - Даста о Слав. и Русскихъ; стр. 29.—Баркави: Сказ. Мусулм. Писат. стр. 264.

³⁾ А. Котляревскій, въ сочиненіи „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“ (Изд. 1868 г. стр. 126—128), за приведеннымъ въ текстѣ извѣстіемъ, говоритъ слѣдующее: „Житіе Константина Муромскаго представляетъ весьма древнее, можетъ быть, современное введенію христіанства *свидѣтельство о языческой погребальной старинѣ Русскихъ Славянъ“*.

⁴⁾ Исторія; IV, 71.

⁵⁾ См. В. Макушева: Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ; 1860 г., стр. 141, примѣч. 19. Чапмоу, 319.

⁶⁾ Исторія; IV, 72.

средствамъ родственниковъ покойнаго ¹⁾. *Годичный поминальный столъ славянскихъ народовъ настоящаго времени*, несогласный съ духомъ христіанскаго ученія, по всей вѣроятности, представляетъ собою остатокъ годичнаго поминовенія покойника скиевской эпохи.

По Геродоту, „что касается прочихъ Скиевовъ“ (не царей), „то въ случаѣ смерти ближайшіе родственники везутъ покойника на повозкѣ ко всѣмъ его друзьямъ. Каждый изъ нихъ устраиваетъ для сопровождающихъ покойника угощеніе, причемъ отъ всѣхъ яствъ удѣляется часть и покойнику. Частныхъ лицъ возятъ такимъ образомъ въ теченіе 40 дней, а потомъ хоронятъ“ ²⁾. У русскихъ и польскихъ крестьянъ настоящаго времени повсемѣстно распространено вѣрованіе, по которому душа покойника въ теченіе 40 дней не оставляетъ земли, посѣщаетъ оставленное тѣло и домъ, въ которомъ разсталась съ нимъ. Въ теченіе этого срока душа можетъ жать и пить. Во многихъ мѣстностяхъ выставляютъ для души покойника, обыкновенно на окно, а иногда „на покутѣ“, подъ образами, различныя кушанья, блины, медъ, воду и проч., въ предположеніи, что душа, посѣщая въ теченіе 40 дней оставленный ею домъ, питается выставленными для нея предметами ³⁾. Повсемѣстно также у русскихъ крестьянъ и другихъ славянскихъ народовъ соблюдается нынѣ, или практиковался до новѣйшаго времени обычай поминовенія покойника обѣденнымъ столомъ въ сороковой день послѣ его смерти, когда по народнымъ вѣрованіямъ душа, оставляя землю, окончательно улетаетъ на небо.

Право Скиевовъ и Славянъ.

Государственное, уголовное и гражданское право Скиевовъ эпохи Геродота мало извѣстны, но въ томъ, что извѣстно, мы встрѣчаемъ черты ближайшаго сродства съ правомъ русскихъ Славянъ языческой эпохи.

Подобно народонаселенію Руси X вѣка народонаселеніе Скиевовъ V вѣка до Р. Х. *дѣлилось на племена*; каждое племя владѣло ему принадлежавшею областью,—а область племени дѣлилась на „око-

¹⁾ Хвольсонъ; 29.—Гаркави; 265.

²⁾ Исторія; IV, 73.

³⁾ Въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, крестьянскіе дома, живущіе по старинѣ, тщательно наблюдаютъ за ежедневною убылью жидкости въ сосудѣ, выставленномъ на окно для утоленія жажды покойника, и смотря по количеству убыли заключаютъ посѣщаетъ душа оставленный ею домъ или не посѣщаетъ довольна она своими родственниками, или недовольна.

лотки“—волости, въ каждой изъ которыхъ былъ кумиръ бога войны, какъ были свои кумиры Перуна въ Новгородѣ, на Высокой, въ Ростовѣ и другихъ русскихъ волостяхъ. Во главѣ Скиѣи эпохи Геродота, какъ во главѣ Руси X вѣка, стоялъ царь царей—великій князь; во главѣ племени стояли цари-князья, состоявшіе подъ властью царя царей—великаго князя, а во главѣ волостей скиѣской земли стояли „архонты“, соответствовавшіе старейшинамъ земли Древлянскои X вѣка и другихъ славяно-русскихъ земель того времени ¹⁾.

По Геродоту, скиѣскій царь не оставляетъ въ живыхъ и дѣтей осужденныхъ на казнь гадателей; все мужское поколѣніе ихъ предается казни“ ²⁾; по Русской Правдѣ, „разбойникъ осуждается на потокъ и разграбленіе влѣтъ съ его дѣтьми“ ³⁾.

По Геродоту, Скиѣе, обтянувши черепъ непріятеля кожей или покрывши золотомъ, употребляетъ его вмѣсто чаши; „такъ поступаютъ Скиѣе и съ черепами одноплеменниковъ, въ случаѣ тяжбы между ними и когда обвинитель одерживаетъ верхъ надъ обвиняемымъ въ присутствіи царя. Такой черепъ Скиѣе показываетъ уважаемымъ гостямъ, при чемъ напоминаетъ, что это былъ его соплеменникъ, вступившій съ нимъ въ борьбу, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ“ ⁴⁾. Левъ Діаконъ Калойскій, въ свидѣтельствѣ о происхожденіи Руссовъ времени Святослава отъ Скиѣовъ времени царя Анахарсиса, говоритъ слѣдующее: „Тавроסקиѣи (русскіе) и нынѣ имѣютъ обыкновеніе рѣшать свои тяжбы убойствомъ и кровью (φόνος γὰρ εἶσθε τὰ νεῖκη Ταυροσκίβαι διακρίνειν εἰσθάσειν)“ ⁵⁾. О судебномъ поединкѣ у Славяноруссовъ X вѣка говоритъ также арабскій писатель Ибнъ-Даста: „если кто изъ Руссовъ имѣетъ дѣло противъ другого, то зоветъ его на судъ къ царю, передъ которымъ и препираются; когда царь произнесетъ приговоръ, то исполняется то, что онъ рѣшитъ. Если же обѣ стороны приговоромъ царя недовольны, то, по его приказанію, должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одержитъ верхъ“ ⁶⁾. Несторъ осуждалъ обычаи русскихъ Славянъ, по которому они

¹⁾ Ср. Геродота; гл. 62, 66, 79; Исторію Іоакима, пар. 7, 8; Временникъ Нестора, годы: 907, 945, 946.

²⁾ Исторія; кн. IV, гл. 69.

³⁾ Списокъ Троицкій, ст. 5; сп. Карамзинскій, ст. 5.

⁴⁾ Исторія; IV, 65.

⁵⁾ Leo Diaconus; IX, стр. 150; Ed. Bonnæ.

⁶⁾ См. Гаркави: Сказ. Мус. писателей о Славянахъ и Руссахъ; стр. 269. 1870 г.

„убиваху другъ друга“. Не смотря на протестъ христіанской церкви, скиѣскій обычай судебного поединка удержался въ законодательствѣ русскомъ (договоры съ Нѣмцами, Псковская Судная Грамота, Судебники) до изданія Уложенія 1649 г. „Выдача головою“, потерявъ строгій смыслъ скиѣской эпохи, практиковалась еще въ Московскую эпоху ¹⁾.

По Геродоту, Скиѣны утверждали клятвенный договоръ слѣдующимъ образомъ: „въ глиняную чашу наливается вино, а къ нему *прилихивается* кровь договаривающихся, при чемъ дѣлаютъ они уколы шиломъ или небольшіе разрѣзы ножомъ на тѣлѣ; потомъ погружаютъ въ чашу *мечъ, стрѣлы, стѣкиру и метательное копье*. Совершивши это, они долго молятся, а потомъ пьютъ смѣсь какъ сами договаривающиеся, такъ и знатнѣйшіе изъ присутствующихъ“ ²⁾. У Славяноруссовъ X вѣка *участіе оружія* также признавалось необходимымъ условіемъ клятвы, утверждавшей договоръ. Князь Олегъ и мужи его „по русскому закону *пляшася оружіемъ* своимъ“; „призва Игорь слы, и приде на холмъ, гдѣ стояше Перунъ, *покладоша оружье* свое и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его елико поганыхъ Руси“ ³⁾. По понятіямъ русскихъ крестьянъ нашего времени, каждую договорную сдѣлку необходимо *запить виномъ* (магарычъ, *litkup*), а самая важная сдѣлка, договоръ съ чортомъ, *пишется кровью договаривающагося*.

Наружность Скиѣовъ и Славянъ.

Этнографическое сродство древнихъ Скиѣовъ и позднѣйшихъ Славянъ выражается также въ наружности и предметахъ внѣшней обстановки быта.

Наружность древнихъ Скиѣовъ, изображенная на сосудахъ, бляхахъ, перстняхъ, монетахъ, открытыхъ въ скиѣскихъ могилахъ, будучи несомнѣнно индоевропейскою, *приближается всего болѣе къ типу славянорусскому*. Фантазія Шафарика нарисовала слѣдующій образъ Скиѣа эпохи Геродота: „Скиѣны всѣ были похожи одинъ на другого ростомъ и лицомъ, точь въ точь какъ нынѣшніе монголы. Они имѣли тѣло толстое и обрюзглое; ляшки покрытыя тучнымъ мясомъ; брюхо вздутое; волосы рѣдкіе“ ⁴⁾. Благодаря археологическимъ изысканіямъ послѣднихъ десятилѣтій, на югѣ

¹⁾ См. Д. И. Иловайскаго: „Разыск. о началѣ Руси“; стр. 21.

²⁾ Исторія; IV, 70.

³⁾ П. С. Р. Л.; I, 13 и 23; годы: 907, 945.

⁴⁾ Слав. древн.; т. I, кн. II, стр. 23.

Россіи открыты скиѣскія могилы III и IV столѣтій до Р. Х., а въ нихъ сосуды, монеты, бляхи, перстни и другіе предметы съ художественными изображеніями Скиѣовъ, передающими черты ихъ наружности до мельчайшихъ подробностей. „На всѣхъ изображеніяхъ Скиѣовъ мы встрѣчаемъ волосы густые, лобъ высокій, глаза открытые, прямо направленные, носъ узкій и прямой. На многихъ изображеніяхъ, какъ напримѣръ, на монетахъ царей Скилура, Фарзоя и Канитеса, въ изображеніяхъ Скиѣовъ на Куль-Обской и Никопольской вазахъ, на золотыхъ бляхахъ, изображающихъ скиѣскихъ всадниковъ и пр., индоевропейскій и въ частности славянскій типъ древнихъ Скиѣовъ выраженъ отчетливо, и убѣдительно“¹⁾.

„Форма лицевыхъ костей въ скиѣскихъ черепахъ“, говоритъ академикъ Бэръ, *„не представляетъ ничего монгольскаго. Носъ у скиѣскихъ череповъ высокъ и узокъ, а у Монголовъ, какъ извѣстно, онъ плоскій и широкій; у скиѣскихъ череповъ нѣтъ сильно выдающихся скулъ, а мѣста прикрѣпленія височныхъ мускуловъ далѣе отстоятъ отъ средней темянной линіи, чѣмъ у Монголовъ“*²⁾. „Курганное населеніе скиѣской эпохи“, говоритъ проф. А. П. Богдановъ, *„настолько близко по общеплеменнымъ чертамъ къ курганному населенію другихъ, прилегающихъ областей средней Россіи, что съ большою вѣроятностью должно быть отнесено къ одному типу съ ними“*³⁾.

Академикъ Стефани, изучая изображенія Скиѣовъ на извѣстныхъ художественныхъ вазахъ скиѣскихъ могилъ, безъ всякой мысли открыть въ нихъ признаки славянской народности, нашелъ слѣдующія черты: „всѣ человѣческія фигуры, помѣщенные на фризѣ серебряной вазы (открытой И. Е. Забѣлинымъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ), очевидно, изображаютъ Скиѣовъ. Передъ нами пять бородатыхъ мужчинъ и трое безбородыхъ юношей; ни у одного изъ нихъ нѣтъ шапки на головѣ; всѣ отличаются густыми, длинно-стриженными волосами, *какіе еще и теперь точно такъ же носятъ русскіе крестьяне* и которые повторяются на множествѣ другихъ изображеній Скиѣовъ. За исключеніемъ одной лишь фигуры, всѣ

¹⁾ Главнѣйшіе изъ относящихся сюда памятниковъ древности издали въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѣи“, изд. Имп. Арх. Ком.; вып. I, 1886 г.; вып. II, 1872 г.; а также въ изданіи В. А. Прохорова подъ заглавіемъ: „Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ“, 1861 г.

²⁾ Arch. fur Anthropologie; t. X, p. 215. 1877.

³⁾ „О могилахъ скиѣо-сарматской эпохи въ Полтавской губерніи и о краниологіи Скиѣовъ“; стр. 14.

Скиены представлены въ короткихъ сапогахъ; на каждомъ изъ нихъ широкія шаровары, которыя такъ же, какъ на изображеніяхъ Скиеовъ золотой Куль-Обской вазы, заткнуты за сапоги, но, будучи шире и длиннѣе чѣмъ тамъ, болѣе свисли надъ ними. Извѣстно, что *такой нарядъ еще и теперь въ употребленіи у русскихъ крестьянъ*. Верхняя часть тѣла всѣхъ фигуръ прикрыта короткимъ, тѣсно примыкающимъ къ тѣлу и опоясаннымъ кафтаномъ, который, за исключеніемъ висящихъ спереди концовъ, покроемъ своимъ напоминаетъ *казацкій кафтанъ—казакинъ*¹⁾.

Историкъ Францъ Шварцъ, въ своемъ изслѣдованіи о древнихъ переселеніяхъ народовъ, говоритъ: „скиены по своему внѣшнему облику не были монгольскаго племени, что истекаетъ уже изъ свидѣтельствъ древнихъ писателей, какъ Геродота, Гиппократъ, Каллимаха, Аристотеля, Плинія и Витрувія, свидѣтельствующихъ, что Скиены, какъ и Германцы, отличались высокимъ ростомъ, бѣлымъ цвѣтомъ кожи, русыми волосами и голубыми глазами... Изображенія Скиеовъ на памятникахъ, найденныхъ въ скиескихъ гробницахъ, *настолько совпадаютъ съ современными русскимъ типомъ*, что кажется невольно, будто видишь передъ собою русскаго мужика“²⁾.

И. Е. Забѣлинъ, въ его очеркѣ „Древняя Скиѳія въ своихъ могилахъ“, представляющемъ сводъ фактовъ, относящихся къ обстановкѣ быта Скиеовъ, добытыхъ раскопками въ южной Россіи до 1876 года, высказываетъ рядъ нижеслѣдующихъ заключеній: „простые глиняные горшки скиескихъ могилъ имѣютъ весьма разнообразную форму, начиная отъ простой *нашей чаши и доходя до кувшина или малороссійскаго глечика*; обыкновенная форма очень сходна съ *малороссійскою же мокитрою*... Скиены подпоясывались поясомъ, состоявшимъ изъ бронзовыхъ пластинокъ, *собранныхъ на ремнѣ въ чешую другъ на друга*. Переднія полы кафтана кроились косяками, въ родѣ фалды; по бокамъ, *какъ у русскихъ одежды*, дѣлались прорѣхи; скиеская рубашка пряталась *по-малороссійски* въ широчайшія шаровары... Изображенія скиескихъ царицъ во многомъ напоминаютъ *русскую старину* даже XVII вѣка... На скиескихъ издѣліяхъ, относимыхъ къ IV вѣку до Р. Хр., мы находимъ форму травчатого узора и каёмочнаго бордюрнаго украшенія, очень извѣстную въ *нашихъ русскихъ украшеніяхъ* на вещахъ и въ рукописяхъ... Любимымъ питейнымъ сосудомъ Скиеовъ была братина,

¹⁾ См. Отчетъ Археол. Имп. Комиссіи за 1864 г. Статья Ак. Стефани; стр. 10, 11, 15 и 16.

²⁾ Sundfluth und Völkerwanderungen; s. 133. Stutthardt. 1894.

очень сходная формою съ нашею древнею братиной, и рогъ, тоже любимый сосудъ Славянъ на нашемъ югѣ, на славянскомъ сѣверѣ и на балтійскомъ поморьѣ“¹⁾).

В. А. Прохоровъ, бывшій профессоръ русскаго искусства въ Петербургской Академіи Художествъ, признавая нашу теорію происхожденія русскихъ Славянъ отъ Скиѳовъ эпохи Геродота, нѣсколько лѣтъ посвятилъ специально собранію и сличенію древностей скиѳскихъ и славянскихъ и пришелъ къ слѣдующему заключенію: многіе этнографическіе признаки, относящіеся къ обстановкѣ быта Скиѳовъ, „повторяются въ послѣдующихъ періодахъ жизни Славянъ вообще и въ особенности Славяноруссовъ, даже въ періодѣ христіанскомъ, гдѣ они или буквально повторяются, или имѣютъ близкое сходство и значеніе“²⁾).

Вышеизложенные факты исторіи, лингвистики, миѳологіи, этнологіи, краніологіи и этнографіи, по нашему мнѣнію, положительно доказываютъ генетическую близость Скиѳовъ V вѣка до Р. Хр. и Славяноруссовъ X вѣка по Р. Хр., единство происхожденія Скиѳовъ и Славянъ, принадлежность ихъ къ одному этнографическому типу. *Слѣдовательно, все древніе писатели, начиная съ Геродота, оставившіе свѣдѣнія о бытѣ Скиѳовъ, Сарматовъ, Саковъ, Гетовъ, Даковъ, Венетовъ, Склавинъ, Антовъ, Ляховъ, Руссовъ и всѣхъ другихъ народовъ скиѳо-славянскаго происхожденія, объединенныхъ въ христіанскую эпоху общимъ этнографическимъ именемъ Славянъ, составляютъ средства научнаго познанія начального періода исторіи права Славянъ вообще и Славяноруссовъ въ частности*³⁾.

Размежеваніе прародинъ Славянъ и Германцевъ.

Исторія и исторія права cadaго изъ нынѣ существующихъ народовъ скиѳо-славянскаго происхожденія,—Велико-Руссовъ, Мало-Руссовъ, Поляковъ, Болгаръ, Сербовъ, Кроатовъ, Лужичанъ, Сло-

1) „Исторія русской жизни“; т. I, стр. 640, 642, 645, 647.—Изд. 1876 г.

2) Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ; 1881 г., стр. 7.

3) Свѣдѣнія о бытѣ народовъ скиѳо-сарматскаго происхожденія см. въ издашіяхъ: „Извѣстія Древнихъ Писателей Греческихъ и Латинскихъ о Скиѳахъ“. В. В. Латышева. Спб. 1890—1893 гг. Записки Имп. Рус. Арх. общества; т.т. V и VI. Приложенія. М. Стасюлевича: Исторія Среднихъ Вѣковъ въ ея писателяхъ; тт. I—III. Изд. 1863—1865 гг. Содержаніе и критику литературныхъ ученій о германствѣ и монгольствѣ древнихъ Скиѳовъ см. ниже, въ отдѣлѣ о происхожденіи Славяноруссовъ, гл. XII.

винцевъ, Чеховъ, —имѣютъ такое же право на сказанія Геродота и послѣдующихъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ писателей о Скиѣяхъ, Сарматахъ и Сакахъ, какое имѣютъ исторія и исторія права каждаго изъ нынѣ существующихъ народовъ тевтоно-германскаго происхожденія, —Англичанъ, Французовъ, Нѣмцевъ, Датчанъ, Шведовъ, — на сказанія Юлія Цезаря и послѣдующихъ историковъ о Тевтонахъ, Кимбрахъ и Германцахъ. По свидѣтельствамъ Юлія Цезаря, такого же перваго историка Тевтоніи, какимъ былъ Геродотъ для Скиѣи, Тевтоны, Кимвры и Германцы составляли одинъ народъ, дѣлившійся на племена разнаго образа жизни, но одного происхожденія, одной религіи и одного языка. Поощряя своихъ воиновъ къ битвѣ съ Германцами, Юлій Цезарь говорилъ имъ: „отцы наши уже имѣли дѣло съ этимъ врагомъ, и поражение Кимвровъ и Тевтоновъ К. Маріемъ доставило равную славу и полководцу и его воинамъ“ ¹⁾ *Территорія Тевтоніи эпохи Юлія Цезаря, послужившая родиною германскаго этнографическаго типа и на глазахъ европейской исторіи выдѣлившая изъ себя нынѣ существующіе народы германскаго этнографическаго типа, Англичанъ, Французовъ, Нѣмцевъ, Датчанъ, Шведовъ, точно очерчена отцомъ германской исторіи; это была область, лежавшая между Рейномъ, Нѣмецкимъ моремъ, Эльбою, верхнимъ теченіемъ Дуная и Альпами. Подобно Скиѣи эпохи Геродота Тевтонія, прародина народовъ германскаго происхожденія, до времени римскаго завоеванія была изолирована водою, непроходимыми болотами, лѣсами и пустынями, значеніе которыхъ Юлій Цезарь опредѣляетъ слѣдующими словами: „Германцы считаютъ величайшею славою для своего государства то, что на далекое пространство они окружены опустошенными и безлюдными пустынями; по ихъ мнѣнію, это доказываетъ, что ни одинъ сосѣдній народъ не можетъ вынести силы ихъ оружія, да притомъ этимъ способомъ они желаютъ обезопасить себя отъ внезапныхъ нападений; говорятъ, что за границею земли Свевовъ (въ эпоху Юлія Цезаря занимавшихъ восточную границу Германіи, у рѣки Эльбы) тянется на 600 миль безлюдная пустыня... Герцинскій лѣсъ сопровождаетъ рѣку Дунай съ правой стороны ея теченія и доходитъ до земли Даковъ... ни одинъ Германецъ, совершивъ отъ начала этого лѣса 60-дневный по пемъ путь, не достигъ его конца и не знаетъ, гдѣ онъ оканчивается“ ²⁾.*

Указанная Юліемъ Цезаремъ изолированность, географическая и политическая разобщенность Тевтоніи и Скиѣи до времени римскихъ

¹⁾ Зап. о Галль. войнѣ; кн. I; гл. 40. См. еще кн. II; 29; книга VII, 77.

²⁾ Тамъ же; кн. IV, 1, 3; кн. VI, 23, 24.

завоеваній имѣла своимъ послѣдствіемъ происхожденіе двухъ этнографическихкихъ типовъ въ западной и восточной Европѣ: германскаго и славянскаго. Римскій завоевательный натискъ вызвалъ географическіе и политическіе разрывы въ средѣ тевтонскаго и скиѣскаго этнографическихкихъ типовъ и образованіе новыхъ германскихъ и славянскихъ государствъ, въ которыхъ сложились этнографическіе признаки новыхъ, нѣмѣ существующихъ народовъ тевтоно-германскаго и скиѣо-славянскаго происхожденія. Если новые народы германскаго происхожденія, Англичане, Французы, Нѣмцы, начинаютъ первый періодъ своей исторіи и исторіи своего права сказаніями Юлія Цезаря о Тевтоніи и Тевтонахъ, какъ прародинѣ и предкахъ Германцевъ, то и новые народы славянскаго происхожденія должны начинать научную разработку перваго періода своей исторіи и своего права изученіемъ сказаній Геродота о Скиѣи и Скиѣахъ, потому что это были прародина и предки нѣмѣ существующихъ славянскихъ народовъ. Только указанное Юліемъ Цезаремъ размежеваніе прародинѣ и исторіи Германцевъ и Славянъ, по нашему мнѣнію, можетъ дать научной исторіи Европы среднихъ вѣковъ направленіе, соотвѣтствующее исторической дѣйствительности.

Вещественные памятники.

ГЛАВА V.

Археологическія изслѣдованія. Городища. Могилы. Славянорусскія могилы. Имущественные клады. Значеніе вещественныхъ памятниковъ.

Къ вещественнымъ памятникамъ быта древнихъ народовъ принадлежатъ: жилища, могилы, имущественные клады, домашняя утварь, орудія для добыванія пищи, нападенія и самозащиты, одежда, орнаментика костюма, предметы питанія, предметы культа и всѣ другіе предметы, составлявшіе *вещественную обстановку домашней и общественной жизни древняго человека*. Главнѣйшіе виды вещественныхъ памятниковъ составляютъ *жилища, могилы и имущественные клады*, — хранилища множества предметовъ культурной обстановки нашихъ предковъ.

Начало научнаго изслѣдованія вещественныхъ памятниковъ, сохранившихся въ землѣ Россіи, относится къ тридцатымъ годамъ текущаго столѣтія, ко времени открытія дѣятельности *Иллера*

торской Археологической Коммиссии, учрежденной на средства Императорскаго кабинета. Поводомъ учрежденія этой Коммиссиі послужило случайное открытіе богатѣйшей могилы скиѣскихъ царей въ „Куль-Обскомъ“ курганѣ, разрытомъ въ 1830 году въ окрестностяхъ города Керчи ¹⁾; а цѣлью ея учрежденія было *изысканіе образцовъ искусства древнихъ Грековъ въ курганахъ южной Россіи*. Преслѣдуя свою цѣль, Коммиссія открыла много драгоценныхъ древностей въ скиѣскихъ и греческихъ могилахъ, раскопанныхъ

¹⁾ „По распоряженію мѣстнаго начальства, должно было отыскать и доставить въ Керчь до 400 сажней камня для сооруженія казармъ. Камень готовый, отесанный, тогда добывали изъ кургановъ, а о томъ, что этотъ способъ добыванія камня разрушалъ историческіе памятники, тогда еще не думали. 19 сентября 1830 года въ курганѣ Куль-Оба, въ 6 верстахъ отъ Керчи, отыскивая камень, открыли могильный склепъ, въ срединѣ котораго, на каменномъ возвышеніи, подъ остатками деревяннаго балдахина и деревянныхъ саркофаговъ, лежали остовы скиѣскихъ царя и царицы, главы которыхъ были украшены золотыми митрами и превосходными золотыми же повязками, а шеи—ожерельями изъ массивныхъ золотыхъ колецъ (нашейниковъ) и медальоновъ; руки и всѣ пальцы царицы были украшены массивными золотыми браслетами и кольцами съ камнями; одежду украшали множество золотыхъ бляхъ разной формы и величины. Возлѣ царскаго остова лежала гряда царскаго оружія: мечъ съ золотою рукояткою, щитъ изъ массивнаго золота, золотое налучье, золотой скипетръ и пр. Вокругъ остова были расположены золотые и серебряные сосуды, одинъ изъ которыхъ украшенъ изображеніями Скиѣовъ; здѣсь же лежали: музыкальный инструментъ превосходной работы, съ гравированными фигурами, электровыя статуетки и пр. Въ одномъ изъ угловъ склепа помѣщались остовы лошадей и гряда золотыхъ украшеній сбруи. По стѣнамъ склепа сохранились остатки желѣзныхъ гвоздей, а подъ ними на каменномъ полу склепа — груды золотыхъ бляхъ, украшавшихъ истлѣвшую одежду скиѣскихъ царя и царицы“. См. Сборн. Антропол. и Этнограф. Статей о Россіи, изд. В. Л. Дашковымъ; кн. I; 1868 г. Статья К. К. Герца: „Погребальные обряды Грековъ и Скиѣовъ Босфора Киммерійскаго“; стр. 150, 151. Ср. отрывки отчета Дю-Брюкса (открывателя), помѣщенные въ „Antiquités du Bosphore Cimmérien, conservées au Musée Imperial de l'Ermitage. Ouvrage publié par ordre de S. M. l'Empereur (par F. Gilles). Vol. 1—2. St. Petersbourg. 1854.

въ предѣлахъ земли древней Скиѣи. „Эти сокровища такъ велики и замѣчательны по своему художественному совершенству (часть ихъ принадлежитъ великимъ временамъ процвѣтанія греческаго искусства отъ Перикла до Александра Македонскаго), что они составляютъ цѣлый особый музей, единственный въ мірѣ, извѣстный подъ именемъ Керченскаго отдѣленія Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ, потому что большая часть вошедшихъ въ него предметовъ была найдена въ городѣ Керчи и его окрестностяхъ“¹⁾.

Открытие въ 1853 году въ Екатеринославскомъ уѣздѣ „Луговой могилы“, заключавшей въ себѣ золотые предметы греческой работы, подобные предметамъ, найденнымъ въ гробницахъ Куль-Обской могилы, послужило поводомъ къ передвиженію раскопокъ Археологической Коммисіи въ области Приднѣпровья²⁾. Здѣсь, въ Никопольскомъ уѣздѣ, въ „Чертомлыцкомъ курганѣ“, въ 1862 г. И. Е. Забѣлинъ открылъ богатѣйшую могилу скиѣскаго царя, заключающую въ себѣ болѣе 2500 отдѣльныхъ предметовъ древностей, составлявшихъ обстановку быта древнихъ Скиѣовъ³⁾.

Въ центральныя области Россіи, принадлежащихъ Славяно-руссамъ языческой эпохи, систематическія археологическія раскопки были начаты только въ семидесятыхъ годахъ⁴⁾.

1) Тамъ же; статья К. К. Герца, стр. 145. Результаты археологическихъ раскопокъ и находокъ въ предѣлахъ древней Скиѣи были издаваемы въ погодныхъ „Отчетахъ Археологической Коммисіи“. Результаты раскопокъ до конца сороковыхъ годовъ были сгруппированы въ изданіи А. Ашика, подъ заглавіемъ: „Воспорское царство съ его полеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами.“ Ч. I—III. 1848—1849 г. Одесса.

2) См. Отчетъ Арх. Ком. за 1859 г.; стр. V—VI.

3) Результаты изслѣдованій Археолог. Коммисіи въ областяхъ Приднѣпровья опубликованы особымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: „Древности Геродотовой Скиѣи. Сборникъ описаній археологическихъ раскопокъ и находокъ въ черноморскихъ степяхъ.“ Вып. I. Спб. 1866 г. Вып. II. Спб. 1872. См. еще И. Е. Забѣлина: Ист. русск. жизни; ч. I. Прилож.: „Древняя Скиѣя въ своихъ могилахъ“. 1876 г. Объ археол. находкахъ въ южной Россіи, сдѣланныхъ до открытія раскопокъ А. Коммисіи, см. въ соч. Графа А. С. Уварова: „Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря“. Спб. 1851 г.

4) Исключеніе составляютъ раскопка кургана Перепетовки въ

Въ первомъ томѣ „Русской Исторіи“ Бестужева-Рюмина, изданномъ въ 1872 году, въ первый разъ помѣщенъ отдѣлъ вещественныхъ памятниковъ въ ряду средствъ познанія исторіи нашихъ предковъ; но почтенный историкъ не имѣлъ возможности воспользоваться этимъ источникомъ, потому что „до сихъ поръ“, говоритъ онъ, „большія усилія были направлены на южную часть Россіи, такъ какъ здѣсь были греческія поселенія, добыча здѣсь можетъ быть богаче, результаты яснѣе при усиліяхъ сравнительно меньшихъ; а между тѣмъ, самыя важныя вопросы для всей русской исторіи въ центральныя губерніяхъ, а сюда почти еще не заходили работники“¹⁾).

Равнодушіе прежнихъ историковъ и археологовъ къ подземнымъ хранилищамъ древностей славянорусской земли объясняется господствовавшими въ первой половинѣ текущаго столѣтія литературными возрѣніями, по которымъ *городища* признавались „*памятниками языческаго богослуженія древнихъ Славянъ*, не заключавшими въ себѣ ничего болѣе, кромѣ пепла, угля и жженныхъ костей—остатковъ языческихъ жертвоприношеній“²⁾, а *курганы*— „*наслоеніемъ массы могилъ древнихъ народовъ, въ которомъ нѣтъ возможности распознать могилы Славянъ и Славяноруссовъ*“³⁾.

Васильевскомъ уѣздѣ Киевской губерніи, произведенная проф. *Иванишевымъ*, и раскопки въ Киевской губерніи, произведенныя по распоряженію бывшаго киевск. губернатора *И. Фундуклея*. См. „Древности, изданныя временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ“; I—III, 1846 г. „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Киевской губерніи.“ Изд. *И. Фундуклея*. Киевъ. 1848 г.

1) Рус. Ист.; I, 160.

2) Эта теорія была основана въ двадцатыхъ годахъ *Адамомъ Черноцкимъ*, извѣстнымъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ *Зоріана-Доленги-Ходаковскаго*, который доказывалъ, что городища должны быть признаны *мѣстами языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, нашими лесы, священными насыпями, ограждавшими посвященныя многобожію мѣста*“. См. Ж. М. Н. П. за 1838 г.; № 12; стр. 488 и слѣд. Рус. Ист. Сборникъ; изд. Погодина; т. I; стр. 53; т. IV; стр. 10. Эта теорія была принята и пропагандирована *Шафарикомъ* (Слав. Древн.; I, стр. 372), *Срезневскимъ* (Зап. Од. Общ. Ист. и Др.; т. II, стр. 335. Свят. и Обр. язык. богослуж. Славянъ; с. 40) и особенно *Погодинымъ* (Изсл. Зам. и Лек.; II, 40).

3) Въ 1763 году былъ разрытъ въ Новороссіи курганъ, въ которомъ нашли золотую цѣпь, четыре серебряныхъ подсвѣчника, золотую рукоятку отъ кинжала и пр. См. Миллера: Ежемѣсячн.

Археологическія раскопки въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, произведенныя въ текущемъ полу столѣтіи, фактически доказали возможность распредѣленія древнихъ земляныхъ насыпей по историческимъ эпохамъ и отличить между ними могилы славянорусскія языческой эпохи ³⁾).

Сочин. 1764 г.; стр. 497. По поводу этой находки Шлецеръ высказалъ слѣдующее: „Новоруссія есть та земля, черезъ которую всѣ народы, переселявшіеся изъ Азіи въ Европу, не только проходили, но и останавливались въ ней. Чего еще впередъ не выростъ изъ здѣшнихъ кургановъ... но всѣ эти рѣдкости не принадлежатъ туда, здѣ говорится о первыхъ столѣтіяхъ Россіи“. Шлец. Несторъ; I; введ.; стр. ре—ри. Еще въ 1868 году А. Котляревскій, въ специальномъ изслѣдованіи о погребальныхъ языческихъ обычаяхъ Славянъ, повторилъ ученіе Шлецера по этому вопросу: „какъ младшій побѣгъ индоевропейской семьи“, говоритъ онъ, „Славяне шли по торной дорогѣ; многочисленныя вѣтви ихъ сѣли на насиженныхъ гнѣздахъ, на остаткахъ цивилизаціи предшественниковъ... Принимая въ соображеніе эти обстоятельства водворенія Славянъ въ Европѣ, можно ли надѣяться отыскать могилы славянскихъ праотцевъ при помощи и руководствѣ историко-географическихъ свидѣтельствъ? Думаемъ, что вообще едва ли“. О погребальныхъ обрядахъ яз.ч. Славянъ; стр. 160. Изд. 1868 г.

³⁾ См. „Труды Моск. Арх. Общ.“; т. III; вып. IV, с. 266, 286. Результаты археологическихъ изслѣдованій въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, произведенныхъ въ послѣднія десятилѣтія, опубликованы въ „Трудахъ“ археологическихъ съѣздовъ и въ періодическихъ изданіяхъ ученыхъ обществъ и правительственныхъ учрежденій (преимущественно въ изданіяхъ обществъ Московскаго Археологическаго, Петербургскаго Археологическаго, Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, Петербургскаго Географическаго Общества, Императорской Археологической Коммиссіи и Петербургскаго Археологическаго Института). Важнѣйшія изданія частныхъ лицъ: Графа А. С. Уварова: „Археологія Россіи. Каменный періодъ“. 1881г. Графа А. Бобринскаго: „Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Дневники раскопокъ“. 1887 и 1894 гг. Обзоръ литературы по русской антропологии, этнографіи и археологіи до 1880 года см. въ сочиненіи проф. Штида: *Berichte aus der russischen literatur über Anthropologie, Ethnographie und Archäologie*. Von Ludwig Stieda. Archiv für Anthropologie; Band XII; Heft 3 и 4. Separatabdruck, 1880.

Городища.

Городищами или городками называются древнія валообразныя земляныя насыпи, ограничивающія площади разной величины и формы, расположенныя почти всегда на высокихъ бережяхъ, а иногда и на рѣчныхъ островахъ ¹⁾.

Научная важность каждаго вещественнаго памятника и каждой группы вещественныхъ памятниковъ, какъ средствъ познанія условий быта даннаго народа въ данную историческую эпоху, обусловливается предварительнымъ рѣшеніемъ вопросовъ объ историческомъ значеніи памятниковъ, времени ихъ происхожденія и принадлежности данному народу.

Историческое значеніе городищъ опредѣляется нижеслѣдующими фактами. По своей конструкціи слово „городище“ соответствуетъ словамъ „монастырище“, „селище“ и „дворище“, означающимъ оставленные пункты народныхъ поселеній, нежилые, запустѣвшіе, на которыхъ нѣкогда стояли монастырь, село, дворъ; соотвѣтственно тому, городище должно означать мѣсто бывшаго города. И дѣйствительно, въ летописи и древнихъ актахъ слово „городище“ означаетъ только мѣсто бывшаго города. Напримѣръ, Несторъ въ разсказѣ о походѣ въ Грецію Кія говоритъ: „приде къ Дунаеву, возлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше състи съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущіе, еже и донынѣ наричють дунайцы городище Кіевецъ“ ²⁾.

Формы городищъ, ихъ мѣстоположеніе, укрѣпленія, состоящія изъ рововъ и валовъ, народныя преданія о значеніи многихъ сохранившихся городищъ (какъ опустѣвшихъ городовъ), сличеніе

¹⁾ Названіе городище и городокъ въ народѣ не различаются; одну и ту же насыпь крестьяне называютъ то городищемъ, то городкомъ.

²⁾ П. С. Р. Л.; I, 4. Приложенія, № II, с. 13, п. 4. Въ Книгѣ Большаго Чертежа, за перечисленіемъ населенныхъ деревень за Волгою, читаемъ: „а за тѣми деревнями и до сибирскаго камня жилья никакого нѣтъ: есть пустыя городища чудскія, Манкоръ и иныя“ (с. 24). Въ „Собраніи рукописей гр. Толстого“ № 65 озаглавленъ такъ: „Описаніе о начатіи города Чернаго Яра и о сгорѣннѣи перваго города, которое мѣсто нынѣ называется городищемъ“. (Отд. V). Въ отвѣтѣ Менгли—Гирея Ивану Васильевичу III 1492 года говорится: „я съ братомъ моимъ великимъ княземъ всегда одинъ челоуѣкъ и строю теперь при устьѣ Днѣпра на старомъ городищѣ новую крѣпость, чтобы оттуда вредить Польшѣ“. Ист. Госуд. Рос. Карамзина; т. VI, стр. 146. И др.

мѣстонахожденія многихъ городищъ съ мѣстонахожденіемъ древнихъ городовъ, обозначенныхъ лѣтописями, и вещи, находимыя при раскопкахъ валовъ и площадей городищъ, доказываютъ, что *эти памятники представляютъ собою остатки древнихъ городовъ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній* ¹⁾.

Величина площадей городищъ, то есть внутреннихъ частей ихъ, безъ рововъ и валовъ, соответствуетъ величинѣ древнихъ городовъ. Городища, въ большинствѣ случаевъ, заключаютъ въ себѣ отъ 300 до 500 аршинъ въ окружности; но встрѣчаются меньшія до 200 и большія 1000 аршинъ въ окружности. Эту же величину имѣли города древней Руси. По описанію историка Костомарова, величина городищъ важнѣйшихъ изъ бывшихъ пригородовъ Псковской земли заключаетъ въ себѣ отъ 500 до 800 шаговъ въ окружности по вѣнцу насыпнаго вала ²⁾. Площадь крѣпости, заложеной

¹⁾ Археологъ *Кептенъ*, осмотрѣвшій нѣсколько городищъ въ земляхъ западныхъ Славянъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Городищъ, каковыя находятъ г. Ходаковскій, я не встрѣчалъ ни въ Славоніи, ни въ Сирміи. Здѣсь *градацами* называютъ развалины древнихъ замковъ.“ Сѣвер. Архивъ, 1823 г. № 1, стр. 25. Археологъ *Калайдовичъ*, осмотрѣвъ 12 городищъ въ Рязанской губерніи, вынесъ убѣжденіе, что „*городища представляютъ собою памятники древнихъ городовъ.*“ Письма объ арх. изслѣдованіяхъ въ Ряз. губ. Калайдовича, № 4. Историкъ *Вадимъ Пассекъ*, осмотрѣвшій до 15 городищъ, лежащихъ въ Харьковской губерніи по верхнему теченію рѣки Донца, пришелъ къ заключенію, что они „представляютъ собою *остатки городовъ Россіи до-татарскаго времени.*“ Рус. Ист. Сборн. Погодина; т. III, стр. 21. 1838 г. Пассека: Очерки Россіи; кн. II, стр. 197. По изслѣдованіямъ гр. *Уварова*, „*городища служили укрѣпленными мѣстами для самихъ жилищъ обитателей.*“ *Меряне и ихъ бытъ*; стр. 94. Съ 1871 г. нами осмотрѣны были и частью раскопаны около 150 городищъ въ центральныхъ губерніяхъ Россіи; мы пришли къ убѣжденію, что эти памятники представляютъ собою *нукты, на которыхъ въ древности стояли города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ общественныхъ селитбъ.* См. *Самоквасова*: „Древніе города Россіи,“ стр. 109 и слѣд.

²⁾ „Пространство Изборскаго городища менѣе много помѣщичьяго двора; площадь Вревскаго городища 240 шаговъ въ длину и 46 въ ширину; площадь Котельничьяго городища до 600 шаговъ въ окружности; окружность Краснаго городища 515 шаговъ; Опочское городище имѣетъ въ окружности 750 шаговъ“. „Сѣверно-рус. Народопр. вѣстн.“; т. II. с. 78—81.

въ Ладогѣ посадникѣмъ Павломъ въ 1116 году и сохранившейся до настоящаго времени, заключаетъ въ себѣ около 400 аршинъ въ окружности; площадь городища древняго Путивля около 500 аршинъ въ окружности; ту же величину имѣютъ сохранившіяся городища древнихъ городовъ Чернигова (нынѣ „валъ“) Новгородъ-Сѣверска (нынѣ „замокъ“), Воргола, Сновска, Вышгорода и мн. др.

Большое количество сохранившихся городищъ соответствуетъ большому количеству городовъ древней Руси. Въ древности городами назывались укрѣпленныя общественныя селитбы, обведенныя валами, рвами и стѣнами общественныя поселенія ¹⁾. Въ такомъ смыслѣ, въ значеніи укрѣпленныхъ поселеній, городовъ въ древности было очень много. Лѣтопись говоритъ о 80 городахъ на Дунаѣ, взятыхъ въ одинъ походъ Святославомъ Игоревичемъ въ 967 году; о 8 городахъ, лежавшихъ по Волгѣ между Кснятинымъ и Угличемъ, на пространствѣ около 60 верстъ, разрушенныхъ Ростиславомъ и Изяславомъ Мстиславичами въ 1148 году; о многихъ городахъ, лежавшихъ по Деснѣ между Сосницею и Черниговомъ, и по Днѣпру между Вышгородомъ и Рѣчицею. И т. д. ²⁾.

По изложеннымъ фактахъ городища представляютъ собою *пункты, на которыхъ въ древности стояли города въ смыслѣ укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній.* На очереди сталъ вопросъ о возможности опредѣленія времени происхожденія и народности городищъ.

Во многихъ случаяхъ при посредствѣ вѣрнаго признака возможно отличить городища, *сооруженныя въ языческую эпоху;* этотъ признакъ — *присутствіе языческаго кладбища вблизи городища.* Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ погребальнаго обряда обитателей Руси языческой эпохи было сооруженіе *холма-кургана* надъ могилою покойника, — обычай, исчезающій со времени введенія христіанства въ Россіи ³⁾. Отсюда мы имѣемъ право предположить, что

¹⁾ „Кій приде къ Дунаеви, возлюби мѣсто и срубилъ городокъ малъ, хотяше стѣсти съ родомъ своимъ“; Князь Владиміръ „нача ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и поча набирати мужи лучшіе отъ Словенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чуди, и отъ Вятчъ, и отъ сихъ насели грады“; Павелъ посадникъ „заложилъ Ладугу городъ-камень“. См. Самоквасова: „Древніе города Россіи“; стр. 33 и слѣд.

²⁾ Тамъ-же; стр. 64 и слѣд.

³⁾ Княгиня Ольга сыну своему Святославу — „заповѣда съ землею равно погрестись, а могилы не суги“. Когда Константинъ Муромскій похоронилъ сына своего по христіанскому обычаю, то „не вѣрніи людіе, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю тво-

городища, сопровождаемые языческими кладбищами, по времени происхождения относятся къ языческой эпохѣ. И дѣйствительно, это предположеніе вполнѣ оправдывается результатами раскопокъ, произведенныхъ графомъ Уваровымъ во Владимірской и Ярославской губерніяхъ, а нами и другими изслѣдователями въ предѣлахъ земель древнихъ Сѣверянъ, Полянъ, Древлянъ, Радимичей и Кривичей ¹⁾).

Еще болѣе общимъ и точнымъ, а при отсутствіи языческихъ могилъ въ окрестностяхъ и единственнымъ средствомъ опредѣленія древности городищъ служить *изученіе ихъ содержанія*. Площадь древнихъ городищъ обыкновенно покрыта болѣе или менѣе толстымъ слоемъ перегноя растительныхъ веществъ, мусора и щебня, подобнымъ мусорному слою, покрывающему древнія селища и дворща. Въ этомъ слоѣ встрѣчаются уголь, зола, кости животныхъ, битый камень, кирпичъ, черепки глиняной посуды и разные пред-

римо бѣ погребеніе, яко погребаему сыну самодержцеу, а могилы верхъ холмомъ не сыпаху, по ровню съ землею". См. А. Котляревскаго: О погреб. обыч.; с. 118, 126.

¹⁾ По результатамъ раскопокъ графа Уварова: „городища были населены... вѣрнѣйшимъ признакомъ древнихъ поселеній были группы кургановъ... древнія городища почти всегда находятся вблизи кургановъ“. Меряне и ихъ бытъ, стр. 22, 47, 94. Къ тому же заключенію привели и наши изслѣдованія въ предѣлахъ земли древнихъ Сѣверянъ и Полянъ, въ губерніяхъ Черниговской, Курской, Полтавской, Кіевской, въ которыхъ сохранилось болѣе 600 городищъ, сопровождаемыхъ языческими кладбищами. Но, сверхъ того, должно замѣтить, что далеко не всѣ городища, несопровождаемые въ настоящее время языческими могилами, по времени ихъ происхожденія относятся къ христіанской эпохѣ. Курганы исчезаютъ во множествѣ отъ различныхъ причинъ, а особенно отъ распашки; *мѣстность, прежде изобиловавшая курганами, въ настоящее время можетъ не имѣть ихъ вовсе, а вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстное городище лишается этого признака опредѣленія его древности*. См. рефератъ Д. Самоквасова: „Историческое значеніе городищъ“, въ „Трудахъ третьяго (Кіевскаго) археологическаго съѣзда“; т. I; стр. 234. Изд. 1878 г. Проф. В. Б. Антоновичъ, многочисленныя археологическія работы котораго общеизвѣстны, на Тифлисскомъ археологическомъ съѣздѣ, излагая результаты своихъ раскопокъ въ Черниговской губеніи, заявилъ, что предложенная нами на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ схема древнихъ земляныхъ насыпей Сѣверянской земли „абсолютно вѣрна“. См. протоколы Тиф. арх. съѣзда 1881 г.

меты домашней обстановки: ножи, топоры, наконечники стрѣлъ, кинжалы, украшенія костюма и сбруи, монеты и пр. Иногда эти находки такъ характерны, что непосредственно, сами по себѣ, рѣшаютъ вопросъ о древности даннаго городища. Такъ наприимѣръ, въ окопѣ городища близъ Новгорода-Волынскаго былъ найденъ кладъ римскихъ монетъ II-го вѣка, ясно указавшій, что валъ этого городища уже существовалъ во II вѣкѣ ¹⁾. При раскопкѣ городища на р. Сарѣ, у с. Діаболь, былъ найденъ кладъ восточныхъ монетъ VIII и первой половины IX столѣтій. Въ томъ же городищѣ было найдено много предметовъ, представлявшихъ собою дуплеты предметовъ, найденныхъ въ мѣстныхъ курганахъ, эпоха происхожденія которыхъ опредѣляется открытыми въ нихъ монетами VIII—XI столѣтій ²⁾. Въ нашей коллекціи древностей, переданной нами на вѣчное храненіе въ Московскій Историческій Музей, имѣются многіе предметы: монеты, браслеты, серьги, кольца, бусы, привѣски, пряжки, бляхи, ножи, ключи, наконечники стрѣлъ и проч., найденные при раскопкѣ городищъ и совершенно сходные съ такими же предметами, найденными въ сопровождавшихъ городища курганахъ, время которыхъ опредѣляется открытыми въ нихъ монетами.

Изложенные факты доказываютъ возможность опредѣленія времени и народности городищъ въ конкретныхъ случаяхъ; но для того необходимы систематическія раскопки городищъ и сопровождающихъ городища языческихъ могилъ,—раскопки городищъ и могилъ, связанныхъ мѣстомъ находженія ³⁾.

М о г и л ы .

Средствами рѣшенія вопроса о времени и народности могилъ являются ихъ устройство и содержаніе. На основаніи различій въ устройствахъ и содержаніи языческихъ могилъ, сохранившіяся въ предѣлахъ древней Скиѣи—Сарматіи, можно раздѣлить на слѣдующія группы: могилы Киммерійскаго времени, могилы скифской эпохи, могилы сарматской эпохи, могилы славянорусской эпохи и могилы половецко-татарской эпохи (половецкія и монголо-татарскія).

1. Могилы доисторическаго или Киммерійскаго времени заключаютъ въ себѣ предметы изъ кости, глины, камня и мѣди, а не заключаютъ предметовъ изъ желѣза и серебра. Это могилы доисторическихъ наро-

¹⁾ См. Фундуклея: „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ“; стр. 7.

²⁾ См. Г. Уварова: „Меряне“; стр. 33, 34.

³⁾ См. дополненіе о городищахъ разныхъ историческихъ эпохъ.

довъ, имена которыхъ намъ неизвѣстны, такъ какъ отъ Киммерійскаго времени не сохранилось историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній ¹⁾.

2. *Могилы скиесской эпохи* принадлежатъ времени, отъ котораго сохранились историческія и этнографическія свѣдѣнія греческихъ историковъ первыхъ столѣтій до Рожд. Хр., начиная съ Геродота, называвшихъ надпонтійскіе народы общимъ именемъ Скиеовъ. Кладбища скиесской эпохи и послѣдующихъ эпохъ *содержатъ въ себѣ предметы желѣзной культуры*. Знакомство древнихъ обитателей надпонтійскихъ областей съ употребленіемъ желѣза послѣдовало уже до времени Геродота, ²⁾. Могилы скиесской эпохи отличаются признаками, чуждыми могиламъ Киммерійскаго времени и могиламъ послѣдующихъ эпохъ; *отъ первыхъ онѣ отличаются присутствіемъ предметовъ изъ желѣза и серебра, а отъ послѣдующихъ присутствіемъ предметовъ греческаго искусства, относящихся къ первымъ столѣтіямъ до Рож. Хр.*: греческихъ монетъ, греческой расписной и покрытой чернымъ лакомъ терракотовой посуды, греческихъ золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ, каменныхъ и стеклянныхъ издѣлій, греческихъ надписей на погребальныхъ камняхъ, сосудахъ, зеркалахъ и пр. Между могилами, относящимися къ скиесской эпохѣ, скиескія могилы отличаются отъ греческихъ - признаками варварскаго погребенія, чуждыми погребенію греческому, напимѣръ, присутствіемъ въ могилахъ костей животныхъ ³⁾.

¹⁾ Описаніе устройства и содержанія могилъ доисторическаго времени, сохранившихся во множествѣ въ предѣлахъ Россіи, см. въ соч. *Гр. Уварова*: „Археологія Россіи. Каменный періодъ“. 1891 г. *Самоквасова*: „Вещественные памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи“, въ „Антропол. Выставкѣ 1879 г.“; стр. 338 и слѣд. *Его же*: „Могильныя древности Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губ.“, въ „Трудахъ VI Археол. съѣзда въ Одессѣ“; т. I; Изд. 1886 г.; стр. 189 и слѣд.

²⁾ Это доказываетъ свидѣтельство Геродота, по которому въ каждой области Скиеовъ былъ сооружаемъ жертвенникъ богу войны, имѣвшій форму кургана, и на его вершинѣ водружался „старый желѣзный мечъ“, означавшій кумирь Арея.. „Исторія Геродота“; кн. IV, гл. 52.

³⁾ Образцами *скиескихъ* могилъ могутъ служить могилы Куль-Обская, Луговая, Чертомлыцкая и др. См. *К. Герца*: „Археол. топографія Таманскаго полуострова“. Изд. 1870 г. стр. 96 и слѣд. *Его же*: „Погребальные обряды Грековъ и Скиеовъ“, въ „Сборн. антр. и этнограф. статей о Россіи“ В. Дашкова; кн. I, изд. 1868 г.

3. *Могилы сарматской эпохи относятся ко времени первых столѣтій послѣ Рожд. Хр., отъ котораго сохранились сочиненія римскихъ писателей, называвшихъ Скиѳо греческихъ писателей Сарматіей, а ея обитателей именовавшихъ Сарматами.* Въ варварскихъ кладбищахъ сарматской эпохи, рядомъ съ могилами, содержащими въ себѣ *костики, остатки несожженныхъ покойниковъ, часто встрѣчается новый типъ могилъ, заключающій въ себѣ остатки сожженныхъ покойниковъ.* Трупосожженіе, неизвѣстное скиѳскимъ могиламъ эпохи до Рожд. Хр., повидимому, было заимствовано Скиѳами отъ Римлянъ въ эпоху господства послѣднихъ въ Дакии, и съ того времени встрѣчается въ варварскихъ кладбищахъ наддунайскихъ и надпонтійскихъ областей до времени рецепціи христіанства Славяноруссами. Важнѣйшимъ отличительнымъ признакомъ могилъ сарматской эпохи является *присутствіе въ нихъ издѣлій римскаго искусства императорской эпохи, относящихся къ первымъ столѣтіямъ по Р. Х.: римскихъ монеть, римскаго оружія и вооруженія, римской серебряной и терракотовой посуды, римскихъ фибулъ, римской орнаментики и пр.* ¹⁾

4. *Могилы славянорусской эпохи принадлежать времени, въ которое, рядомъ со старыми общими именами надпонтійскихъ народовъ, Скиѳы и Сарматы, появляются мѣстныя имена Венетовъ, Аятовъ, Склавинъ, Руссовъ и Славянъ.* Языческія могилы славянорусской эпохи отличаются содержаніемъ *византійскихъ, восточныхъ,*

А. Ашижа: „Воспорское Царство“; ч. II. Изд. 1848 г. *И. Забѣлина:* „Древняя Скиѳія въ своихъ могилахъ“, въ приложеніи къ первому тому „Исторіи Русской жизни“. Изд. 1876 г. „Древности Геродотовой Скиѳіи“, изд. Имп. Арх. Коммиссіи; в. I, 1886 г.; в. II, 1872 г.

¹⁾ Образцами могилъ сарматской эпохи могутъ служить курганныя кладбища, заключающія въ себѣ предметы римскаго искусства, изслѣдованныя нами въ Киевской губерніи, Каневскомъ уѣздѣ, у села Яблоновки; въ Полтавской губерніи, Роменскомъ уѣздѣ, у села Аксютинцы; въ Екатеринославской губерніи, Александровскомъ уѣздѣ, у села Новогригорьевки, и др. См. „Антроп. Выставка 1879 г.“; т. III; стр. 345 и слѣд. „Труды VI Археолог. съѣзда въ Одессѣ“; т. I, стр. 200 и слѣд. Свѣдѣнія объ устройствѣ и содержаніи могильниковъ сарматской эпохи см. еще въ сочиненіяхъ: *И. Фундуклея:* „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Киевской губ.“; стр. 18, 19, 71. *Kraszewskiego:* „Sztuka u Słowian“ s. 152, 153. Wilno 1860. „Wiadomości archeologiczne“; II, 72—75. Warszawa 1874.

нѣмецкихъ и славянскихъ монетъ V—XI столѣтій по Р. Х. и многихъ предметовъ быта, невстрѣчаемыхъ въ могилахъ предыдущихъ эпохъ, какъ напримѣръ: желѣзныхъ стремень и стременныхъ пряжекъ, длинныхъ изогнутыхъ сабель, раздвоенныхъ желѣзныхъ накопечниковъ стрѣлъ, желѣзныхъ серповъ донынѣ сохранившейся формы, браслетъ и колець съ загнутыми ушкомъ концами, и мн. др. ¹⁾).

5. Языческія могилы половецко-татарской эпохи относятся ко времени жизни въ южной Россіи язычниковъ Половцевъ и Татаръ и отличаются нѣкоторыми особенностями своего устройства, а особенно содержаніемъ монетъ и другихъ предметовъ византійскаго, русскаго и восточнаго искусства XII—XVI столѣтій ²⁾).

Въ предложенной классификаціи языческихъ могилъ южныхъ и центральныхъ губерній Россіи особую важность для русской исторіи и исторіи русскаго права имѣютъ могилы четвертой группы, а въ ней могилы Славяноруссовъ послѣднихъ столѣтій язычества, отличающіяся нижеслѣдующими признаками отъ могилъ другихъ временъ и народовъ.

Славянорусскія могилы.

Славянорусскіе могильники представляютъ собою курганныя кладбища, обыкновенно помѣщающіяся вблизи древнихъ городищъ

1) Образцами могильниковъ славянской эпохи могутъ служить изслѣдованныя нами три курганныхъ кладбища въ окрестностяхъ Чернигова; два кладбища въ Черниговскомъ уѣздѣ, у м. Седнева; четыре кладбища въ Полтавской губерніи, у города Переяславля, и много другихъ. См. *Самойсцова*: „Вещественные памятники древности въ Малороссіи“, въ „Антр. Выставкѣ 1879 г.“; ч. III, стр. 347 и слѣд. Свѣдѣнія объ устройствѣ и содержаніи могилъ славянской эпохи разбросаны въ рефератахъ объ археологическихъ раскопкахъ, напечатанныхъ въ изданіяхъ ученыхъ обществъ и археологическихъ съѣздовъ за послѣднія десятилѣтія.

2) Примѣрами языческихъ кладбищъ половецко-татарской эпохи могутъ служить верхнія могилы раскопанныхъ нами кургановъ Переяславскаго и Каневского уѣздовъ, два кладбища въ окрестностяхъ Вороной, Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губерціи, раскопанныя А. А. Карцовой въ 1884 году, и кладбище у Новогригорьевки, Александровскаго уѣзда, раскопанное нами въ томъ же году. См. „Труды“ Одесскаго съѣзда археологовъ; т. I, стр. 199, 206 и 207.

и заключающія въ себѣ десятки, сотни и даже тысячи доннынѣ сохранившихся кургановъ, то есть отдѣльныхъ могилъ, прикрытыхъ конусообразными насыпями ¹⁾.

По устройству своему славянорусскія могилы языческой эпохи представляютъ три типа: курганы съ кострищами, курганы съ погребальными сосудами и курганы съ костяками, остатками погребенныхъ, несожженныхъ покойниковъ.

1. По обряду погребенія, восстановленному раскопками кургановъ съ кострищами, на избранномъ мѣстѣ устраивали костеръ, а на кострѣ помѣщали тѣло покойника и предметы, долженствовавшіе служить ему въ загробной жизни. Послѣ сожженія, надъ кострищемъ (остатками костра) возводили конусообразную земляную насыпь, въ центрѣ которой часто помѣщали сосудъ съ обугленными костями жертвеннаго животнаго, а возлѣ этого сосуда иногда клали вооруженіе, оружіе и другіе предметы, принадлежавшіе покойнику. Содержаніе кургановъ съ кострищами соотвѣтствуетъ обряду сожженія знатнаго Русса, описанному арабскимъ писателемъ первой половины X вѣка, Ибнъ-Фадланомъ ²⁾.

1) Сюда принадлежатъ около 800 кургановъ, сохранившихся въ окрестностяхъ города Чернигова, расположенныхъ тремя группами на побережьяхъ рѣкъ Десны, Стрижня и Бѣлоуса; около 1000 кургановъ, сохранившихся въ Роменскомъ уѣздѣ, у села Липоваго; болѣе 1000 кургановъ, расположенныхъ четырьмя группами въ окрестностяхъ Переяславля, надъ рѣкою Трубежемъ, и др.

2) См. А. Гаркави: „Сказ. мусульм. писат. о Славянахъ и Руссахъ“; стр. 96 — 101. Изд. 1870 г. Приложение, Ибнъ-Фадланъ. Въ жертвенной части кургановъ Черной Могилы и Гульбища, раскопанныхъ въ Черниговѣ, открыты сосуды со жженными костями барановъ и слѣдующіе предметы: бронзовое изображеніе человѣка (божка?), сидящаго на корточкахъ, со сложенными на груди руками; два турьихъ рога (кубки), обтянутые серебряными бляхами, съ различными на нихъ изображеніями; три желѣзныхъ шлема съ остроконечными шипаками; три желѣзныхъ кольчуги; желѣзный мечъ съ серебряною рукояткою, украшенной рѣзбою и камнями; желѣзныя копыя и наконечники стрѣлъ; бронзовый щитъ; желѣзныя удила и стремяна; двѣ золотыя византійскія монеты конца IX вѣка. Ниже, въ кострищахъ тѣхъ же кургановъ, открыты: саманидскій диргемъ и половина золотой византійской монеты X вѣка; дѣйствиемъ огня и времени слитые въ общую массу: 2 желѣзныхъ меча, 2 копыя, шапка или сабля, три ножа, пара стремянъ и дротикъ; фрагменты двухъ бронзовыхъ щитовъ;

2. *Обрядъ похоронъ*, раскрытый раскопками въ курганахъ, содержащихъ сосуды со жженными человеческими костями (пепельницы или праховницы), отличается отъ обряда похоронъ кургановъ съ кострищами тѣмъ, что покойниковъ сожигали не на мѣстѣ кургановъ, хранящихъ ихъ остатки. Послѣ сожженія, перегорѣвшія кости собирали въ глиняный сосудъ и ставили ихъ въ приготовленный курганъ. Покойниковъ сожигали одѣтыми, какъ это видно по находимымъ въ праховницахъ остаткамъ украшеній костюма, состоящихъ изъ бусъ, сережекъ, колець, пряжекъ и пр. *Вмѣстѣ съ трутомъ* человѣка сожигали домашнихъ животныхъ, а потому почти въ каждомъ погребальномъ сосудѣ различаются жженныя кости человѣческія и различныхъ домашнихъ животныхъ, преимущественно птицъ. Иногда въ одномъ курганѣ встрѣчаются два, даже три сосуда со жженными человѣческими костями. Часто, рядомъ съ сосудами, содержащими жженныя кости, встрѣчаются сосуды пустые, заключающіе въ себѣ только землю, а иногда землю и кости несожженныхъ животныхъ; эти сосуды (стравницы) содержали въ себѣ пищу и питье, поставленныя въ могилу. Обрядъ погребенія въ курганахъ съ праховницами соотвѣтствуетъ слѣдующимъ свидѣтельствамъ *Нестора* и арабскаго писателя первой половины X вѣка *Ибнъ - Даста*: „*Радимичи, Вятичи и Сѣверъ* одинъ обычай

железные наконечники копій и стрѣлъ; бронзовый наконечникъ ноженъ кинжала; бронзовый набалдашникъ; остатки золотого шитья и холстяныхъ тканей; золотыя, серебряныя, бронзовыя и костяныя пуговицы; серебряныя сережки съ привѣсками; ожерелья изъ стеклянныхъ, каменныхъ и глиняныхъ бусъ; множество серебряныхъ бляхъ различной формы и величины, украшенныхъ позолотой и рѣзбой различныхъ рисунковъ; бронзовыя бляхи различныхъ рисунковъ; бронзовые бубенчики; бронзовыя и желѣзныя пряжки и кольца; костяныя гребенки, украшенныя рѣзбой; игральныя кости; рѣзныя костяныя украшения; желѣзныя удила и стремена; бронзовыя, желѣзные и глиняные сосуды; остатки деревянныхъ ведеръ, окованныхъ желѣзными обручами; желѣзные замки и ключи; желѣзные ножи съ костяными ручками; каменные оселки; желѣзныя огнива съ кремьями къ нимъ; желѣзные топоры и долота; желѣзные гвозди; множество мелкихъ золотыхъ, а также мелкихъ и крупныхъ серебряныхъ, бронзовыхъ и стеклянныхъ слитковъ; обугленные зерна ржи, овса, ячменя и пшеницы; желѣзные серпы; обугленные кости человѣка и разныхъ животныхъ; и пр. См. „Труды третьяго (Кіевскаго) археологическаго съѣзда въ Россіи“, стр. 189—194, 209 и слѣд.

имяху... Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и възложакуть на кладу мертвеца, и сожжакуху; а посемъ, собравши кости, вложасяху въ судину малу и поставяху на столтъ на путяхъ, еже творять *Вятчи* и нынѣ. Си же творяху обычая *Кривичи*, прочи поганѣи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ“ ¹⁾; „когда умираетъ кто либо у *Славянъ*, они сожигаютъ трупъ его.... На слѣдующій день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмъ“ ²⁾.

3. Курганы съ остатками трупосожженія представляютъ собою могилы лицъ богатыхъ и болѣе знатныхъ, а курганы съ несожженными остовами прикрываютъ собою могилы черни, бѣдняковъ, почему, сравнительно съ курганами трупосожженія, курганы съ костяками сохранились въ большемъ количествѣ, составляя кладбища, заключающія въ себѣ нерѣдко сотни, а иногда и тысячи отдѣльныхъ могилъ. Представляя собою конусообразныя насыпи, рѣдко болѣе трехъ аршинъ отвѣсной высоты и сорока аршинъ въ окружности основанія, курганы съ костяками прикрываютъ могильныя ямы, формы могилъ нашего времени, вырытыя въ материкѣ на глубину отъ одного до трехъ аршинъ, съ костяками безъ украшений и бѣдно украшенными, въ положеніи: головою на западъ, на спинѣ, руки сложены на груди или на животъ, съ признаками истлѣвшихъ гробовъ изъ досокъ, иногда связанныхъ желѣзными гвоздями ³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л.; I, 6. Приложение № 2, стр. 15, п. 8.

²⁾ А. Гаркави: „Сказ. мусульм. писат.“; стр. 264, 265. Приложение, Ибнъ-Дасти. Курганныя кладбища съ остатками трупосожженія сохранились въ Черниговѣ; въ Черниговскомъ уѣздѣ, у мѣстечка Сѣднева; подъ Стародубомъ, у села Левинки; въ Глуховскомъ уѣздѣ, у села Волокитина; въ Курскомъ уѣздѣ, у села Клюквы, и во множествѣ другихъ мѣстностей, принадлежавшихъ Славяноруссамъ языческой эпохи.

³⁾ Форма, величина, внутреннее устройство и содержаніе курганныхъ кладбищъ съ костяками совершенно одинаковы въ уѣздахъ Черниговскомъ, Новгородсѣверскомъ, Стародубскомъ, Переяславльскомъ, Курскомъ и другихъ областяхъ, принадлежавшихъ сѣверяпскому племени въ IX и X столѣтіяхъ. При остовахъ встрѣчаются: у головы: золотыя, серебряныя и бронзовыя сережки; остатки золотыхъ и серебряныхъ лентъ; серебряныя и бронзовыя привѣски въ формѣ полумѣсяца; бусы различнаго состава; мелкія бронзовыя пуговицы; у рукъ: серебряныя и бронзовыя кольца; у пояса: бронзовыя и желѣзныя пряжки и желѣзные ножики. Сверхъ

Славяноруская и именно съверянская народность описанныхъ трехъ видовъ кургановъ доказывается совокупностью слѣдующихъ данныхъ: извѣстіями русскихъ лѣтописей о Черниговѣ и Переяславлѣ, какъ политическихъ центрахъ славянорускаго племени Съверянъ, обитавшихъ въ сказанныхъ городахъ въ X вѣкѣ, къ которому относятся монеты, найденныя въ черниговскихъ курганахъ; языческимъ способомъ погребенія, раскрытымъ въ курганахъ, содержавшихъ сказанныя монеты и соотвѣтствующимъ обрядамъ погребенія славянорусскихъ племенъ X вѣка, описаннымъ Несторомъ и арабскими писателями; полнымъ сходствомъ по формамъ и составу предметовъ быта, найденныхъ въ курганахъ съ кострищами, съ погребальными сосудами и костяками, раскопанныхъ подъ Черниговомъ, Сѣдневомъ, Переяславлемъ, Стародубомъ и въ другихъ мѣстностяхъ, бывшихъ общественными селитьбами и могильниками Славяноруссовъ IX и X столѣтій ¹⁾.

того, встрѣчаются остатки кожаной обуви, глиняные сосуды, желѣзные кирки и пр. Только одинъ курганъ этого вида, разрытый нами подъ Черниговомъ, при впаденіи рѣчки Бѣлоуса въ Десну, заключалъ въ себѣ болѣе богатое содержаніе. Курганъ этотъ былъ господствующимъ въ группѣ могилъ, состоявшей изъ 62 насыпей. Онъ имѣлъ 60 аршинъ въ окружности основанія и 4 аршина отвѣсной высоты. Подъ нимъ открыта могила въ размѣрѣ 3 аршинъ длины и ширины и 4 аршинъ глубины. На днѣ могилы обнаружены человѣческой и лошадиный остовы, погребенные рядомъ и обращенные головами на западъ. При остовахъ найдены: глиняный сосудъ, желѣзный серпъ, шесть бронзовыхъ пуговокъ, четыре бронзовыя рѣзныя бляхи, желѣзное огниво и два кремня къ нему; каменный оселокъ и желѣзный ножикъ; желѣзный топоръ; желѣзный наконечникъ копья; желѣзныя удила, стремена и пряжки; остатки двухъ ведеръ съ желѣзными обручами. Перечисленные предметы изъ кургановъ съ костяками совершенно сходны съ такими же предметами, найденными въ описанныхъ курганахъ съ кострищами и въ курганахъ съ человѣческими и лошадиными костяками у села Россавы, въ урочищѣ Лучки, при впаденіи рѣчки Россавы въ рѣку Росъ.

¹⁾ Подробное описаніе устройства и содержанія славянорусскихъ могилъ языческой эпохи и изложеніе доказательствъ славянорусской народности черниговскихъ кургановъ и сходныхъ съ ними по устройству и содержанію, открытыхъ въ другихъ мѣстностяхъ, см. въ рефератѣ Д. Саломасова: „Съверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи“, помѣщенномъ въ I томѣ „Трудовъ Кіевского археолог. съѣзда“ 1874 года; стр. 185—224.

К л а д ы.

Древнимъ кладомъ называется *имущество, сокрытое въ землѣ и не взятое оттуда владѣльцемъ*. Древнимъ народамъ земля замѣняла сохранные банки нашего времени. Отлучаясь изъ дому по дѣламъ торговымъ, военнымъ и пр., предки наши прятали въ землю свои капиталы, обозначая пункты кладовъ извѣстными примѣтами, по которымъ, возвратившись, находили ихъ. Но въ случаѣ смерти владѣльца, земля безотвѣтно хранила ввѣренную ей тайну, и кладъ могъ пролежать въ ней тысячи лѣтъ неоткрытымъ.

Обыкновеніе прятать въ землѣ имущество существовало во *все историческія эпохи*. Клады, случайно открытые въ наше время, дѣлятся по времени на такія же группы, на какія разбиты нами древнія могилы. Клады *доисторическаго времени*, принадлежащія народамъ неизвѣстныхъ именъ, *содержатъ въ себѣ предметы быта народовъ каменной и бронзовой культуры* ¹⁾. Клады *скифской эпохи*

¹⁾ Примѣромъ *кладовъ каменной эпохи* можетъ служить находка 1816 года въ Славяносербскомъ уѣздѣ, на мѣстѣ Луганскаго желѣзно-литейнаго завода. „Мастеровые Луганскаго завода, въ Славяносербскомъ уѣздѣ, на границѣ земли Войска Донскаго, при копаніи канавы, наступили на горшокъ порядочной величины. Надѣясь обрѣсти въ немъ по крайней мѣрѣ сокровища Креза, мастеровые разбили его; но вмѣсто золота нашли въ немъ *множество стрѣлъ, ножей, пикъ и пр.*—все изъ чистаго кремня, съ чрезвычайнымъ искусствомъ сдѣланное. Нѣкоторые ножи были длиною болѣе четверти аршина, имѣли обостренное лезвее; зубцы же пилъ сдѣланы были съ такимъ искусствомъ, какое видимъ въ лучшихъ англійскихъ пилахъ... По необыкновенной чистотѣ камня, трудной отдѣлкѣ и желанію сохранить сіе сокровище можно думать, что вещи сіи принадлежали къ драгоценностямъ древности, составляли богатство какого-нибудь древнѣйшаго обитателя сей страны“. „Древности. Археологическій Вѣстникъ Моск. Арх. Общ.“ т. I; 1867 г.; стр. 29, 30. Подобная же, находка была сдѣлана въ началѣ 60-хъ годовъ у деревни Гамарни, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Распахивая поле при впаденіи рѣки Россавы въ рѣку Росъ, крестьянинъ задѣлъ плугомъ глиняный сосудъ, имѣвшій форму малороссійской макитры, въ которомъ оказались: *нѣсколько десятковъ кремневыхъ наконечниковъ копій и стрѣлъ, два каменныхъ топора, со сверлилами, и каменный молотъ*. Примѣромъ *клада предметовъ бронзовой культуры* можетъ служить находка 1869 года въ Калишской губ., Ленчицкомъ уѣздѣ, у села Белдова, со-

содержать въ себѣ монеты и другія издѣлія греческаго и скиѣскаго искусства до времени завоеванія Дакии Римлянами ¹⁾. Клады сарматской эпохи заключаютъ въ себѣ монеты и другіе предметы греческаго, скиѣо-сарматскаго и римскаго искусства, со времени завоеванія Дакии Римлянами до времени появленія въ европейской исторіи мѣстныхъ именованій скиѣо-сарматскихъ народовъ Вендами, Склавинами и Антами ²⁾. Клады славянорусской эпохи относятся ко времени съ V в. послѣ Р. Х. до рецепціи христіанства славянорусскими племенами и заключаютъ въ себѣ монеты и другія издѣлія византійскаго, нѣмецкаго, арабскаго и славянскаго искусства ³⁾.

Значеніе вещественныхъ памятниковъ для историка и историка-юриста.

Въ ряду средствъ познанія условій быта русскихъ Славянъ языческой эпохи вещественные памятники занимаютъ важное мѣсто. Славянорусская археологія даетъ возможность *познать и опредѣлить формы, составъ и способы изготовленія многихъ предметовъ древняго домашняго и общественнаго быта, неизвѣстныхъ письменнымъ памятникамъ или извѣстныхъ имъ только въ названіи;*

стоявшая изъ бронзоваго сосуда, бронзоваго меча, бронзовыхъ напейниковъ и бронзовыхъ браслетъ. Изъ этого клада, открытаго при распашкѣ луга, были доставлены проф. А. И. Павинскому сосудъ, мечъ, 3¹/₂ напейника и 22 браслета (переданы на храненіе въ Краковскую академію).

¹⁾ Примѣрами кладовъ скиѣской эпохи могутъ служить: богатый кладъ золотыхъ украшеній, найденный въ Галиціи и поступившій во владѣніе гр. Пржездзецкаго; кладъ Шубинскій, открытый въ окрестностяхъ Кракова, состоявшій изъ 39-ти монетъ Аѣинъ, Эгины и Ольвіи, относящихся къ IV вѣку до Р. Хр.; кладъ, открытый на Таманскомъ городищѣ есауломъ Пуленцовымъ, состоявшій изъ золотыхъ монетъ Пантикапей и Цизики; и т. д. См. *D. K. Levezov: „Ueber mehrere in G. Posen gefundene uralte griech. Münzen“*. Berlin 1834. А. Ашита: „Воспорское Царство“; ч. II, стр. 17 и слѣд.

²⁾ Свѣдѣнія о кладахъ сарматской эпохи см. ниже въ гл. XIII.

³⁾ Свѣдѣнія о кладахъ этого времени, открытыхъ до 1846 года, собраны въ соч. П. С. Савельева: „Мухаммедамская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи. Топографія“. С.-Петербургъ 1846 г. Русское Археол. Общество, по инициативѣ А. А. Куника, пред-

поясняетъ темныя и дополняетъ неполныя извѣстія письменныхъ памятниковъ, давая многимъ изъ нихъ значеніе положительныхъ историческихъ фактовъ; даетъ много новыхъ фактовъ, характеризующихъ условія религіознаго, государственнаго, гражданскаго и домашняго быта нашихъ предковъ со времени Геродота до времени рецессіи христіанства русскими Славянами.

Основываясь на Несторовомъ сопоставленіи языческихъ обычаевъ съ христіанскими, по которому „*Древляне живяху зетриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядаху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсть, якоже всякій зетръ, ядуще все нечисто*“¹⁾, Шлецеръ, Карамзинъ, Эверсъ, Каченовскій, Погодинъ и многіе другіе; историки и историки-юристы признавали славянорусскія племена языческой эпохи народами дикими, не имѣвшими никакихъ сношеній съ иноземными народами, не знавшими учрежденій и предметовъ, свойственныхъ культурнымъ народамъ своего времени; свидѣтельства же иноземныхъ писателей и Несторова лѣтописнаго свода о сношеніяхъ Славяноруссовъ съ иноземными народами, о славянорусскихъ княженіяхъ, князьяхъ, городахъ и т. д., признавались или не относящимися къ исторіи нашихъ предковъ или позднѣйшими вставками въ Несторовъ сводъ. Открытыя въ наше время подземныя хранилища древностей реставрируютъ намъ условія быта русскихъ Славянъ языческой эпохи въ новомъ свѣтѣ²⁾.

приняло пополненіе труда Савельева находками кладовъ съ византійскими и восточными монетами, открытыми въ Россіи за послѣднее сорокалѣтіе. См. „Записки Имп. Рус. Арх. Общества“; т. II, вып. III, С.-Петербургъ. 1887 г., стр. СLI и слѣд.

1) П. С. Р. Л.; I, 6. Приложение № II, стр. 15.

2) Заканчивая свой обзоръ монетныхъ кладовъ, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи, и указавъ на ученіе Шлецера, по которому „древніе обитатели Россіи жили подобно Ирокойцамъ и Алгонкинцамъ, не имѣя никакихъ товаровъ, просвѣщенія, денегъ и грамоты“, П. С. Савельевъ высказалъ слѣдующее заключеніе: „прошло около сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти строки и источники, дотолѣ неизвѣстные, бросили повый свѣтъ на состояніе нашего древняго Сѣвера. Системы Шлецера рушатся сами собою; но его фанатическіе приговоры, къ сожалѣнію, долгое время останавливали успѣхи нашей юной исторіографіи, не выходявшей изъ подъ ферулы своего нѣмецкаго учителя“. — „Мухам. Нумизматика“; стр. ССХХХII.

Фактъ существованія въ славянорусской землѣ множества городищъ, остатковъ укрѣпленій общественныхъ поселеній, а при нихъ общественныхъ кладбищъ языческаго содержанія, состоящихъ изъ сотней и тысячъ могилъ, донинѣ сохранившихся, между которыми встрѣчаются громадныя могильныя сооруженія, обязанныя своимъ возникновеніемъ труду многихъ лицъ, доказываетъ существованіе у Славяноруссовъ языческой эпохи общественныхъ союзовъ, общественныхъ главъ и множества городовъ въ значеніи укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній. Сходные обряды погребенія, открываемые въ могильникахъ Славяноруссовъ, удаленныхъ другъ отъ друга на сотни и тысячи верстъ, доказываютъ существованіе одинаковыхъ обычаевъ у политически разрозненныхъ славянскихъ племенъ языческой эпохи, наслѣдованныхъ ими отъ Праславянъ, принесенныхъ въ новую родину изъ общей славянской прародины. Различная величина могильныхъ насыпей въ общественныхъ кладбищахъ и различное богатство погребенныхъ, выражающееся въ большемъ или меньшемъ количествѣ, въ лучшемъ или худшемъ качествѣ вещей, найденныхъ въ той или другой могилѣ, доказываютъ неравенство общественнаго положенія и имущественнаго состоянія отдѣльныхъ лицъ въ древнеславянскихъ обществахъ. Находимыя въ кладахъ и могилахъ монеты указываютъ на отдаленныя сношенія нашихъ предковъ съ другими народами, опредѣляютъ направленія такихъ сношеній и культурныя вліянія на бытъ нашихъ предковъ ихъ соотѣдей въ разныя историческія эпохи. Содержаніе славянорусскихъ городищъ, могильниковъ и кладовъ реставрируетъ передъ нами домашнюю жизнь язычника-Славянорусса. Найдены въ языческихъ могилахъ Славяноруссовъ остатки холстяныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ и парчевыхъ тканей; разныя формы и различнаго состава серьги, ожерелья, привѣски, кольца, бляхи, пряжки, пуговицы, фибулы, булавки; шлемы, кольчуги, щиты, мечи, копья, дротики, кинжалы, стрѣлы; глиняные, желѣзные и бронзовые сосуды; роговые кубки, украшенные серебряными узорчатыми бляхами; замки, ключи, ножи, оселки, гребенки, иглы, гвозди, долота, игральныя кости (пашки, зернь и бабки); удила, стремена и стременныя пряжки; серпы и хлѣбныя зерна (рожь, овесъ, ячмень и пшеница), найденныя въ языческихъ могилахъ, доказываютъ земледѣльческій бытъ язычника Славянорусса; стравницы, остатки погребальныхъ тризнь, остатки жертвоприношеній, изображенія божковъ и другіе предметы языческихъ кургановъ поясняютъ вѣрованія нашихъ предковъ.

Слѣдовательно, по результатамъ археологическихъ раскопокъ,

Славяноруссы не „живяху въ лѣсѣ якоже всякій звѣрь“, не были дикими звѣроўдами, не жили только въ обособленныхъ другъ отъ друга охотничьихъ хижинахъ и пастушескихъ шалапахъ, отдѣльными семействами и родами. По свидѣтельствамъ вещественныхъ памятниковъ рускіе Славяне эпохи язычества были народы земледѣльческіе, сплоченные въ общественные союзы, имѣли съ глубокой давности и до времени рецепціи христіанства въ Россіи сношенія съ цивилизованными народами южной Европы и владѣли предметами искусства и учрежденіями, свойственными цивилизованнымъ народамъ того времени.

Архаическіе слѣды въ правѣ русскаго народа христіанскаго времени. Общеславянская терминологія и выводы сравнительной этнологіи.

ГЛАВА VI.

Слѣды языческаго быта Славяноруссовъ въ обычномъ правѣ русскаго народа христіанскаго времени.

Жизнь политическихъ обществъ подчинена законамъ органическаго развитія и естественнаго консерватизма (самосохраненія), въ силу которыхъ политическія и юридическія отношенія каждаго народа данной эпохи сохраняютъ очень многое отъ предыдущихъ эпохъ. Нововведенія законодателя проникаютъ въ народное сознание медленно; часто въ теченіе многихъ столѣтій они регулируютъ собою только отношенія лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ населенія въ государствѣ, а низшіе классы сохраняютъ соціальныя отношенія, основанныя на древнихъ нормахъ обычнаго права. Знакомому съ сельскимъ бытомъ русскаго народа нашего времени извѣстно, что крестьянинъ не знаетъ Свода законовъ Россійской Имперіи, а опредѣляетъ свои отношенія къ обществу понятіями о правѣ, регулировавшими семейный и общественный бытъ русскаго народа въ давнопрошедшемъ. Благодаря законамъ органическаго развитія и естественнаго консерватизма политической жизни, привязанности народа къ обычаямъ его предковъ, историкъ-юристъ настоящаго времени имѣетъ возможность пополнить нѣкоторые пробѣлы въ историческихъ матеріалахъ языческаго періода изученіемъ архаическихъ остатковъ въ правѣ русскаго народа христіанскаго времени, паблюдаемыхъ даже въ дѣйствующемъ обычномъ народномъ правѣ нашего времени.

Многіе обычаи, дѣйствовавшіе и дѣйствующіе въ обычномъ правѣ русскаго народа христіанскаго времени, особенно изъ относящихся къ сферамъ обычнаго семейнаго права и обычныхъ народныхъ вѣрованій, по времени ихъ происхожденія, несомнѣнно относятся къ эпохѣ язычества. Несомнѣнною мѣрою древности такихъ обычаевъ является содержаніе христіанскаго ученія. Встрѣчая въ дѣйствовавшемъ и дѣйствующемъ правѣ обычаи, противные содержанію христіанской религіи, мы имѣемъ право отнести время ихъ происхожденія къ эпохѣ язычества; слѣдовательно, выбравъ обычаи русскаго народа, противные христіанской религіи, изъ литературныхъ памятниковъ и сборниковъ обычнаго права христіанскаго времени, историкъ-юристъ можетъ употребить ихъ какъ матеріалъ, дополняющій и разъясняющій свидѣтельства другихъ источниковъ о содержаніи системы права Славяноруссовъ языческой эпохи. Напримѣръ, въ Несторовомъ описаніи семейныхъ обычаевъ славянорусскихъ племенъ языческой эпохи говорится: „Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ... брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица“. Это непонятное само по себѣ свидѣтельство дополняется и разъясняется позднѣйшими памятниками русскаго права и дѣйствующимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычнымъ правомъ. Въ отрывкѣ Переяславльскаго свода русскихъ лѣтописей говорится: „брака у Древлянъ нѣтъ; воровски на коняхъ подѣзжаютъ къ чужимъ жилищамъ и, гдѣ увидятъ у воды дѣвицъ или женъ молодыхъ, то оныхъ увозятъ къ себѣ и живутъ съ ними“¹⁾. Въ Уставной Грамотѣ кн. Ростислава Мстиславича, данной Смоленской епископіи въ 1150 году, въ числѣ преступлений, подоудныхъ епископу, упоминается „уволочская, ажъ уволочетъ кто дѣвку“²⁾. Бопланъ, въ своемъ описаніи Украйны, сообщаетъ о существовавшемъ еще въ XVI вѣкѣ въ Малороссіи обычай похищать невѣсть: „похитившій дѣвушку, говоритъ онъ, долженъ былъ бѣжать со своею добычею въ лѣсъ и скрываться тамъ не менѣе сутокъ; если же его открывали ранѣе того срока, то лишали жизни; по истеченіи трехъ сутокъ послѣ похищенія, похищенной предоставлялось право объявить свое согласіе на вступленіе въ бракъ съ похитителемъ; если давалось такое согласіе, то похититель, подѣ страхомъ смерти, не могъ отказаться отъ брака съ похищеною; если же похищенная не давала согласія на бракъ съ похитителемъ, то они расходились“. Даже въ нынѣ

¹⁾ Временникъ Моск. Общ. Исторіи и Древн. 1851 г., кн. IX; Переяславльская лѣтопись; стр. 3.

²⁾ Дополн. къ Акт. Истор.; т. I, стр. 7.

дѣйствующихъ свадебныхъ обычаяхъ и обрядахъ нѣкоторыхъ мѣстностей сохранились слѣды умычки языческой эпохи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тверской губерніи, по обычному праву, наряженнаго жениха ставятъ обѣими ногами на сковороду (плоскій желѣзный сосудъ, на которомъ пекутъ блины), а лица, назначенныя сопутствовать жениху въ поѣздкѣ за невѣстою, въ числѣ не менѣе 6 человѣкъ, должны обступитъ жениха и поставить правыя ноги на ту же сковороду, причемъ всѣ стоящіе на сковородѣ цѣлуютъ образъ, а шаферъ—друзко произноситъ слѣдующія слова: „ну, цѣлуйте Божье милосердіе: чтобъ стоять намъ другъ за друга, братъ за брата до единой капли крови“. Происхожденіе этого обряда, составляющаго родъ присяги, очевидно относится къ эпохѣ язычества, а христіанскій оттѣнокъ онъ получилъ уже по рецепціи христіанства. Этотъ обрядъ указываетъ на языческой обычай умычки невѣсты цѣлою толпою непріятелей ¹⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ русскаго народа женихъ часто называется чужаниномъ или чужбининномъ, окруженъ недругами невѣсты; чтобы достать невѣсту, онъ долженъ ломать стѣну, пускать стрѣлы, ломать замки и проч. ²⁾. Такимъ образомъ, непонятное само по себѣ извѣстіе Нестора объ умычкѣ, при сопоставленіи съ обычнымъ семейнымъ правомъ русскаго народа христіанской эпохи, является вполне понятнымъ указаніемъ на обычай похищенія женщинъ, на одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія женъ по праву Славяноруссовъ языческой эпохи.

Позднѣйшіе памятники русскаго права и современное намъ обычное право русскаго народа разъясняютъ также, что слова Нестора: „Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ... брака у нихъ не бываше... и Радимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху... браци не бываху въ нихъ... сижѣ обычай творяху Кривичи и прочіи поганые“, не должны быть понимаемы буквально, въ томъ смыслѣ, что славянорусскія племена языческой эпохи не знали союза брачнаго, супружескаго. Самъ Несторъ говоритъ, что „Радимичи, Вятичи, Сѣверяне... схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены“ ³⁾, то есть Славяноруссы языческой эпохи имѣли брачный союзъ, которымъ отличалась законная жена отъ наложницы, которымъ отличалось

¹⁾ См. Шпилевскаго: „Семейныя власти у древнихъ Славянъ и Германцевъ“; 1869 г.; стр. 24 и слѣд.

²⁾ Тамъ-же; стр. 30 и 31.

³⁾ П. С. Р. Л.; I, 6. Приложеніе, № II, с. 15.

постоянное супружеское сожителство отъ временнаго плотскаго соединенія. Митрополитъ Іоаннъ (XII вѣка) и митрополитъ Кириллъ (XIII вѣка) въ своихъ поученіяхъ дѣлають явныя указанія на обряды языческаго брака, несогласныя съ обрядами христіанскаго брака. Митрополитъ Іоаннъ, въ поученіи черноризцу Якову, осуждая языческіе обычаи, говоритъ: „не бываетъ на простыхъ людяхъ благословенія вѣнчанія, но бояре токмо и князи вѣнчаются; простымъ же людѣмъ яко именовъ и плесканіемъ“. Митрополитъ Кириллъ, въ одномъ изъ своихъ посланій, говоритъ: „се слышашомъ въ предѣлахъ новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ, и нынѣ не велимъ тому тако быти и то проклинати повелѣваемъ“¹⁾. Древнѣйшія указанія на языческіе способы расторженія брака встрѣчаемъ у иностранныхъ писателей Герберштейна и Барбарини. Герберштейнъ упоминаетъ о разводныхъ грамотахъ, которыя тщательно скрывались русскимъ народомъ, потому что были противны христіанской религіи²⁾. Барбарини описываетъ древній обрядъ брачнаго развода, состоявшій въ томъ, что мужъ и жена шли къ проточной водѣ и тамъ, взявши за концы тонкую холстину, переброшенную черезъ рѣчку или ручей, тянули ее, пока не разрывали, а послѣ того расходились и дѣлались свободными³⁾.

Въ историческихъ памятникахъ и обычаяхъ русскаго народа христіанскаго времени находимъ указанія, дополняющія и разъясняющія факты, полученные посредствомъ археологическихъ раскопокъ. Раскопки сами по себѣ не объясняютъ намъ, почему языческія могилы часто покрыты курганами; почему въ языческихъ курганахъ, надъ могилами, часто встрѣчаются черепки битой посуды, расколотыя и обглоданныя кости животныхъ, скорлупа яицъ, уголь и проч.; почему въ могилахъ, рядомъ съ остатками погребенныхъ покойниковъ, встрѣчаются остовы животныхъ и разные предметы быта: сосуды, вооруженіе, оружіе, домашнія орудія. Свидѣтельства писателей христіанскаго времени объясняютъ, что насыпи надъ могилами имѣли значеніе могильнаго памятника; черепки битой посуды, расколотыя кости и другіе предметы, находимые надъ могилами, представляютъ собою остатки тризнь, языческихъ погребальныхъ трапезъ; помѣщеніе въ могилѣ покойника разныхъ предметовъ быта было связано съ языческимъ вѣ-

¹⁾ „Русскія достопамятности“; 1815 г.; стр. 101.

²⁾ „Записки о Московіи“; переводъ Анонимова; изд. 1866 г., стр. 74-я.

³⁾ См. Шпилевскаго: „Семейн. Власти“; стр. 142.

рваніемъ въ загробную жизнь, по которому брошенные въ могилу предметы должны были служить покойнику въ загробной жизни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи (напр. въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи) сохранился обычай бросать въ могилу покойника монету; похоронивъ покойника, въ домѣ его, на окнѣ, ставятъ сосудъ съ водою, остающійся здѣсь 40 дней, въ теченіе которыхъ, по народному вѣрованію, душа покойника ежедневно возвращается въ домъ свой и утоляетъ жажду изъ сказаннаго сосуда; иногда, рядомъ съ водою, ставятъ блины или другую закуску. Повсемѣстно въ славянскихъ земляхъ существуетъ или еще недавно существовалъ обычай поминать покойниковъ на ихъ могилахъ, при чемъ оставляются на могилахъ яйца, пироги, вареники и проч. Повсемѣстно распространенный обычай погребальныхъ обѣдовъ въ низшихъ классахъ русскаго народа имѣетъ языческій характеръ: предполагается, что душа покойника присутствуетъ на обѣдѣ и раздѣляетъ трапезу; кусокъ пищи, свалившійся съ поминальнаго стола, запрещается подымать какъ выбранный покойникомъ; и т. д. Эти и подобные имъ обычаи представляютъ собою несомнѣнные слѣды язычества, потому что не соотвѣтствуютъ духу христіанскаго ученія, по которому душа покойника тотчасъ послѣ смерти прерываетъ всѣ связи съ земнымъ міромъ и не нуждается ни въ чемъ вещественномъ.

Точно также въ народныхъ вѣрованіяхъ въ домовыхъ, вѣдьмъ, лѣшихъ, русалокъ, въ народныхъ праздникахъ Коляды, Ивана Купала, Лады, Палея, Царя-Града и т. д., равно въ обычаяхъ и обрядахъ, сопровождающихъ народные праздники, сохранилось много несомнѣнныхъ слѣдовъ *языческихъ вѣрованій и языческаго фестивального права* ¹⁾.

Вышеизложенные примѣры показываютъ возможность и необходимость пользоваться обычнымъ правомъ русскаго народа, какъ средствомъ познанія языческой системы права Славяноруссовъ по отношенію къ нормамъ *семейнаго права, религіознаго, погребальнаго и фестивального*. Что же касается другихъ сферъ права, то наука нашего времени еще не располагаетъ такою несомнѣнною мѣрою древности народныхъ обычаевъ, какъ вышеуказанная по отноше-

¹⁾ См. А. Н. Афанасьева: „Поэтическія Воззрѣнія Славянъ на природу.“ 3 тома. Изд. 1865 — 9 г. г. Литературу по обычному праву русскаго народа см. въ изданіи Е. Якушкина: „Обычное право. Матеріалы для бібліографіи обычнаго права“; двѣ части. Ярославль. В. Пахмана: „Обычное Гражданское Право въ Россіи“; т. I. Изд. 1877 г.

нію къ религіознымъ понятіямъ и семейнымъ обычаямъ и обрядамъ. Отсутствие вѣрныхъ средствъ распознаванія обычаевъ языческаго происхожденія отъ обычаевъ позднѣйшихъ историческихъ эпохъ дѣлаеть невозможнымъ пользованіе обычнымъ правомъ настоящаго времени, какъ средствомъ познанія языческаго права Славяноруссовъ по отношенію къ сферамъ права государственнаго, процессуальнаго и уголовного.

Общеславянская терминологія.

Сравнительное изученіе языковъ привело лингвистовъ къ предположенію *пранарода*—общаго предка *всѣхъ народовъ индоевропейскаго происхожденія*, обитавшаго въ средней Азіи, въ областяхъ древней Аріи, откуда вышли колоніи въ области южной Азіи и въ Европу ¹⁾. Аріійскіе колонисты, отдѣлившись другъ отъ друга географически, съ теченіемъ времени разошлись между собою и этнографически. Соответственно новымъ этнографическимъ образованіямъ видоизмѣнялись первоначальныя формы *индоевропейскаго праязыка*, также распавшагося на новые обособленные другъ отъ друга языки. Видоизмѣняясь въ своихъ формахъ по различію мѣстныхъ условій жизни аріійскихъ колоній, *индоевропейскій праязыкъ продолжалъ жить въ корняхъ многихъ словъ*, обозначающихъ въ новыхъ индоевропейскихъ языкахъ одни и тѣ же понятія ²⁾. Отсюда, *выдѣливъ слова съ общими корнями*, обозначающія въ новыхъ языкахъ одни и тѣ же понятія, наука получаетъ возможность узнать многіе предметы, бывшіе известными *индоевропейскому пранароду*, а слѣдовательно, и познать нѣкоторыя условія его культурнаго и гражданскаго быта.

¹⁾ См. дополненіе о происхожденіи аріійскихъ народовъ.

²⁾ Напримѣръ, понятіе *матери* выражается:

въ индійскомъ языкѣ словомъ	<i>mātr.</i>
зендскомъ	<i>mata.</i>
персидскомъ	<i>mader.</i>
греческомъ	<i>meter.</i>
„ латинскомъ	<i>mater.</i>
„ германскомъ „	<i>mutter.</i>
славянскомъ	<i>mati.</i>

Понятіе *отца* выражается:

въ индійскомъ языкѣ словомъ	<i>pitr.</i>
зендскомъ	<i>pata.</i>
персидскомъ	<i>pader.</i>

Сказаннымъ путемъ доказываютъ, что уже до времени географическаго разобщенія и этнографическаго обособленія другъ отъ друга народовъ индійскихъ, иранскихъ, греческихъ, латинскихъ, кельтическихъ, германскихъ, литовскихъ и славянскихъ были известны индоевропейцамъ многіе предметы и учрежденія, неизвѣстные народамъ низшихъ степеней культурнаго и гражданскаго развитія (народамъ сидячаго и бродячаго состояній ¹).

Такимъ же способомъ возможно познать многіе предметы и учрежденія *Праславянъ, народа - предка нынѣ существующихъ славянскихъ народовъ*. По свидѣтельству Нестора, Праславяне занимали западную часть древней европейской Скиѣи, гдѣ нынѣ земли Болгарская и Венгерская. Географическій и политическій разрывъ Скиѣовъ древнихъ греческихъ историковъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ образованіе народовъ новыхъ именъ, говорившихъ однимъ праславянскимъ языкомъ ²).

Послѣдующая обособленная исторія разобщенныхъ Скиѣовъ-Праславянъ, Чеховъ, Болгаръ, Хорватъ, Хорутанъ, Ляховъ и Славяноруссовъ образовала нынѣ существующія нарѣчія праславянскаго языка.

Сравненіе новѣйшихъ славянскихъ нарѣчій или языковъ даетъ возможность выдѣлить изъ общеславянскаго словаря слова, обозна-

въ латинскомъ языкѣ словомъ <i>pater</i> .	
греческомъ	<i>pater</i> и <i>atta</i> .
германскомъ	<i>fader</i> и <i>fater</i> .
славянскомъ	<i>papa</i> и <i>otec</i> .

¹) Пранародъ-праотецъ народовъ индоевропейскаго происхожденія уже зналъ металлы (золото, серебро и мѣдь), культурныхъ животныхъ (собаку, барана, козу, свинью, быка и лошадь) и культурныя растенія (гречиху и пшеницу); скотъ имѣлъ у него значеніе имущества и предмета мѣны; счетъ онъ велъ десятками; умѣлъ плести, ткать, шить, изготовлять искусственныя орудія для добыванія пищи и самозащиты; зналъ семейныя учрежденія и отношенія (что доказываютъ слова съ общими корнями, обозначающія въ новѣйшихъ языкахъ индоевропейскихъ народовъ понятія отца, матери, сына, дочери, брата, сестры, мужа, жены и вдовы). См. *Pictet: Les origines Indo-européennes ou les Arias primitifs*. (t. I, 1850; t. II, 1863 an. Paris). *Geiger: Ursprung und Entwicklungsgeschichte der Menschheit*. Stuttgart. 1871. *Шрадера*: Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія. Лингвистико-историческіе матеріалы для изслѣдованія индоевропейской древности. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1886 г.

²) См. приложение № I, п. 2; № II, стр. 1, 14; п. 2 и 6.

чающія въ древнихъ памятникахъ славянской письменности и въ настоящее время одни и тѣ же понятія, предметы и учрежденія. Слова этой категоріи несомнѣнно сформировались еще до времени географическаго и этнографическаго разобщенія славянскихъ народовъ, до времени образованія новѣйшихъ славянскихъ языковъ, въ которыхъ *общеславянская терминологія является наследствомъ отъ языка Праславянъ*, общаго ихъ предка. Отсюда понятно, что общеславянская терминологія представляетъ собою матеріаль, дающій возможность познать многіе предметы, понятія и учрежденія народа-праотца, общаго предка существующихъ нынѣ славянскихъ народовъ.

Общеславянская терминологія доказываетъ, что уже предки новѣйшихъ славянскихъ народовъ, *Праславяне, имѣли неподвижныя жилища*¹⁾, обставленныя разнообразною домашнею утварью²⁾, изготовленною не только изъ дерева, кости, глины и камня, но и различныхъ *металловъ, со включеніемъ желѣза*³⁾; промышляли *земледѣліемъ*⁴⁾; питались *культурными* растеніями и животными⁵⁾; изъ минераловъ, растеній и животныхъ умѣли добывать разныя вещества на свои потребности⁶⁾; знали многія внутреннія свойства растеній, примѣняемыя къ потребностямъ питанія, техники и медицины⁷⁾; одѣвались въ *полотняныя и шерстяныя ткани*, украшенныя разными орнаментами⁸⁾; знали спеціальныя *ремесленные* промыслы⁹⁾; музыкальныя потребности удовлетворяли искусственными инструментами¹⁰⁾; знали употребленіе условныхъ знаковъ для вы-

1) Общеславянскіе термины: дворъ, домъ, стѣна, стрѣха, окно, дверь, печь, труба.

2) Столы, стулья, возы, колеса, ложки, иглы, долота, ножи, сѣкиры, пилы, копьѣ-ратица, стрѣлы, мечи и пр.

3) Золото, серебро, олово, мѣдь, желѣзо.

4) Плугъ, рало, лемешъ, серпъ, копа, снопъ.

5) Ленъ, конопля, жито, ячмѣнь, овесъ, пшеница, просо; яблоня, груши, сливы, макъ, горохъ, дыни, огурцы, хрѣнь; гусь, утка, курица; пѣсь, овца, коза, свинья, оселъ, верблюдъ, корова, конь, пчела.

6) Глина, стекло, смола, деготь, клей, вино, масло, молоко, сыръ, воскъ, лой, свѣчи и пр.

7) Горчица, глистникъ, дурманъ, маточникъ, медуница, мята, подбѣлъ, мухоморъ, липа и пр.

8) Полотно, вонна, рубахи, ризы, плащи, обручи, браслеты, перстни, бисеръ.

9) Ремесло, коваль, ткачъ, суконщикъ, золотарь.

10) Гусли, бубны, трубы, дудки.

раженія мыслей посредствомъ письма ¹⁾; жили въ городахъ, устанавливая и поддерживая общественный порядокъ жизни посредствомъ законовъ и специальныхъ органовъ общественной власти и суда ²⁾.

Изложенный выводъ науки сравнительнаго языкознанія имѣеть первостепенную важность въ дѣлѣ познанія исторіи права всѣхъ славянскихъ народовъ и въ частности исторіи права Славяноруссовъ. *Славянскіе колонисты вынесли изъ придунайской прародинны въ центральныя области Европы культуру и гражданственность митрополіи.* Наши предки, зная въ прародинѣ искусства строить дома и города, обрабатывать землю, разводить извѣстныя породы животныхъ и растений, плавить металлы, одѣваться въ ткани и т. д., не могли явиться на побережья Вислы, Дняпра, Десны, Припети и другихъ рѣкъ центральныхъ областей Европы дикими народами, какими извѣстная литературная школа представляетъ себѣ Славяноруссовъ языческой эпохи. вмѣстѣ съ культурною обстановкой Славяноруссы должны были вынести изъ своей митрополіи-прародинны и гражданскую обстановку своихъ предковъ. Разъ познавъ такія общественныя учрежденія, какъ семья, городская община, общественный начальникъ, общественный судъ и пр., каждый древній языческій народъ облекалъ ихъ въ религіозную догму, освящая призваніемъ своихъ боговъ и хранилъ ихъ, какъ священный завѣтъ предковъ и боговъ.

¹⁾ Писать, письмо и перо, какъ орудіе письма.

²⁾ Градъ, сеймъ; обычай, законъ, рядъ, уставъ, правда, право; семья, родъ, племя, община; панъ, староста, воевода, владыка, князь; судъ, судья, грѣхъ, казнь; дѣдина и пр. См. *Воцеля*: „Древняя бытовая исторія Славянъ“. Перев. Н. Задерацкаго. Кіевъ 1875; гл. II. *Будиловича*: „Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ“. Кіевъ. Ч. I, 1878 г., чч. II и III, 1879 г. Научная литература нашего времени, къ сожалѣнію, еще не владѣетъ сводомъ праславянскихъ терминовъ, обозначающихъ степени родства, отношенія мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ, старшихъ родственниковъ къ младшимъ, опекаемыхъ къ опекуну, властвующихъ къ подвластнымъ; нѣтъ еще и словаря общеславянскихъ терминовъ, обозначающихъ территориальныя дѣленія, общественные классы, преступленія и наказанія, родовую, семейную и личную собственность, обязательства, понятія наследственнаго права и вообще общеславянскихъ словъ, относящихся къ юридической терминологіи. Выполненіе этой задачи было бы важною услугою для исторіи права славянскихъ народовъ.

Выводы сравнительной этнологіи.

Требованіе приложенія сравнительнаго метода къ научному познанію начальныхъ періодовъ Славянорусской исторіи и исторіи права впервые поставлено въ сочиненіи польскаго ученаго В. Мацейевскаго, подъ заглавіемъ „*Historya prawodawstw Słowiańskich*“, въ которомъ была показана возможность и необходимость сравнительнаго изученія исторіи славянскихъ законодательствъ. Проф. Иванишевъ, въ своемъ разсужденіи „О платѣ за убійство“, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „*для объясненія памятниковъ россійскаго законодательства необходимо сравнительное изученіе законодательства всѣхъ славянскихъ и германскихъ народовъ... законодательство каждаго отдѣльнаго народа можетъ быть понято только тогда, когда мы будемъ разсматривать его въ связи съ законодательствами другихъ народовъ*“¹⁾.

Но требованіе приложенія сравнительнаго метода къ познанію древней русской исторіи и исторіи русскаго права не было въ нашей ученой литературѣ общепризнаннымъ. Погодинъ, въ своей „параллели русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ“, старался доказать, что въ нашей исторіи и исторіи западныхъ государствъ „нѣтъ рѣшительно никакихъ точекъ соприкосновенія и подобія“²⁾. По ученію Кавелина „Россія представляетъ собою явленіе совершенно исключительное, небывалое даже среди нерусскаго славянскаго міра; въ исторіи Россіи и другихъ государствъ нѣтъ ни одной черты сходной“... а потому, авторъ усматриваетъ ключъ къ правильному взгляду на русскую исторію „не въ почти *безплодномъ сравненіи съ исторією другихъ народовъ*, а въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ“³⁾.

Нерѣдко встрѣчаемъ въ историко-юридической литературѣ и другую крайность: бесполезныя въ научномъ отношеніи сопоставленія политическихъ учреждений разныхъ народовъ, неимѣющихъ

1) См. Иванишева: „О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою“. Кіевъ. 1840 г. Предисловіе. Къ этому же направленію относятся изслѣдованія проф. С. Шпилевскаго: 1) Союзъ родств. защиты у др. Славянъ и Германцевъ. 1866 г. 2) Семейныя власти у др. Славянъ и Германцевъ. 1869 г. Казань.

2) Изсл. Зам. и Лек. т. III, стр. 493—497.

3) Сочиненія; т. I, стр. 305—311.

ничего общаго съ учрежденіями русскаго права изучаемой эпохи; ссылки на факты исторической аналогіи, въ дѣйствительности не существующіе ¹⁾.

Важные успѣхи естественныхъ наукъ въ нашемъ столѣтіи объясняются тѣмъ, что естествоиспытатели, оставивъ прежнія теоріи метафизиковъ, алхимиковъ и астрологовъ, съ ихъ общими, абсолютными началами, какъ бесполезныя въ дѣлѣ объясненія конкретныхъ фактовъ, обратились къ изученію простѣйшихъ элементовъ природы. Изученіе свойствъ простыхъ тѣлъ и явленій и условій, при которыхъ простыя тѣла и явленія образуютъ сложныя, повело къ открытію многихъ законовъ, управляющихъ физическимъ міромъ. Ученые юристы нашего времени также уже сознаютъ необходимость приложенія къ юриспруденціи метода, благодаря которому метафизика стараго времени распалась на положительныя науки. „Какъ натуралистъ, изслѣдуя законы вещественной природы, начинаетъ съ тѣхъ частицъ, которыя составляютъ простѣйшіе элементы физическаго тѣла или явленія, такъ ученый юристъ, изслѣдуя законы, управляющіе обществомъ, долженъ начинать съ простѣйшихъ социальныхъ формъ“ ²⁾.

Но изученіе простѣйшихъ социальныхъ явленій встрѣчаетъ трудности, неизвѣстныя натуралисту. Натуралисту, изучающему физическій организмъ, природа предлагаетъ въ готовомъ видѣ необходимыя средства познанія истины, при посредствѣ которыхъ онъ можетъ наблюдать составные элементы и развитіе организма на всѣхъ ступеняхъ его жизни, начиная съ составныхъ частей зерна или яйца до смерти отъ старости; условія, при которыхъ усложняется физическій организмъ и старые элементы замѣняются въ немъ новыми, могутъ быть наблюдаемы въ каждый нужный для изслѣдователя моментъ. Въ другое положеніе поставлено изученіе общественныхъ организмовъ. Историко-юристу приходится имѣть дѣло съ явленіями въ высшей степени сложными, образованіе и

¹⁾ Напримѣръ, „во всѣхъ обществахъ, у всѣхъ народовъ, патриархальный бытъ предшествуетъ всякому другому, естественный родъ предшествуетъ образованію общины и государства“, говорятъ одни ученые (Эверсъ, Соловьевъ, Кавелинъ); „общинность доказывается высшимъ закономъ всей исторіи, которая *всегда и вездѣ начинается общиною*“, говорятъ другіе (Лешковъ); „первоначальное состояніе и первоначальный видъ *всякаго общественнаго строя—задруга*“; и т. д. См. Д. Самоквасова: *Ист. Рус. Права*; в. I; гл. V, стр. 76. Изд. 1896 г.

²⁾ См. Maine: *Ancient Law*; p. 119.

начальное развитіе которыхъ лежитъ за предѣлами исторіи, эксперименты надъ которыми невозможны. Изучая современное государство, изслѣдователь принужденъ ограничиться простымъ наблюденіемъ дѣятельности и взаимнаго соотношенія составныхъ его элементовъ; составные же элементы государства, семья, община, органы власти и т. д., въ свою очередь, не простыя физическія тѣла и явленія, а также сложныя, измѣнившія свою первоначальную форму подъ вліяніемъ условій протекшей жизни общества. Съ другой стороны, изслѣдованіе соціальныхъ явленій данной эпохи можетъ рѣшить только вопросъ о необходимости существованія тѣхъ или другихъ общественныхъ отношеній и учреждений. Убѣжденіе въ необходимости извѣстныхъ явленій въ данномъ организмѣ дается только изученіемъ условій развитія этого организма, изученіемъ его исторіи. Натуралистъ имѣетъ возможность изучать исторію даннаго физическаго организма при посредствѣ индивидовъ одного рода, живущихъ одновременно, но стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія; юристъ, изучающій исторію даннаго общества, до новѣйшаго времени довольствовался только мертвыми историческими памятниками, представляющими собою матеріаль далеко не такой полный и реальный, какъ матеріаль естественныхъ наукъ ¹⁾.

Наука нашего времени располагаетъ двумя новыми важными средствами познанія древняго права вообще и древняго права каждаго изъ новѣйшихъ народовъ въ частности. Такія средства составляютъ: *сравнительное изученіе историческихъ памятниковъ различныхъ народовъ и сравнительное изученіе условій политико-юридическаго быта народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи.*

Сравненіе памятниковъ обычнаго права и законодательства различныхъ народовъ доказываетъ, что „общественныя потребности народовъ были очень сходны въ извѣстныя эпохи ихъ развитія и проявлялись въ созданіи соціальныхъ учреждений повсюду одинаково“ ²⁾. Отсюда, сравнительный методъ познанія исторіи права можетъ служить дѣйствительнымъ средствомъ пополненія пробѣловъ въ историческихъ памятникахъ одного народа историческими памятниками другихъ народовъ; въ области права этотъ методъ долженъ вести къ такимъ же положительнымъ результатамъ, къ

¹⁾ См. Самоквасова: Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Варшава. 1876 г. Предисловіе, с. III и слѣд.

²⁾ См. Emile de Laveleye: De la propriété et de ses formes primitives. p. 6. Maine: Ancient Lav. p. 118—120.

какимъ онъ ведетъ ученыхъ изслѣдователей въ областяхъ филологіи и мифологіи; а по натурѣ своей, онъ столько же реальный методъ изслѣдованія, какъ и сравнительное изученіе однородныхъ физическихъ тѣлъ и явленій.

Но письменные историко-юридическіе памятники сообщаютъ намъ свѣдѣнія о бытѣ народовъ, стоявшихъ уже сравнительно на высокой степени гражданскаго развитія, и рисуютъ его только съ одной стороны, такъ сказать, анатомической, не даютъ намъ знанія причинъ, вызвавшихъ существованіе и развитіе извѣстныхъ социальныхъ явленій, силы и пространства дѣйствія этихъ явленій въ жизни, не отвѣчаютъ на тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ дается только изученіемъ живыхъ организмовъ. Здѣсь является на помощь наукѣ сравнительное изученіе условій политико-юридическаго быта современныхъ намъ народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Части земной поверхности представляютъ собою различныя условія для развитія общественной жизни, а социальные организмы, какъ и организмы физические, развиваются при наличности извѣстныхъ условій, отсутствіе которыхъ останавливаетъ развитіе. Благодаря этому закону, натуралисты настоящаго времени находятъ въ нѣкоторыхъ странахъ формы фауны и флоры, принадлежащія давнимъ эпохамъ геологическаго развитія нашей планеты; благодаря тому же закону, историкъ находитъ въ разныхъ странахъ народы, стоящіе на различныхъ ступеняхъ гражданственности, начиная отъ простѣйшей формы общества, почти стада, до степени высшихъ формъ цивилизаціи современныхъ намъ государствъ Европы. Наблюденіе юридическаго быта у современныхъ намъ дѣйствующихъ и полудѣйствующихъ народовъ показало, „что народы различнаго происхожденія, стоящіе на одинаковой степени политическаго развитія, представляютъ больше сходственныхъ чертъ политико-юридической организаціи, нежели одинъ народъ въ различные періоды его исторіи; что *свидѣтельства путешественниковъ нашего времени, описывающихъ бытъ первобытныхъ народовъ, даютъ столько же важныя указанія для исторіи права древнѣйшихъ народовъ, какъ и свидѣтельства древнихъ писателей*“ ¹⁾. Отсюда, сравнительное изученіе политико-юридическаго быта народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, можетъ служить историку-юристу такимъ же цѣлесообразнымъ методомъ познанія исторіи правовыхъ институтовъ данныхъ народовъ, какимъ является методъ натуралиста, изучающаго исто-

¹⁾ См. тамъ же; Леббокъ: Начало цивилизаціи; стр. 5, 9, 12 и др.

рію даннаго вида посредствомъ изученія условій происхожденія и развитія индивидовъ разнаго возраста, живущихъ одновременно.

Но дѣло познанія началъ древняго быта данныхъ народовъ при средствѣ фактовъ сравнительной этнологіи требуетъ громадной эрудиціи. „Единичной личности“, говоритъ проф. Загоскинь, „какъ бы ни были могучи умственные силы ея, какъ бы ни была тверда ея воля, ея энергія и упорность въ трудѣ, врядъ ли подъ силу обнять полное изученіе всей массы источниковъ по древнему общеславянскому праву. Возможность обобщенія ихъ, возможность совокупнаго изученія всего громаднаго, подавляющаго матеріала, который способны представить они, требуетъ кропотливой работы многихъ умовъ, быть можетъ, даже трудовъ многихъ поколѣній. Между тѣмъ, полного и плодотворнаго результата въ правѣ мы ожидать лишь отъ изученія источниковъ познанія древнѣйшаго славянскаго обычнаго права въ ихъ взаимодѣйствіи, въ ихъ совокупности“¹⁾.

Не всѣ однако же вопросы древнѣйшаго періода исторіи русскаго права требуютъ помощи выводовъ сравнительной этнологіи. Многие вопросы науки могутъ подлежать положительному рѣшенію другими средствами. Сравнительная этнологія должна быть призвана на помощь исторіи русскаго права въ такихъ вопросахъ, которые не рѣшаются другими средствами и когда основанныя на нихъ рѣшенія возбуждаютъ какія-либо сомнѣнія. Напримѣръ, договоры Руссовъ съ Греками X вѣка, лѣтописныя свидѣтельства, факты археологіи, право русскихъ Славянъ христіанскаго времени и общеславянская терминологія не даютъ намъ ясныхъ указаній на существованіе у русскихъ Славянъ языческой эпохи формы коллективнаго владѣнія землею, поземельной общины; но съ другой стороны, и не отрицаютъ возможности предположить существованіе у нашихъ предковъ сказанной формы поземельнаго владѣнія. Такимъ образомъ, является вопросъ о существованіи поземельной общины у русскихъ Славянъ эпохи племенныхъ государствъ, не рѣшаемый средствами познанія, непосредственно относящимися къ условіямъ политико-юридической жизни нашихъ предковъ. Вотъ здѣсь и должно призвать на помощь исторіи русскаго права выводы сравнительной этнологіи. Факты исторіи права древнихъ и новыхъ народовъ, собранные Мауреромъ, Морайромъ, Меномъ, Рошеромъ, Нассе, Лавале и другими учеными, доказываютъ, что во всѣхъ странахъ и у всѣхъ земледѣльческихъ на-

¹⁾ Методъ и средства сравн. изуч. обычнаго права Славянъ; стр. 52-я.

родовъ, жившихъ и живущихъ разрозненными племенами союзами, существуетъ поземельная община съ періодическимъ передѣломъ полей между ея членами. Основываясь на этомъ выводѣ сравнительной этнологіи, историкъ - юристъ имѣетъ право признать существованіе поземельной общины у русскихъ Славянъ языческой эпохи и объяснить тѣмъ отсутствіе въ юридическихъ памятникахъ эпохи первыхъ Рюриковичей указаній на учрежденія и нормы права, регулирующія институтъ частной поземельной собственности. Другой примѣръ: въ повѣствованіи начальной русской лѣтописи не упоминается о существованіи князей у нѣкоторыхъ славянорусскихъ племенъ дорюриковской эпохи, напримѣръ, у Полочанъ, Дреговичей, Тиверцевъ, Уличей, откуда нѣкоторые историки вывели заключеніе, что эти племена не имѣли князей, а управлялись въ общественныхъ дѣлахъ только народными собраніями (См. Бѣляева: Рус. земля предъ приб. Рюрика въ Новгородъ). Сравнительная Этнологія доказываетъ, что это мнѣніе не можетъ быть принято, потому что нигдѣ не было и нѣтъ племенныхъ общественныхъ союзовъ, управлявшихся или управляемыхъ только народными собраніями. Рядомъ съ народными собраніями, всегда и вездѣ существуютъ выборные или наслѣдственные единоличные органы общественной власти, въ значеніи исполнителей рѣшеній народныхъ собраній, военачальниковъ, судей и жрецовъ, въ значеніи князей. Такую же помощь оказываетъ сравнительная этнологія исторіи русскаго права въ рѣшеніи вопросовъ о значеніи въ эпоху племенныхъ государствъ рода, города, вѣча и пр.

СПЕЦІАЛЬНІЕ ИСТОЧНИКИ.

Договоры Русскихъ князей съ византійскими императорами ¹⁾.

ГЛАВА VII.

Происхожденіе и содержаніе договоровъ 907 и 911 года.

Спеціальныя средства познанія системы права Славяноруссовъ языческой эпохи составляютъ четыре договора русскихъ князей съ византійскими императорами, сохранившіеся въ русскихъ лѣтописяхъ X вѣка, вошедшихъ въ составъ Несторово-Сильвестрова лѣтописнаго свода: договоръ 907 года князя Олега съ царями Львомъ и Александромъ, договоръ 911 года князя Олега съ царями Львомъ, Александромъ и Константиномъ, договоръ 945 года князя Игоря съ царями Романомъ, Константиномъ и Стефаномъ и договоръ 971 года князя Святослава съ царемъ Іоанномъ Цимпсихіемъ.

Давность сношеній Славяноруссовъ съ Греками.

Преданіе о князѣ Кіѣ, основателѣ города Кіева, *ходившемъ въ*

¹⁾ *Спеціальная литература договоровъ:*

Зверса: „Древнѣйшее русское право“; переводъ *Платонова*; кн. I; отд. VII; стр. 133 и слѣд. Изд. 1835 г.

Срезневскаго: „О договорахъ съ Греками“. Извѣстія Импер. Ак. Наукъ; т. I; стр. 309 — 326; т. III; стр. 259—295.

Н. Ласровскаго: „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками“. Спб. 1853.

Мейчина: „Система преступленій и наказаній по договорамъ Олега и Игоря“. Юрид. Вѣстникъ за 1875 г. январь—мартъ.

Сергѣевича: „Договоры Русскихъ съ Греками“. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1882 г. Январь. *Его же:* „Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи. Договоры съ Греками“; стр. 99 и слѣд. Изд. 1883 г.

Владимірскаго - Буданова: „Христоматія по исторіи русскаго права“; вып. I; пзд. III; 1885 г.; стр. 1—25. *Его же:* „Обзоръ исторіи русскаго права“; стр. 97 и слѣд. Изд. 1900 г.

Саломасова: „Свидѣтельства современныхъ источниковъ о военныхъ и договорныхъ отношеніяхъ Славяноруссовъ къ Грекамъ до Владиміра Святославича Равноапостольнаго“. Рѣчь на торжественномъ актѣ Имп. Варш. Уннверс. 30 августа 1886 г.

Константинополь, записанное Несторомъ, относитъ начало сношеній Кіева съ Царьградомъ къ глубокой давности ¹⁾). Монеты византійскихъ императоровъ и другіе предметы византійскаго искусства, открытыя въ наше время по среднему теченію Днѣпра, убѣждаютъ *положительно*, что сношенія кievской области съ Византіей существовали въ теченіе всего времени отъ основанія Константинополя Константиномъ Великимъ до Василія Романовича Богрянороднаго и русскаго князя Владиміра Святославича Равноапостольнаго ²⁾).

Первое лѣтописное описаніе посѣщенія Константинополя Славяноруссами относится къ седьмому десятилѣтію IX столѣтія: „Въ

1) П. С. Р. Л. I, 4. „Кій княжаше въ родѣ своемъ; приходившу ему ко царю, яко же скажутъ, яко велику честь пріялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари. Идущо же ему опять, приде къ Дунаевѣ“... Приложенія. стр. 13.

2) Въ 1876 г., по сообщенію В. Б. Антоновича, въ Кіевѣ былъ найденъ *кладъ монетъ сыновей Константина Великаго*. Въ Днѣпровскихъ порогахъ было найдено нѣсколько сотъ золотыхъ византійскихъ монетъ, изъ которыхъ экземпляры, бывшіе въ рукахъ графа А. С. Уварова, относятся къ VI—X столѣтіямъ. См. *Гр. А. С. Уварова: Изслѣдов. о Древ. Южн. Рос.*; стр. 16. Кладъ золотыхъ византійскихъ монетъ V столѣтія былъ найденъ въ 1891 году въ Харьковской губерніи. Въ Александровскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу р. Конки, въ 1884 году открыты были восемь могилъ съ остатками сожженныхъ покойниковъ и предметами византійскаго искусства изъ золота, серебра, бронзы и желѣза, украшенными камнями и стекломъ и относящимися къ первымъ столѣтіямъ существованія Константинополя (Находки въ курганахъ Александровскаго уѣзда 1884 года хранятся въ скифскомъ отдѣлѣ древностей Спб. Императорскаго Эрмитажа). Въ языческихъ могилахъ Кіевской губерніи, относящихся къ VIII и IX столѣтіямъ, были найдены золотая парча и золотыя шелковыя ткани византійскаго происхожденія. См. изданіе *В. А. Прохорова: Матеріалы по Истор. Русск. одеждѣ*; 1881 г.; таблицы за стр. 40 и 86. Въ Черниговскихъ курганахъ съ остатками трупосожженія (съ кострищами), раскопанныхъ въ 1872 и 1873 годахъ, были найдены золотыя монеты византійскихъ императоровъ второй половины IX и первой половины X столѣтій, вмѣстѣ съ множествомъ предметовъ византійскаго происхожденія, относящихся къ орнаментамъ костюма (Монеты и другіе предметы изъ черниговскихъ могилъ языческой эпохи хранятся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, въ коллекціи Д. Я. Самоквасова).

лѣто 6360 (852), индикта 15, наченію Михаилу царствовати, начася прозывати Руська земля. О семь бо увѣдахомъ, яко *при семь цари приходима Русь на Царьгородъ*, якоже пишется въ лѣтописаньи гречестемъ.... Въ лѣто 6374 (866) *иде Аскольдъ и Диръ на Греки и придоша въ 14 лѣто Михаила царя*“ ¹⁾.

О нашествіи при Михаилѣ III Скифовъ-Россовъ на Константинополь изъ византійскихъ писателей, современниковъ событія, говорятъ: Патріархъ Фотій, епископъ Никита и лѣтописецъ Георгій Амартолъ ²⁾, а изъ позднѣйшихъ византійскихъ писателей то же событіе описываютъ Левъ Грамматикъ, Симеонъ Логофеть, Кедринъ и Зонара ³⁾.

Въ проповѣди патр. Фотія, произнесенной въ виду непріятели, осадившаго Константинополь, о причинѣ русскаго нашествія при Михаилѣ III, говорится слѣдующее: „Зачѣмъ же ты (народъ Константинополя), плачущій теперь, презрѣлъ копье твоихъ союзниковъ и расторгнулъ союзный договоръ, какъ безчестный челоуѣкъ“. Во второй проповѣди Фотія, произнесенной по удаленіи непріятели отъ стѣнъ Царьграда, говорится: „*Руссы*, несправедливо обиженные умерщвленіемъ ихъ соплеменниковъ, справедливо требовали наказанія, равнаго нашему злодѣянію“ ⁴⁾.

Подъ 876 годомъ лѣтопись говоритъ о второмъ походѣ Руссовъ на Константинополь, о примиреніи Аскольда и Дира съ Греками, о договорѣ кіевскихъ князей съ императоромъ Василіемъ-Македоняниномъ и крещеніи Кіевлянъ ⁵⁾. По свидѣтельству *Константина*

¹⁾ П. С. Р. Л.; I, 7, 9. Приложенія, стр. 16.

²⁾ Fottii epistolis; ed. Richar. Mont; p. 58. Арх. Пор. Успенскаго: Четыре Бесѣды Фотія; 1864. Пафлаг. епископъ *Никита*: Житіе Патр. Игнатія; Pagiус, ad Baron. Annal. p. 554. *Георгій Амартолъ*, въ Прибавл. къ П. С. Р. Л.; т. I, стр. 242. Цитата изъ Хронографа Георгія Амартола.

³⁾ См. Strit. Memor. Populorum; t. II; p. 957, 958.

⁴⁾ Епископъ Никита, описывая нашествіе Руссовъ на Константинополь при Михаилѣ III, говоритъ: „*κατ' ἐκείνον γὰρ τὸν καιρὸν τὸ μακροπότατον τῶν Σκυθῶν ἔθνος, οἱ λεγόμενοι Ῥῶς διὰ τοῦ Εὐξείνου Πόντου προσεχωρήκατες τῷ Στενῶ, καὶ πάντα μὲν χωρία, πάντα δὲ μοναστήρια διηπάκατες, ἔτι δὴ καὶ τῶν τοῦ Βυζαντίου περιοικιδῶν κατέδραμον τοῖσιν, οὐκ ἔτι μὲν πάντα ληξόμενοι καὶ χρήματα, ἀνθρώπους δὲ τοὺς ἄλλοντας πάντας ἀποκτείνοντες*“. (Pagiусъ: Ad Baron. Annal. ad A.; p. 554).

⁵⁾ Никопов. Лѣт.; ч. I; с. 21, 22: „О князѣ рустемъ Осколдѣ... *Василій же*... сотвори и мирное устройство съ презеръченными Руссы

Багрянороднаго (въ Житіи и Дѣянїяхъ Василия Македонянина): „императоръ Василій, щедро одарилъ Руссовъ золотомъ, серебромъ и шелковыми тканями, склонилъ ихъ къ договору, и даже убѣдилъ сдѣлаться послѣдователями Вѣры Христовой и принять къ себѣ архіерея, назначеннаго патріархомъ“¹⁾. Въ „Окружномъ Посланіи“ патр. Фотія говорится: „не только Болгары перемѣнили прежнее нечестіе на вѣру Христову, но и народъ, превосходящій воинственностью всѣ другіе народы, называемый *Россали*, покорившій окрестные народы и *поднявшій руки свои на самую римскую имперію*, и этотъ народъ перемѣнилъ нынѣ язычество на чистую и правую христіанскую вѣру, и вмѣсто недавняго враждебнаго къ намъ отношенія нынѣ заключилъ съ нами дружественный договоръ и принялъ къ себѣ епископа, пастырей и христіанское богослуженіе“²⁾.

Слѣдовательно, *Кіевляне и Греки имѣли договорныя отношенія до 866 года*. Въ 866 году, въ царствованіе Михаила III, Руссы опустошили окрестности Константинополя, въ отмщеніе за нарушеніе Греками *договорныхъ условій*; а въ 876 году, въ царствованіе Василия-Македонянина, *договоръ Руссовъ съ Греками былъ возобновленъ*.

Происхожденіе договора 907 года.

Свидѣтельства лѣтописи о событіяхъ въ русской землѣ, послѣдовавшихъ за крещеніемъ Кіевлянъ въ 876 году, объясняютъ причину, по которой *потерялъ силу договоръ Аскольда съ Васильемъ-Македоняниномъ и возобновилось господство язычества въ Кіевѣ*. Новгородскіе и кіевскіе князья не жили мирно между собой: кіевскіе князья вели войну съ подвластными новгородскому князю Полочанами; новгородскіе мужи, недовольные своимъ княземъ, бѣжали въ Кіевъ, къ Аскольду и Диру³⁾. Въ 882 году князь Олегъ,

и преложи сихъ на христіанство... и просиша Архіерея и посла къ нимъ царь... и вся крестишася“. Приложенія, стр. 17.

¹⁾ Scrip. Byzant. post-Theofan; p. 211.

²⁾ Fotii epist.; p. 58. Разговоры о правос. между испит. и увѣр.; изд. 1833 г.; с. 175. О крещеніи *Скивовъ — Россовъ* при Васильѣ Македонянинѣ говорятъ также *Симеонъ Логофетъ, Кедринъ, Зонара* и др. См. Strit. Memoriae Popul.; t. II, p. 959—965.

³⁾ „Въ лѣто 6373 (865) воевала Аскольдъ и Диръ Полочанъ и много зла сотвориша... Въ лѣто 6375 (867) возвратишася Аскольдъ и Диръ отъ Царьграда.... Того-же лѣта избѣжаша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ много новгородскихъ мужей“. П. С. Р. Л.; т. IX; стр. 9—13.

вышедши изъ Новгорода съ многочисленнымъ войскомъ, приблизился къ горамъ кievскимъ. Узнавъ здѣсь, что Аскольдъ и Диръ были въ Кіевѣ, новгородскій князь приказалъ своему войску сойти съ лодокъ на берегъ и спрятаться до поры до времени, а часть воиновъ спряталъ въ лодкахъ, съ которыми поплылъ далѣе въ Кіевъ. Здѣсь, притворившись больнымъ, Олегъ послалъ къ Асколду и Диру сказать слѣдующее: „я гость; иду въ Грецію отъ Олега князя и Игоря княжича; нынѣ заболѣлъ, а при мнѣ много дорогого бисера и всякаго узорочья; сверхъ того, имѣю сообщить вамъ нѣчто лично, поспѣшите ко мнѣ“. Не подозрѣвая обмана, Аскольдъ и Диръ вошли въ лодку Олега съ небольшою дружиною. Тогда „убиша Аскольда и Дира... И съде Олегъ княжа въ Кіевѣ; и рѣче: „се буди мати всѣмъ градомъ русскимъ“. И обладаша всею землею русскою“¹⁾.

Завоеваніе Кіева язычниками и перемѣна въ немъ княжеской династїи должны были имѣть своимъ слѣдствіемъ упраздненіе договора Славяноруссовъ съ Греками, заключеннаго въ 876 году Аскольдомъ и Диromъ съ императоромъ Василіемъ-Македоняниномъ. По международному праву среднихъ вѣковъ перемѣна государственныхъ правителей упраздняла дѣйствіе договоровъ между государствами, требовала подтвержденія ихъ клятвою новыхъ правителей. По смерти Аскольда и Дира новый кievскій князь имѣлъ возможность поддерживать прежнія отношенія Кіева къ Константинополю только посредствомъ своего личнаго клятвеннаго договора съ византійскимъ императоромъ. Но заключить новый договоръ съ Греками новый язычскій князь Кіева имѣлъ возможность только по заявленіи своей силы подъ стѣнами Константинополя. Отсюда, укрѣпившись въ Кіевѣ построеніемъ новыхъ городовъ, покоривъ сосѣднія славянорусскія племена и обложивъ ихъ данью, князь Олегъ въ 907 году предпринялъ военный походъ противъ Грековъ и подъ стѣнами Царьграда заключилъ прелиминарный договоръ съ греческими царями Львомъ и Александромъ, исторія и содержаніе котораго сохранились въ русской лѣтописи²⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л.; I, стр. 10. Приложенія, стр. 18.

²⁾ Въ греческихъ источникахъ тексты договоровъ Руссовъ съ Греками X вѣка не сохранились (см. Шлецеровскій Несторъ; ч. I, стр. 353; ч. II, стр. 756, 751); но о договорахъ первой половины X вѣка неоднократно упоминается въ византійской лѣтописи второй половины X вѣка. Напримѣръ, въ рѣчи послѣвъ Іоанна Цимисхія къ Святославу, приводимой въ исторіи Льва Діакона, говорится слѣдующее: „вѣруя въ Провидѣніе, управляющее вселен-

„Въ 907 году, говоритъ лѣтописецъ, идетъ Олегъ на Грековъ, оставивъ Игоря въ Кіевѣ, собравши множество Варяговъ, Славянъ, Чуди, Кривичей, Мерянъ, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватъ, Дулебовъ и Тиверцевъ, какъ сказано, называющихся у Грековъ Великою Скиѳіей. Со всѣми этими отправился Олегъ на коняхъ и въ лодкахъ, а лодокъ было числомъ двѣ тысячи. Приблизился Олегъ къ Константинополю, но Греки заперли гавань и крѣпость. Тогда Олегъ сошелъ на берегъ и приказалъ войскамъ своимъ вытаскать лодки на сушу и воевать окрестности Царьграда. Многіе Греки были убиты, многіе дома были разрушены, а церкви сожжены; взятыхъ въ плѣнъ рубили, мучили, разстрѣливали, въ море кидали; и много другого зла сотворила Русь Грекамъ по обычаямъ войны“ (но Греки города не открыли и на битву не вышли).

„И приказалъ Олегъ войскамъ своимъ сдѣлать колеса, а на колеса поставить лодки, и при попутномъ вѣтрѣ, натянувшемъ паруса съ поля, пошелъ на крѣпость. Видя это, Греки ужаснулись и чрезъ пословъ своихъ сказали Олегу: „не губи города, *мы соглашаемся платить дань, какую ты пожелаешь*“. Олегъ остановилъ своихъ воиновъ. Вынесли ему Греки изъ города яства и вино;

ною и исполняя христіанскіе законы, мы не должны разрывать договора, дошедшаго до насъ отъ предковъ нашихъ, въ которомъ самъ Богъ былъ посредникомъ. Совѣтуемъ вамъ, какъ друзьямъ, немедленно выступить изъ земли, совсѣмъ вамъ не принадлежащей; въ противномъ случаѣ *вы разорвете древній договоръ нашъ, а не мы...* Я думаю, что ты, Святославъ, еще не забылъ отца своего Игоря, который, презрѣвши клятвенный договоръ, съ великимъ войскомъ, на многихъ тысячахъ судовъ, подступилъ къ Царствующему граду“... Leonis Diaconi Historiae; lib. VI, cap. 10. Bonnæ. 1828 г. Подъ клятвеннымъ договоромъ, *нарушеннымъ Игоремъ*, и подъ договоромъ *предковъ Святослава и Цимисхія* византійскій историкъ могъ разумѣть только договоръ Олега. По тексту договора Іоанна Цимисхія со Святославомъ Греки обязуются позволять Русскимъ привозить въ Византію хлѣбъ и посылаемыхъ туда по торговымъ дѣламъ признавать [друзьями *по древнему догору*: „κατ' ἐμπορίαν πρὸς τὸ Βυζάντιον στελλομένους, καθάπερ ἀνέκαθεν ἔθιμον ἦν“ (Тамъ-же; lib. IX, cap. 10). Подъ древнимъ договоромъ, опредѣлившимъ признавать друзьями *русскихъ гостей* въ Константинополѣ, договоръ Іоанна Цимисхія со Святославомъ могъ разумѣть только торговныя постановленія договора Олега 907 года, подтвержденныя договоромъ Игоря 945 года.

но это угощеніе не было принято, такъ какъ было отравлено. Испуганные Греки говорили: „это не Олегъ, а самъ Святыи Дмитрій, посланный на насъ отъ Бога“.

И потребовалъ Олегъ выкупъ съ Грековъ, на двѣ тысячи лодокъ по двѣнадцати гривенъ на человѣка, а въ каждой лодкѣ числилось по 40 человѣкъ. Греки согласились на это условіе, но просили договора, которымъ Олегъ обязался бы не воевать греческой земли. Олегъ-же, отступивъ нѣсколько отъ города, началъ переговоры о договорѣ съ греческими царями Львомъ и Александромъ, пославъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлафа, Велимида, Рулава и Стемида съ вопросомъ: „соглашаетесь ли вы платить мнѣ дань?“ „Что требуешь, дадимъ тебѣ“, отвѣчали Греки“.

Содержаніе договора 907 года.

„И потребовалъ Олегъ, чтобы Греки дали его воинамъ на двѣ тысячи лодокъ по двѣнадцати гривенъ на „ключъ“, а потомъ давали „уклады“ на русскіе города, сначала на Кіевъ, а потомъ на Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и другіе города, въ которыхъ сидѣли князья, состоявшіе подъ властью Олега ¹⁾. Русскіе имѣютъ право приходить и пользоваться хлѣбомъ, по мѣрѣ надобности; а русскіе купцы имѣютъ право на полугодичное, помѣсячное содержаніе, состоящее изъ хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей; Русскіе имѣютъ право пользоваться банями, по ихъ желанью; а на обратный путь въ отечество свое получаютъ изъ царской казны съѣстные притасы, якоря, веревки и паруса, сколько потребуется для дороги“.

„Согласились на это Греки, но цари и все ихъ бояры сказали. если придутъ Русскіе не для торговли, то не имѣютъ права на мѣсячину; русскій князь обязуется запретить Русскимъ, приходящимъ въ нашу страну, творить вредъ въ селахъ нашихъ; Русскіе обязуются жить у Святаго Малы (предмѣстье Царьграда), и только послѣ переписи ихъ именъ нашимъ посланцемъ получаютъ мѣсяч-

¹⁾ Какъ увидимъ ниже, подъ „укладами“ текстъ договора Олега разумѣлъ постоянную ежегодную дань Грековъ Руссамъ. Это доказываетъ исторія договоровъ Игоря и Святослава: война съ Греками возобновлялась и прекращалась, глядя по тому, платили или отказывались платить Греки „дань, юже ималъ Олегъ“. Византійскій дворъ содержалъ въ строгой тайнѣ данническія отношенія къ сосѣднимъ склоскимъ племенамъ, а потому количество дани въ текстѣ договора 907 года, какъ актъ публичномъ, оставлено неопредѣленнымъ. См. Исторію Льва Діакона; кн. IV, гл. 5 и 6.

ное содержаніе пришедшіе изъ города Кіева, также изъ Чернигова, Переяславля и другихъ городовъ; Русскіе обязуются *входить въ крѣпость Константинополя только чрезъ одни ворота, въ сопровожденіи царскаго чиновника, безъ оружія, и въ количествѣ не болѣе пятидесяти человекъ, и тогда только имѣютъ право совершать свободно торговля сдѣлки, не уплачивая никакихъ пошлинъ*“.

„Заклучили договоръ съ Олегомъ цари Левъ и Александръ, согласившись платить дань. И поклялись взаимно другъ другу: цари цѣловали крестъ, а Олега и его мужей привели къ присягѣ по русскому закону: клялись оружіемъ своимъ, и Перуномъ, Богомъ своимъ, и Волосомъ, скотымъ богомъ“.

„И приказалъ Олегъ изготовить для русскихъ лодокъ паруса шелковые, а для славянскихъ ситцевые, что и было сдѣлано. Повѣсивъ щиты свои на вратахъ, въ знакъ побѣды, Олегъ оставилъ Царьградъ. Натянули Руссы паруса шелковые, а Славяне ситцевые, и послѣдніе разодралъ вѣтеръ. И сказали Славяне: „обратимся къ своимъ холстинамъ; не пригодны Славянамъ ситцевые паруса“. И возвратился Олегъ въ Кіевъ съ золотомъ, шелкомъ, овощами, винами и всякими тканями. Народъ прозвалъ Олега вѣщимъ, по понятіямъ несвѣдущихъ язычниковъ“ ¹⁾.

Происхожденіе договора 911 года.

За изложеннымъ повѣствованіемъ о походѣ и договорѣ Олега 907 года, въ лѣтописи нѣтъ никакихъ извѣстій до 911 года, подъ которымъ говорится о появленіи кометы на западѣ; а затѣмъ, подъ 912 годомъ, слѣдуетъ описаніе посольства кіевского князя къ греческимъ императорамъ и изложеніе содержанія договора Славяноруссовъ съ Греками, заключеннаго въ сентябрѣ 911 года.

Въ извѣстіи о русскомъ посольствѣ говорится слѣдующее: „Послалъ Олегъ мужей своихъ опредѣлить и утвердить договорныя условія между Греками и Руссами. И послы говорили, какъ было условлено на другомъ совѣщаніи, бывшемъ при тѣхъ же царяхъ Левъ и Александръ: мы отъ русскаго народа, Карлы... Стемиръ, посланные великимъ княземъ русскимъ и всѣми состоящими подъ его властью свѣтлыми боярами къ вамъ, *Льву, Александру и Константину*, по милости Божіей, великимъ самодержцамъ и царямъ греческимъ, съ цѣлью выразить и упрочить *бывшій многолѣтній дружественный союзъ между Христіанами и Русскими*. По желанію и

¹⁾ Ср. П. С. Р. Л.; I, 12; VII, 272; IX, 18; XV, 37. Лѣт. по Ипат. сп.,— стр. 18. Лѣт. по Кен. сп.;— стр. 25. Приложение № II, подъ 907 годомъ.

по приказанію нашего князя и всѣхъ Русскихъ, состоящихъ подъ его властью, мы, болѣе другихъ желающіе, съ помощію Божіей, выразить и сохранить сказанную дружбу ¹⁾, бывшую между Христіанами и Русскими, много разъ обсуждали ея условія, но только словесно, и клялись оружіемъ своимъ условія такой дружбы выразить письменно и утвердить клятвою по вѣрѣ и по закону нашему. Вотъ эти условія взаимной нашей дружбы, принятыя нами подъ клятвою ²⁾.

Содержаніе договора 911 года.

За приведеннымъ вступленіемъ въ лѣтописи слѣдуетъ изложеніе содержанія договорныхъ условій: о вѣчномъ мирѣ; о недействительности оправдательной присяги при наличности явныхъ уликъ противъ обвиняемаго; о наказаніяхъ за убійство, за удары, за воровство и за грабежъ; о выкупѣ плѣнныхъ; о выдачѣ бѣжавшихъ рабовъ:

¹⁾ Посольство Олега 911-го года было особенно заинтересовано въ вѣрномъ соблюденіи дружественнаго союза съ Греками, потому что въ его составъ входили мужи, заключившіе договоръ 907 года и клявшіеся въ неизмѣнной ему вѣрности.

²⁾ П. С. Р. Л.; I, 14; Лѣт. по Ипат. сп.; стр. 19. Лѣт. по Кен. сп.; стр. 27. Приложение № II, подъ 912 годомъ. „Въ лѣто 6420. Посла Олегъ мужи свои построить мира и положить ряды межѣ Греки и Русью. И посла глаголя равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царихъ Льва и Александра: мы отъ рода русскаго... Карлы, Инегелдъ, Фарлафъ, Велемидъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карпъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидуль, Фостъ, Стемиръ, иже послани отъ Олга, великаго князя русскаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ, къ вамъ, Львови, и Александру и Костянтину, великимъ о Бозѣ сомодержцемъ“. Н. А. Лавровскій, предполагая въ лѣтописномъ текстѣ договора переводъ съ несохранившагося греческаго подлинника, слова „равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царихъ Льва и Александра“, переводитъ такъ: „копія другой грамоты, находящейся у царей Льва и Александра“. Но этому переводу противорѣчатъ лѣтописная форма глагола, указывающая на прошедшее, бывшее свѣщаніе, и отсутствіе имени императора *Константина*, именуемаго въ договорѣ 911-го года. По прямому смыслу лѣтописнаго текста, договоръ 911 года только *письменно формулировалъ словесное соглашеніе, принятое на предшествовавшихъ свѣщаніяхъ, бывшихъ при тѣхъ же императорахъ Львѣ и Александрѣ*, съ которыми Олегъ заключилъ договоръ 907 года, то есть, въ то время, когда Константинъ еще не былъ императоромъ.

о храненіи и передачѣ наслѣдникамъ имущества Русскихъ, умершихъ въ Греціи; о выдачѣ бѣглыхъ должниковъ - преступниковъ; наконецъ, заключеніе, въ которомъ обозначены порядокъ и время санкціи договора. Это заключеніе начинается слѣдующими словами: „на утверженіе же и неподвиженіе быти межѣ вами Христьяны и Русью, *бывшій міръ* сотворихомъ Ивановымъ написаніемъ на двою харатью“, то есть для прочности и вѣрности, *прежній договоръ* мы написали теперь Ивановымъ письмомъ на двухъ бумагахъ или грамотахъ.

Императоръ Левъ, добавляетъ лѣтописецъ, богато одаривъ русскихъ пословъ, приказалъ показать имъ богатство и великолѣпіе христіанскихъ храмовъ и отпустилъ ихъ на родину съ великою честью. По возвращеніи въ Кіевъ, русскіе послы сообщили Олегу переговоры съ греческими царями, содержаніе заключеннаго договора между Греціей и Россіей и взаимныя клятвы, его скрѣпившія ¹⁾.

¹⁾ Въ переводѣ на русскій языкъ нашего времени договорныя условія 911 года заключаютъ въ себѣ слѣдующее (Ср. Кенигсбергскій сп., стр. 28; Никоновскій, стр. 32. П. С. Р. Л.; I, 14; XV, 39. Лѣт. по Ипат. сп., стр. 19. Приложение № II, подъ 912 годомъ).

„Всего прежде будемъ мирны съ вами, Греки, будемъ любить другъ друга отъ всей души и, сколько отъ насъ зависить, не дадимъ обижать васъ никому изъ состоящихъ подъ властью свѣтлыхъ князей нашихъ, но всѣми силами будемъ стараться сохранить навсегда ненарушимо нашу дружбу, утвержденную письмомъ и клятвою. Также и вы, Греки, храните такую же дружбу, ненарушимую и вѣчную, ко всѣмъ свѣтлымъ русскимъ князьямъ и ко всѣмъ, состоящимъ подъ властью свѣтлаго нашего князя.

А объ условіяхъ, относящихся до преступленій, договоримся такъ:

Если случится несомнѣнное преступленіе и будутъ представлены явныя показанія противъ преступниковъ, а обвиняемая сторона станетъ оправдывать себя клятвою, то на клятву не обращать вниманія, а казнить преступника, глядя по его винѣ.

Въ томъ случаѣ, если кто убьетъ, Христіанина Русинъ или Христіанинъ Русина, то убійца лишается жизни на мѣстѣ совершеннаго убійства. Если убійца убѣжить, а будетъ онъ человѣкъ состоятельный, то все принадлежащее ему по закону имущество дѣлается собственностью ближайшаго родственника убитаго; но жена убійцы сохраняетъ имущество, слѣдующее ей по закону. Скрывшійся несостоятельный убійца считается состоящимъ подъ судомъ, пока найдутъ его и казнятъ смертью.

Ударившій кого-либо мечомъ или какимъ-либо сосудомъ обя-

Отношеніе договора 911 года къ договору 907 года.

Такимъ образомъ, по тексту русской лѣтописи X вѣка, въ 907 году кievскій князь Олегъ заключилъ съ византійскими императорами Львомъ и Александромъ, подъ стѣнами Константинополя, мирный предварительный договоръ, опредѣлившій *финансовыя обязательства Греціи къ Руси и условія торговыхъ сношеній Славяно-*

занъ заплатить 5 литръ серебра по закону русскому; а если виновный не имѣетъ средствъ, то долженъ заплатить сколько можетъ, долженъ снять съ себя и то платье, въ которомъ ходитъ, а сверхъ того, долженъ присягнуть по своей вѣрѣ, что онъ ни откуда не можетъ получить помощи, и тогда только тяжба къ нему обиженнаго прекращается.

Если украдетъ Русскій у Христіанина, а также Христіанинъ у Русскаго, и пойманъ будетъ воръ во время кражи обокраденнымъ хозяиномъ, и станетъ защищаться, и будетъ убитъ, то смерть его не взыскивается ни Христіанами, ни Русскими; а напротивъ, потерявшій свое возвращаетъ погубленное. Если же пойманный воръ отдается въ руки обокраденному Христіанину безъ сопротивленія, то долженъ быть связанъ и возвращаетъ похищенное въ тройной его цѣнѣ.

Отнятое посредствомъ явнаго насилія Русиномъ у Христіанина или Христіаниномъ у Русина должно возвратитъ втрое.

Если греческая лодка будетъ выброшена бурей на русскую землю, то Русскіе должны хранить лодку и ея грузъ, отослать ее въ землю христіанскую и проводить до безопаснаго мѣста. Если буря или мели задержать греческую лодку на какомъ-либо мѣстѣ, то Русскіе должны помочь гребцамъ и проводить ихъ съ товарами до греческаго берега, если таковой случится по близости; если же такая бѣда приключится греческой лодкѣ вблизи русской земли, то ее должно проводить въ русскую землю, продать тамъ грузъ и лодку, а вырученное, по совѣсти, должно препроводитъ въ Грецію черезъ отправляющихся туда пословъ или купцовъ русскихъ. Если на такой лодкѣ будетъ совершено Русскими убійство, насиліе, воровство, то виновные подвергаются наказанію, указанному въ предыдущихъ условіяхъ.

Если въ той или другой странѣ, русской или греческой, содержится плѣнникъ, Грекъ или Русскій, проданный въ ту страну, то такой плѣнникъ отпускается на родину, а купившій его получаетъ цѣну, какую самъ заплатилъ, или законную цѣну раба, су-

русовъ съ Греками. Въ послѣдующіе годы, при тѣхъ же императорахъ Львѣ и Александрѣ, *послѣ многократныхъ словесныхъ совѣщаній, были выработаны и приняты сторонами добавочныя къ договору 907 года условія процессуальнаго, уголовного и гражданскаго права,* долженствовавшія упрочить дружественный союзъ Славянорусовъ съ Греками. Эти добавочныя условія были записаны въ грамоты и формально утверждены 2 сентября 911 года, въ царствованіе уже трехъ императоровъ Льва, Александра и Константина.

ществующую въ день выкупа. Военно-плѣнные также возвращаются на родину, а плѣнившіе ихъ получаютъ сказанную цѣну невольниковъ. Но русскіе плѣнные, получившіе свободу, имѣютъ право остаться на службѣ у греческаго царя, если того пожелаютъ. Русскіе и греческіе плѣнники, приводимые на продажу въ Грецію или въ Русь изъ другихъ странъ, выкупаются по 20 золотыхъ.

Если русскій невольникъ будетъ украденъ, или убѣжитъ, или по принужденію проданъ будетъ, и это будетъ доказано показаніемъ невольника, то по жалобѣ Русскихъ невольникъ возвращается. Гости, теряющіе невольниковъ, заявивши о томъ, имѣютъ право разыскивать ихъ и, нашедши, получить обратно; а кто изъ мѣстныхъ жителей станеть противиться поискамъ, тотъ признается виновнымъ и уплачиваетъ искъ.

О Русскихъ, работающихъ въ Греціи у христіанскаго царя. Если кто умретъ, не оставивъ распоряженія о своемъ имѣніи, а родныхъ при немъ не будетъ, то наслѣдство пересылается въ Русь, ближайшимъ родственникамъ умершаго; когда же умершій оставилъ завѣщаніе, то наслѣдство передается чрезъ приходящихъ въ Грецію тому, кому оно назначено завѣщаніемъ.

О должникахъ. По жалобѣ къ христіанскому царству, преступникъ, бѣжавшій изъ Руси, долженъ быть схваченъ и возвращенъ въ Русь. Также поступаютъ и Русскіе по отношенію къ Грекамъ.

Для прочности и вѣрности, *бывшій договоръ между Христіанами и Русью мы написали теперь Ивановымъ письмомъ на двухъ хартияхъ, скрѣпили подписями царя вашего и нашими и утвердили клятвою, съ вашей стороны, честнымъ крестомъ и Св. Троицею единого истиннаго Бога вашего, данною въ нашемъ присутствіи; а мы клялись вашему царю, богомъ поставленному, по закону и по обычаю нашему, исполнить непарушимо договорныя условія дружбы нашей. Эта грамота, согласная съ словеснымъ договоромъ, утверждена и объявлена 2 сентября, въ недѣлю 15, въ 6420 году отъ сотворенія міра“.*

ГЛАВА VIII.

Происхожденіе и содержаніе договоровъ 945 и 971 года.

Происхожденіе договора 945 года.

За изложениемъ содержанія договора Олега 911 года въ лѣтописи слѣдуетъ краткій переченьъ событій въ русской землѣ и въ Греціи по 941 годъ, а затѣмъ, *подъ 941 годомъ*, помѣщается *разсказъ о походѣ князя Игоря на Грековъ*, кончившемся сожженіемъ русскаго флота греческимъ огнемъ ¹⁾.

По возвращеніи въ Кіевъ, Игорь сталъ копить новыя войска

¹⁾ „Въ лѣто 6449. Иде Игорь на Греки; яко послаша Болгаре вѣсть ко царю, яко идутъ Русь на Царьградъ, скедій 10 тысящъ... Теофанъ же устрѣте я въ лядахъ со огнемъ, и пуцати нача трубами огонь на лодѣ Русскія; и бысть видѣти страшно чудо. Русь же видящи пламянь, вметахуся въ воду морьскую, хотяще убрести; и тако прочіи възвратишася въ свояси. Тѣмъже пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху каждо своимъ о бывшемъ, и о ладнѣмъ огни, „якоже молонья“, рече: „иже на небесѣхъ, Греци имуть у собе, и ею пуцающа жежаху насъ; сего ради не одолѣхомъ имъ“. (П. С. Р. Л. I. 18, 19). Лодочный греческій огонь, которымъ былъ сожженъ флотъ Игоря, называется въ византійскихъ источникахъ мидійскимъ огнемъ, а его приготовленіе содержалось въ Византіи въ глубокой тайнѣ. (См. Макушева: Сказанія иностранцевъ; стр. 26). „Я думаю, говорили послы Цимисхія Святославу, ты не забылъ *пораженія отца твоего Игоря, который*, презрѣвши клятвенный договоръ, дошедшій до насъ отъ предковъ нашихъ, съ *безчисленными судами* подступилъ къ царственному граду и только съ 10-ью лодками возвратился въ Босфоръ Киммерійскій“. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Pars XI. Vonnae 828. Leo Diaconus. Lib. VI, cap. X, p. 106.* Въ другомъ мѣстѣ Левъ Діаконъ, описывая войну Святослава съ Цимисхиемъ, говоритъ: „когда показались на рѣкѣ Дунаѣ *огненосныя римскія лодки*, то Римляне, видя ихъ, исполнились чрезвычайной радости, а Скионы, боявшіеся текучаго огня, пришли въ ужасъ, такъ какъ они слышали отъ своихъ стариковъ, что *Римляне сымъ мидійскимъ огнемъ обратили въ пепель безчисленный флотъ Игоря, родителя Святослава*“. Тамъ-же; *Lib. IX, cap. II, p. 144.*

и въ 913 году снова двинулся противъ Грековъ въ лодьяхъ и на коняхъ. Корсунцы и Болгаре извѣстили императора Романа, что идутъ Русскіе со множествомъ судовъ, покрывшихъ море. Получивъ эту вѣсть, царь послалъ къ Игорю посольство со слѣдующею просьбою: „остановись, возьми дань, какую бралъ Олегъ, прибавлю и еще къ той дани“ ¹⁾. Игорь передалъ предложеніе императора своей дружинѣ на обсужденіе и получилъ отъ нея слѣдующее мнѣніе: „если такъ говоритъ царь, то намъ нѣтъ причины продолжать войну“ ²⁾. Игорь согласился съ мнѣніемъ дружины, взялъ у Грековъ золото и паволоки на всѣхъ своихъ воиновъ и возвратился въ Кіевъ.

Слѣдовательно, причиною войны Игоря съ Греками былъ отказъ со стороны византійскаго императора отъ финансоваго обязательства, принятаго Греками по договору съ Олегомъ: Игорь прекратилъ войну, когда византійскій императоръ снова согласился платить дань, „юже ималъ Олегъ“.

Возобновленіе мирныхъ отношеній кіевскаго княжества къ византійской имперіи должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ возобновленіе договора Олега 907 года и дополнительныхъ къ нему условий 911 года, съ тѣми измѣненіями и дополненіями, какія могли быть признаны сторонами полезными и необходимыми на основаніи предшествовавшей практики мирныхъ отношеній. Отсюда, непосредственно за приведеннымъ рассказомъ о войнѣ и мирѣ Игоря съ Греками, подъ 945 годомъ, говорится слѣдующее: „прислали Романъ, Константинъ и Стефанъ пословъ къ Игорю подтвердить прежній договоръ; Игорь же совѣщался съ ними о договорѣ. Послалъ Игорь мужей своихъ къ Роману; Романъ же созвалъ бояръ и сановниковъ. Привели русскихъ пословъ и приказали сказать и записать на бумагѣ обоюдное соглашеніе, принятое на предыдущемъ совѣщаніи, бывшемъ при царяхъ Романъ, Константинъ и Стефанъ христіанскихъ владыкахъ: Мы отъ русскаго народа послы и гости, Иворъ, посоль Игоря, и общіе послы, Вуефасть... Синко, Боричъ, посланные Игоремъ, великимъ княземъ русскимъ, всякими князьями и всѣми людьми русской земли. Пославшіе поручили намъ возобновить старыи договоръ и на зло враждолобцу дьяволу, нена-

1) „Се слышавъ царь, посла къ Игорю лучіѣ бояре, моля и глаголя: „не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, придамъ и еще къ той дани“. П. С. Р. Л. I, 19. Приложенія, стр. 26.

2) „Да аще сице глаголетъ царь, то что хотимъ бодѣ того, не бывшеся имати злато и сребро, и паволоки? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морстѣй; обѣча смерть всѣмъ“. Тамъ же.

видящему добро, *упрочить много лѣтъ бывшій дружественный союзъ между Греками и Руссами*“¹⁾.

Содержаніе договора 945 года.

Изученіе содержанія договора Игоря и сравненіе его съ договорами 907 и 911 гг. приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ²⁾.

1. Въ договорѣ Игоря *цѣлкомъ опущены* (то есть оставлены безъ измѣненій) слѣдующія постановленія договоровъ 907 и 911 годовъ: финансовое обязательство византійскихъ императоровъ къ русскимъ князьямъ (объ укладахъ—дани); процессуальное условіе о недѣйствительности оправдательной присяги при наличности явныхъ доказательствъ виновности обвиняемаго; условіе о сохраненіи права жены убійцы на имущество, принадлежащее ей по закону; условіе о правѣ обкрадываемаго хозяина убить вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія и противящагося аресту; условіе о правѣ русскихъ плѣнниковъ, получившихъ въ Греціи свободу, по ихъ собственному желанію, оставаться на службѣ у греческаго царя; условіе о порядкѣ охраны и передачи наследникамъ въ Русь имущества Русскихъ, умершихъ на службѣ у греческаго царя, и условіе о выдачѣ бѣглыхъ должниковъ-злодѣевъ.

2. Условія договора Олега о торговлѣ Русскихъ въ Византіи *пояснены и дополнены* слѣдующими распоряженіями: „Великій князь русской и его бояры имѣютъ право, по своему желанію, посылать въ Грецію, къ великимъ царямъ греческимъ лодки съ послами и купцами, „якоже имъ установлено есть“ (то есть соотвѣтственно съ постановленіями договора Олега 907 года). До сихъ поръ послы являлись съ золотыми печатами, а купцы съ серебряными; нынѣ же князь согласился посылать съ ними грамоты царству нашему; а потому, посланные послы и купцы должны представлять намъ грамоту, съ обозначеннымъ въ ней количествомъ посланныхъ лодокъ, что и будетъ служить намъ доказательствомъ мирныхъ намѣреній прибывшихъ. Приходящіе же въ Грецію безъ грамоты могутъ быть арестованы и содержимы подъ стражею, до извѣщенія объ нихъ русскаго князя; если арестуемый станетъ противиться и будетъ убитъ, то смерть его не должнó взыскивать русскому князю; а если арестуемый убѣжитъ въ Русь, то мы напи-

1) П. С. Р. Л.; 1, 20. Лѣт. по Кен. сп.; стр. 39. Лѣт. по Ипат. сп.; стр. 29. Приложенія, стр. 27.

2) Лѣтописный текстъ договора Игоря см. въ приложеніяхъ стр. 27—31.

шемъ объ немъ князю русскому, и пусть онъ поступить съ нимъ по своему желанію. Только купцы имѣютъ право требовать мѣсячину. Царскій мужъ охраняетъ русскихъ купцовъ и разбираетъ тяжбы между Русскими и Греками. Русскіе не имѣютъ права покупать въ Царьградѣ паволоки выше 50 золотниковъ; каждая купленная паволока должна быть показана царскому мужу, возвращающему ее покупателю запечатанною (пломбированною). Возвращающіеся на родину Русскіе получаютъ отъ насъ, „якоже установлено есть прежде“ (по договору 907 года), съѣстные припасы на дорогу и все нужное для ихъ лодокъ; возвращающіеся на родину пользуются охраною. Русскіе не имѣютъ права зимовать у Святаго Мамы“.

3. Въ договорѣ Игоря *прибавлены*: условіе о военной помощи Грековъ Руссамъ и Руссовъ Грекамъ; условіе объ отказѣ русскаго князя отъ правъ на Корсунскую область; условіе о нейтральномъ характерѣ Бѣлобережья и св. Вѣферія; условіе объ обязанности русскаго князя не пропускать черныхъ Волгарь въ Корсунскую область; условіе о судимости и наказуемости греческихъ преступниковъ греческою властью; условіе о платѣ Греками за невольниковъ, скрывшихся на греческой территоріи, и обязанности Русскихъ возвращать Грекамъ бѣжавшихъ къ нимъ рабовъ и похищенное ими.

4. Въ условіяхъ объ убійствѣ, воровствѣ и грабежѣ выкупъ преступленій воровства и грабежа измѣненъ съ тройной цѣны похищеннаго и награбленнаго въ двойную и ясно обозначена наказуемость покушенія на грабежъ по приговору суда: „Аще ли кто покусится взяти что... иже то створить, покажненъ будетъ вельми“ (ст. 5).

Лѣтописное изложеніе содержанія договора Игоря оканчивается слѣдующимъ заключеніемъ: „этотъ договоръ мы (Греки) написали на двухъ грамотахъ; одна изъ нихъ царства нашего, на ней крестъ и имена наши написаны, а на другой ваши послы и гости. Возвращающіеся съ посломъ нашимъ должны доставить грамоту великому русскому князю Игорю и его людямъ, а тѣ, принимая грамоту, должны присягнуть въ томъ, что въ точности будетъ исполнено все, условленное нами и написанное на сей грамотѣ, скрѣпленной нашими подписями. Мы же (Русь), кто изъ насъ крещенъ, клялись церковью Св. Іліи (кіевскою) въ соборной церкви (цареградской), предлежащимъ крестомъ и этою грамотою исполнить въ точности написанное въ ней; а кто нарушитъ ее изъ нашихъ соотечественниковъ, князь или другой кто, крещенный или некрещенный, тотъ да лишенъ будетъ помощи Божіей, да будетъ ра-

бомъ въ этой и будущей жизни, да погибнетъ отъ собственнаго оружія. А некрещенные, полагая свой (щиты, обнаженные мечи, обручи и прочее оружіе, клянутся, что все, написанное въ этой грамотѣ, будетъ исполнено Игоремъ, всѣми боярами и всѣми ихъ соотечественниками; если же кто изъ князей или людей русскихъ, крещенный или некрещенный, нарушитъ этотъ договоръ, тотъ да умретъ отъ своего собственнаго оружія, да будетъ проклятъ Богомъ и Перуномъ, какъ преступникъ своей клятвы. Если это понравится, то великій князь Игорь да хранить этотъ союзъ ненарушимо, пока солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ, въ нынѣшніе годы и будущіе“.

Послы Игоря, продолжаетъ лѣтописецъ, возвратились къ Игорю съ послами греческими и сообщили ему рѣчи царя Романа. Игорь призвалъ пословъ греческихъ и сказалъ имъ: „говорите, что поручилъ вамъ царь?“ Отвѣчали царскіе послы: „насъ послалъ царь сказать, что онъ радъ миру; хочетъ имѣть договоръ съ русскимъ княземъ и дружественный союзъ; твой послы привели нашихъ царей къ присягѣ, а мы посланы привести къ присягѣ тебя и твоихъ мужей“. Игорь обѣщалъ это исполнить. На другой день позвалъ Игорь пословъ, пришелъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ, положилъ оружіе свое, щиты и золото и принялъ присягу съ некрещенными людьми своими; а христіанъ русскихъ приводили къ присягѣ въ церкви Св. Іліи ¹⁾.

Отношеніе договора 945 года къ договорамъ 907 и 911.

Такимъ образомъ договоръ Игоря, по лѣтописному тексту, только подтвердилъ и обновилъ старый договоръ. Послы византійскихъ императоровъ 945 года явились въ Кіевъ „построити мира перваго“; а послы Игоря явились въ Константинополь „обновити ветхій миръ“. Двѣ статьи договора 945 года прямо ссылаются на постановленія договора 907 года, какъ на законъ дѣйствующій. О существенныхъ постановленіяхъ договоровъ Олега договоръ Игоря умалчиваетъ (оставляетъ ихъ безъ измѣненій). Записанныя въ договорѣ Игоря условія представляютъ собою очевидныя дополненія и измѣненія условій договоровъ Олега, принятыя на кіевскомъ соглашеніи Игоря съ послами византійскихъ императоровъ въ 945 г. и въ томъ же году формально санкціонированныя. Слѣдовательно, договоръ 945 г. не былъ новымъ, отдѣльнымъ, самостоятельнымъ договоромъ, а только подтвердилъ и обновилъ договоръ Олега, оставившійся дѣйствующимъ закономъ въ постановленіяхъ, неизмѣненныхъ дополнителнымъ договоромъ Игоря 945 года.

¹⁾ Приложенія, стр. 31.

Происхожденіе договора 971 года.

Со времени санкціи договора 945 года и до времени приглашенія князя Святослава императоромъ Никифоромъ въ 967 году для войны съ Болгарами въ лѣтописи встрѣчается только одно свидѣтельство, относящееся къ дружественнымъ сношеніямъ Славяноруссовъ съ Греками: описаніе *путешествія въ Грецію княгини Ольги, жены Игоря и матери Святослава, и ея крещенія въ Константинополѣ* ¹⁾.

„Въ 967 году идетъ Святославъ на Дунай, на Болгаръ, *приглашенный на нихъ императоромъ Никифоромъ* ²⁾, по причинѣ частыхъ набѣговъ Болгаръ на Византію. Святославъ вступилъ съ ними въ бой, побѣдилъ ихъ, взялъ по Дунаю 80 городовъ и остался въ городѣ Переяславлѣ, *получая дань отъ Грековъ* (по договору 907 года) ³⁾.

Это событіе въ *византійской лѣтописи* разсказано подробнѣе ⁴⁾. Полководецъ *Никифоръ-Фока*, воцарившись въ Византіи, съ удивленіемъ узналъ отъ высшаго царедворца о существованіи *договора, по которому Греки обязаны платить ежегодную дань сосѣднему народу скиѣскаго происхожденія — Мизамъ-Болгарамъ* ⁵⁾. Съ цѣлью

¹⁾ См. Лѣтопись по Ипат. сп.; стр. 38. П. С. Р. Л. I, стр. 25. Приложение № II, подъ годомъ 955, стр. 34, 35. Торжественный пріемъ княгини Ольги въ Константинополѣ описанъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ, въ его сочиненіи „De ceremoniis Aulae Byzantinae“; lib. II, cap. XV.

²⁾ По договору Игоря: „аще ли хотѣти начнетъ наше царство отъ васъ вои на противящаяся намъ, да пишутъ къ великому князю вашему, и послеть къ намъ елико же хочеть“ (ст. 15).

³⁾ „Въ лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай на Болгары, *Никифору царю изведиу его на нихъ*, многого ради ихъ воеванія, еже на Царьградъ. И бысть имъ бой со Святославомъ, и одолѣ имъ; и взя по Дунаю 80 градовъ; и во градѣ Переяславцѣ сѣде, емля дань на-Грецѣхъ“. Ср. П. С. Р. Л.; I, 27; Ник. Лѣт. Акад. изд. I, 52. Лѣт. по Ипат, сп.; с. 42.

⁴⁾ О важности лѣтописи Льва Діакона Калойскаго, какъ источника знаній по вопросу объ отношеніяхъ Славяноруссовъ къ Грекамъ въ X вѣкѣ см. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae; 1827. Pars XI. Praefatio C. V. Hosii; p. XXI.

⁵⁾ Исторія Льва Діакона; кн. III, гл. 8; кн. IV, гл. 5. Удивленіе имп. Никифора объясняется тѣмъ, что въ публичныхъ международныхъ трактатахъ среднихъ вѣковъ обыкновенно умалчива-

освободиться отъ этой дани, Никифоръ предпринялъ походъ противъ Мизовъ, но, встрѣтивъ страну гористую и лѣсистую, въ которой всюду „опасность стоять на опасности“ и гдѣ греческіе отряды часто подвергались совершенной гибели, императоръ возвратился съ войсками своими въ Константинополь. Здѣсь, почтивъ достоинствомъ патриція нѣкоего Калокира, Никифоръ „послалъ его къ *Тавроскивалъ*, обыкновенно называемымъ *Россали*, съ тѣмъ, чтобы Калокиръ, отдавши имъ тысячу пятьсотъ фунтовъ (15 центенаріевъ) золота, пригласилъ ихъ для войны въ землю Мизовъ“¹⁾.

Но Калокиръ обманулъ довѣріе императора. Пришедши въ Скиею, онъ очаровалъ главнаго начальника Тавроскиевовъ Святослава лестными рѣчами и корыстными обѣщаніями и убѣдилъ его предпринять походъ противъ Мизовъ „съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, покоривши Мизовъ, удержалъ ихъ страну въ своей власти, а ему, Калокиру, содѣйствовалъ къ восшествію на престолъ Византіи“. Калокиръ обѣщалъ за то Святославу „безчисленныя сокровища изъ казны византійской. Подчинившись этимъ внушеніямъ, Святославъ собралъ шестьдесятъ тысячъ храбраго войска, кромѣ обозныхъ отрядовъ, двинулся на Мизовъ и завоевалъ Болгарію“²⁾.

Узнавъ объ измѣнѣ Калокира и успѣхахъ оружія Святослава въ Болгаріи, императоръ Никифоръ сталъ готовиться къ войнѣ: собиралъ, обучалъ и вооружалъ войска, строилъ и ставилъ на городскихъ стѣнахъ метательныя орудія; *прикрѣпилъ къ Сотенной башнѣ тяжелую желѣзную цѣпь и по столбамъ протянулъ ее черезъ Босфоръ къ Галитской башнѣ, находящейся на противоположномъ берегу*³⁾; примирился съ Мизами. Но во время этихъ приготовленій

лось о дани, какую обязывалось платить одно государство другому; количество ежегодной дани составляло тайну царей и царедворцевъ.

¹⁾ Тамъ же; кн. IV; гл. 6. 15 центенаріевъ золота, по всей вѣроятности, представляли собою количество „укладовъ“—ежегодной дани по договору Олега 907 года. Тысяча пятьсотъ фунтовъ золота была оцѣнь умѣренная плата за безопасность Византіи со стороны сѣвера Европы, дававшую византійскимъ императорамъ свободу дѣйствій въ Азіи, откуда они получали безчисленныя сокровища. См. тамъ же; кн. II, гл. 8 и 9; кн. III, гл. 11; кн. IV, гл. 4; кн. V, гл. 1; кн. X, гл. 2 и др.

²⁾ Тамъ же; кн. V, гл. 1, 2.

³⁾ Это свидѣтельство объясняетъ значеніе выраженія „и Греци замкнуша Судъ“ въ описаніи похода Олега на Грековъ русскимъ лѣтописцемъ подъ 907 годомъ.

императоръ получилъ предсказаніе, по которому чрезъ три мѣсяца ему суждено оставить этотъ міръ. Съ того времени Никифоръ проводилъ жизнь въ смиреніи, оставивъ военные замыслы; а 10-го декабря 970 года онъ былъ убитъ въ своемъ дворцѣ, на ночномъ ложѣ, Іоанномъ Цимисіемъ и его сообщниками. Отрядомъ воиновъ 11-го декабря Іоаннъ Цимисій былъ провозглашенъ римскимъ императоромъ, *вмѣстѣ съ сыновьями царствовавшаго Романа, Василіемъ и Константиномъ* ¹⁾.

Новый императоръ „всего болѣе тревожился успѣхами русскаго оружія въ Болгаріи“, а потому сдѣлалъ попытку посредствомъ переговоровъ возобновить договоръ съ Руссами и удалить Святослава изъ Болгаріи. Послы Іоанна предложили Святославу „взять обѣщанное Никифоромъ за походъ противъ Мизовъ и оставить Мизію, которая по праву принадлежитъ Грекамъ, какъ древняя часть Македоніи“ ²⁾. *Святославъ отвѣчалъ, что онъ не оставитъ Мизіи, пока Греки не заплатятъ ему громадныхъ военныхъ издержекъ и не выкупятъ городовъ и плѣнныхъ, взятыхъ войною. Если императоръ несогласенъ на это, то пусть самъ переселяется въ Азію изъ Европы, ему непринадлежащей, и пусть не мечтаетъ о возобновленіи договора съ Тавроскиѣями“* ³⁾. Получивъ такой отвѣтъ, „Іоаннъ

1) Тамъ же; кн. V, гл. 2 — 5; кн. VI, гл. I. Изъ русской лѣтописи видно, что Святославъ, по завоеваніи Болгаріи, въ 968 году былъ вызванъ въ Русь для защиты Кіева отъ Печенѣговъ и тамъ задержанъ былъ болѣзною матери до ея смерти. Похоронивъ мать, Святославъ, раздѣливъ Русь между своими сыновьями, въ 971 году возвратился въ Болгарію, встрѣтилъ здѣсь новое сопротивление Болгаръ и вторично побѣдилъ ихъ. „Въ лѣто 6479. Приде Святославъ въ Переяславецъ, и затворишася Болгаре въ градѣ. И излѣзоша Болгаре на сѣчу противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одолаху Болгаре; и рече Святославъ воемъ своимъ: „уже намъ сдѣ пасти; потягнемъ мужьски братья и дружино!“ И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ“. П. С. Р. Л. I, 29. Приложенія; стр. 37. Въ это время въ Византіи царствовалъ уже Іоаннъ Цимисій.

2) Левъ Діаконъ; кн. VI, гл. 8.

3) Отвѣтъ Святослава былъ совершенно справедливъ, такъ какъ до завоеванія Святославомъ Болгарія пользовалась независимостью и Греки платили дань за мирныя отношенія къ Болгарамъ. Въ отвѣтъ на неосновательное требованіе Цимисіа, Святославъ считалъ себя въ правѣ предложить *узуртатору* власти византійскаго императора переселиться въ завоеванныя его оружіемъ области

снарядилъ новое посольство, долженствовавшее указать Святославу на клятвенный договоръ его предковъ“; сказать, что, оставаясь въ Болгаріи, Святославъ „нарушитъ сказанный договоръ“; напомнить Святославу, что его отецъ, „нарушивъ клятвенный договоръ своихъ предковъ“, потерпѣлъ великое бѣдствіе; наконецъ, предупредить, что, оставаясь въ Болгаріи, Святославъ вооружить противъ себя все римское войско, и тогда не миновать ему бѣдствія, а придется погибнуть со всѣми войсками своими въ занятой странѣ. Святославъ отвѣчалъ: „передать римскому государю, чтобъ онъ не трудился путешествовать къ намъ; мы сами скоро станемъ лагеремъ подъ стѣнами Византіи. Только по невѣжеству своему императоръ считаетъ возможнымъ устрашить насъ своими угрозами, какъ пугаютъ дѣтей пустыми чучелами“ 1).

Получивъ такой отвѣтъ, императоръ торопливо сталъ готовиться къ войнѣ, чтобъ предупредить движеніе Святослава на Константинополь. Несмотря на зимнее время, немедленно были посланы отряды войскъ въ пограничныя области Болгаріи, подъ предводительствомъ лучшихъ полководцевъ; а весной *Іоаннъ лично выступилъ противъ Святослава со всѣми военными силами Византіи*. Послѣдовалъ рядъ упорныхъ сраженій Грековъ со „Скивами-Россами“. Сосредоточивъ свои войска у города Преславы, Іоаннъ взялъ его приступомъ. Защитники Преславы, воевода Сфенкель и Калокиръ бѣжали къ городу Дористолу, гдѣ стоялъ Святославъ со всѣми своими силами 2).

По взятіи Преславы Іоаннъ послалъ къ Святославу нѣсколько плѣнныхъ съ предложеніемъ прекратить войну и немедленно оставить Болгарію. Святославъ не отвѣчалъ. Прождавъ нѣсколько дней отвѣта, Іоаннъ со всѣми своими силами двинулся къ Дористолу, *взявъ по пути Плискуву, Димею и многіе другіе города, отложившіеся отъ Скивовъ и передавшіеся Римлянамъ*. Подъ стѣнами Дористола послѣдовалъ рядъ битвъ, въ которыхъ Святославъ потерялъ двадцать тысячъ воиновъ и главнѣйшихъ своихъ воеводъ-богатырей: храбраго исполина Икмора, перваго полководца послѣ Святослава, и сильнаго великана Сфенкела, занимавшаго третье мѣсто послѣ Святослава 3).

На другой день сраженія, въ которомъ былъ убитъ русскій бо-

Азіи и оставить Европу, непринадлежащую ему по праву рожденія или военной добычи.

1) Тамъ же; кн. VI, гл. 10.

2) Тамъ же; кн. VI, гл. 11—13; кн. VIII, гл. 1—7.

3) Тамъ же; кн. VIII, гл. 8—10; кн. IX, гл. 2 и 6.

гатырь Икморъ, Святославъ созвалъ лучшихъ мужей своихъ для обсуждения своего положенія. *На советъ* одни предлагали: ночью сѣсть тихо на суда и спасаться бѣгствомъ, такъ какъ, потерявши первыхъ ратоборцевъ, невозможно продолжать войну; другіе совѣтовали: *возобновить клятвенный договоръ съ Греками*, такъ какъ невозможно сохранить оставшіяся войска тайнымъ бѣгствомъ, въ виду огненосныхъ греческихъ судовъ, стерегущихъ русскія суда. „Тогда Святославъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ: погибнетъ слава, соупутница русскаго оружія, *побѣждавшаго безъ труда соседніе народы и безъ пролитія крови покорявшаго цѣлыя страны* ¹⁾, если мы теперь постыдно уступимъ Римлянамъ. Итакъ, съ храбростью предковъ нашихъ и съ тою мыслью, что русская сила была доннынѣ непобѣдима, *сразился мужественно на жизнь нашу. У насъ нѣтъ обычая спасаться бѣгствомъ, но или жить побѣдителями, или, совершивши великіе подвиги, умереть со славою*. *Тавроскиевы рѣшились отдать свою жизнь опасности и сразиться съ римскою силою*“ ²⁾.

На другой день войска противниковъ построились къ послѣдней битвѣ. Началось упорное, жестокое сраженіе, долго остававшееся нерѣшеннымъ; но личное вмѣшательство въ битву императора Іоанна и внезапно поднявшаяся буря, засыпавшая пылью глаза Скиѣамъ, рѣшили битву въ пользу Римлянъ. *Разбитые Скиѣвы бѣжали въ городъ*. „Самъ Святославъ, раненый и истекавшій кровью, не остался бы живъ, если бы не спасла его наступившая ночь. Говорятъ, что въ этомъ сраженіи *Святославъ потерялъ 15 тысячъ Скиѣвовъ* и взято было 20 тысячъ щитовъ и множество мечей“ ³⁾.

Содержаніе договора 971 года по византійской и русской лѣтописи.

Всю ночь горевалъ Святославъ о пораженіи своей рати; но, чувствуя, что уже не можетъ продолжать войну, почиталъ своею обязанностью употребить всѣ средства для спасенія уцѣлѣвшихъ

¹⁾ Ср. П. С. Р. Л. I, стр. 10, 27.

²⁾ Тамъ же; гл. 7 и 8. Ободрительная рѣчь Святослава къ его воинамъ выражается въ русской лѣтописи слѣдующими словами: „и рече Святославъ: „уже [намъ] нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу. *Да не поспалимъ земли русской! но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имуть; аще ли побѣдимъ, срагъ имамы убѣжати*; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду; аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою“. И рѣша вои: „*идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ*“. П. С. Р. Л. I, 30. Приложенія, стр. 37.

³⁾ Тамъ же; гл. 8—10.

его воиновъ. Такимъ образомъ, на другой день послѣдняго сраженія Святославъ шлетъ пословъ къ Иоанну и проситъ мира на слѣдующихъ условіяхъ: „Тавроскиевы сдаютъ Римлянамъ Дористоль, отпускаютъ плѣнныхъ, оставляютъ Мизию и возвращаются въ свое отечество; а Римляне должны дозволить имъ безопасно отплыть, не нападая на нихъ съ огненосными судами; должны снабдить ихъ съѣстными припасами и дозволить привозить къ себѣ хлѣбъ, а посланныхъ для торговли въ Византию принимать какъ союзниковъ, по старому установленію“ ¹⁾.

„Императоръ охотно принялъ предложенныя ему условія, утвердилъ ихъ и распорядился дать каждому русскому воину по двѣ мѣры хлѣба. Получившихъ хлѣбъ было только 22 тысячи человекъ, оставшихся отъ шестидесятитысячнаго русскаго войска; слѣдовательно, 38 тысячъ пали отъ римскаго меча. По утвержденіи договора, Святославъ предложилъ свиданіе съ императоромъ для личныхъ переговоровъ. Императоръ принялъ предложеніе и въ позлащенномъ вооруженіи, верхомъ на конѣ, пріѣхалъ къ берегу Дуная, сопровождаемый большимъ отрядомъ всадниковъ, блиставшихъ доспѣхами. Святославъ переѣхалъ рѣку на морской лодкѣ и, съ весломъ въ рукахъ, гребъ наравнѣ съ прочими, безъ всякаго различія. Наружность его была такова: средняго-росту, густыя брови, голубые глаза, ровный носъ, бритая борода, густые и длинные волосы на верхней губѣ; голова голая, только съ одной стороны висѣлъ локонъ волосъ, означавшій знатность рода; шея толстая, плечи широкія; весь станъ очень стройный; казался онъ мрачнымъ и суровымъ; въ одномъ ухѣ висѣла у него золотая серьга съ двумя жемчужинами и рубиномъ посреди ихъ; одежда на немъ была бѣлая, ничѣмъ отъ другихъ неотличная, кромѣ чистоты. Такимъ образомъ, поговоривъ нѣсколько съ императоромъ о договорѣ, сидя въ лодкѣ на лавкѣ, онъ переправился назадъ. Такъ кончилась война Римлянъ со Скивами“ ²⁾.

Отдавъ по договору плѣнныхъ, Святославъ отплылъ въ свое отечество; но Пацинаки (Печенѣги), многочисленный кочевой народъ, нечаянно напали въ пути на Святослава, убили его и перебили сопровождавшихъ его воиновъ, такъ что немногіе изъ нихъ благополучно возвратились подъ родные крowy ³⁾.

Въ русской лѣтописи исторія войны и договора Святослава съ Цимхскимъ сохранилась только въ отрывкахъ, неполныхъ согласныхъ

¹⁾ Тамъ же; гл. 10.

²⁾ Тамъ же; гл. 11.

³⁾ Тамъ же; гл. 12.

съ исторіей Льва Діакона въ отношеніи порядка событій и частію ихъ содержанія. Излагая лѣтопись княженія Святослава, Несторъ соединилъ переговоры Цимисхія со Святославомъ, предшествовавшіе войнѣ, съ переговорами, слѣдовавшими за послѣднею битвою подъ стѣнами Дористола; а описаніе этой битвы, съ ободрительною рѣчью Святослава, помѣстилъ въ самомъ началѣ войны съ Цимисхіемъ, а не въ концѣ ея ¹⁾. Съ другой стороны, въ русской лѣтописи сохранилась *копія договора Святослава съ Цимисхіемъ 971 года*, приведеннаго въ исторіи Льва Діакона только по предложенію Святослава.

О посольствѣ Святослава, заключившемъ договоръ съ Цимисхіемъ 971 года, и содержаніи этого договора въ русской лѣтописи говорится слѣдующее. Видя малочисленность своей дружины, такъ какъ многіе были перебиты въ битвахъ, *Святославъ послалъ сказать царю*, бывшему тогда въ Дерестрѣ, что онъ желаетъ заключить съ нимъ прочный миръ и дружественный союзъ. *Царь съ радостью принялъ это предложеніе* и послалъ Святославу дары больше прежнихъ. Принявъ дары, *Святославъ созвалъ свою дружину на советъ* и сказалъ ей: „если не заключимъ мирнаго договора съ царемъ, то онъ обступитъ насъ въ городѣ, а насъ мало, Печенѣги въ войнѣ съ нами, никто намъ не поможетъ. *Заключимъ же договоръ съ царемъ; платитъ дань Греки согласились* и это намъ достаточно; *а не станетъ царь исправно выплачивать дань*, то, умноживши войска, мы снова двинемся на Царьградъ изъ Руси“ ²⁾. Это предложеніе понравилось дружинѣ. *Посланы были мужи къ царю*. На другой день царь призвалъ ихъ и сказалъ: „пусть говорятъ русскіе послы“. Они же сказали: „такъ говоритъ нашъ князь: хочу имѣть навсегда прочную дружбу съ греческимъ царемъ“. Царь же былъ доволенъ и приказалъ писцу записать на бумагѣ всѣ слова Святослава. Посоль началъ говорить, а писецъ записалъ слѣдующее:

„Согласно съ предварительнымъ соглашеніемъ, заключеннымъ при русскомъ князѣ Святославѣ и при Свѣнальдѣ, писаннымъ при Синкелѣ Θεοφιλѣ, къ Ивану, нарицаемому Цимисхію, царю греческому, въ Дерестрѣ, въ мѣсяцѣ іюль, индикта въ 14, въ лѣто 6479 (971): Я, Святославъ, русскій князь, что обѣщаль, то и утверждаю

¹⁾ См. П. С. Р. Л. I, 29, 30. Приложенія, стр. 35—39.

²⁾ „Створимъ миръ со царемъ; се бо пы ся по дань ялъ, и то буди довольно намъ; аще ли почнетъ неуправливати дани, да изнова изъ Руси, совокупивше вои, умноживше, поидемъ къ Царюграду“.

настоящимъ клятвеннымъ договоромъ, Буду имѣть *миръ и полный дружественный союзъ* со всякимъ царемъ греческимъ, съ Василиемъ и Константиномъ, боговдохновенными царями, и со всѣми людьми вашими, а равно и всѣ состоящія подѣ моею властью Русскіе, князья, бояры и всѣ Русскіе, до конца вѣка. Никогда *не буду посягать на страну вашу*, ни собирать войска, ни наводить другой народъ, ни на области, стоящія подѣ греческою властью, *область Корсунскую*, со всѣми ея городами, и *область Болгарскую*; а если кто другой посягнетъ на страну вашу, то и я буду противникъ его и стану бороться съ нимъ. Соотвѣтственно моей клятвѣ къ греческимъ царямъ и состоящихъ подѣ моею властью бояръ и всѣхъ Русскихъ, *мы будемъ исполнять установленные договоры, а если тѣхъ прежнихъ договоровъ не исполнимъ*, я, или состоящія при мнѣ, или состоящія подѣ моею властью, то да будемъ прокляты Богомъ, въ котораго мы вѣруемъ, Перуномъ и Волосомъ, скотымъ богомъ, да пожелтѣемъ, какъ золото, и своимъ оружіемъ да изсѣчены будемъ. Вѣрьте совершенному, написанному {на этой бумагѣ и нашими печатами запечатанному“ ¹⁾.

Отношеніе договора 971 года къ договорамъ 907, 911 и 945 г.

Слѣдовательно, договоръ 971 года только возобновилъ дѣйствіе *прежнихъ договоровъ* кievскихъ князей съ византійскими императорами и прибавилъ къ нимъ одно новое условіе: *обязательство русскаго князя не посягать на власть надѣ Болгаріей*. Темныя выраженія русскаго текста: „*да сохранимъ правая совѣщанья*; аще ли отъ тѣхъ самѣхъ *прежертвенныхъ* не сохранимъ“, совершенно ясно объясняются текстомъ договора византійской лѣтописи, которымъ Греки обязуются „*посылаемыхъ въ Византію для торговли признавать друзьями по древнему установленію*“. Подѣ древнимъ установленіемъ, опредѣлившимъ признавать (друзьями русскихъ купцовъ въ Константинополѣ, Святославъ и Цимисхій могли разумѣть только *постановленія договора Олега 907 года, подтвержденныя договорами 911 и 945 года*. Будучи только подтвержденіемъ старыхъ, прежнихъ договоровъ, договоръ 971 года не содержалъ въ себѣ *финансовыхъ постановленій и постановленій частнаго международнаго права, относящихся къ порядку торговли, процессуальнымъ, уголовнымъ и гражданскимъ отношеніямъ: сохранили силу постановленія этого рода, принятыя договорами Олега и Игоря*.

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 31. Лѣт. по Ипат. сп., стр. 48. Лѣт. по Кениг. сп., стр. 65. Лѣтоп. по Ник. сп., стр. 50. Приложенія, стр. 39.

За смертью Святослава и его мужей, перебитыхъ Печенѣгами на возвратномъ пути изъ Болгаріи въ Русь, слѣдуетъ *перерывъ въ союзныхъ отношеніяхъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами*. Въ эпоху кровавыхъ междоусобій между сыновьями Святослава невозможно было думать о возобновленіи договора съ Греками на прежнихъ основаніяхъ. Только съ возстановленіемъ единой державы въ Руси, *Владиміръ Святославичъ предпринялъ новый походъ противъ Грековъ*, но на пути въ Грецію *встрѣтилъ вѣру Христову*, и съ этого момента начинается новая эпоха въ исторіи сношеній Россіи съ Византіей.

ГЛАВА IX.

Подлинность договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами.

Научное значеніе вопроса.

*Копіи договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами, сохранившіяся въ русской лѣтописи, содержатъ въ себѣ цѣлую систему нормъ государственнаго, уголовного, гражданскаго и процессуальнаго права. По вѣрному замѣчанію Шлецера, если полнѣйшій изъ договоровъ, договоръ Олега съ императорами Львомъ, Александромъ и Константиномъ, былъ дѣйствительно, „то онъ составляетъ одну изъ достопамятностей всего средняго вѣка, что-то единственное во всемъ историческомъ мірѣ“, почему, добавляетъ онъ, „прошу русскаго читателя не смѣяться, что я съ такою подробностью разбираю слова и буквы этой рѣдкости“¹⁾. Но результатъ Шлецероваго разбора договоровъ былъ *отрицательный*; по его мнѣнію, „договоры *подложны, занесены въ Несторову лѣтопись позднѣйшимъ переписчикомъ его сочиненія*“²⁾. Эта доктрина и теперь еще защищается нѣкоторыми учеными въ нѣмецкой и русской историко-юридической литературѣ; одни признаютъ всѣ договоры позднѣйшею вставкою въ Несторову лѣтопись, а другіе почитаютъ таковою только „баснословный“ походъ и договоръ Олега 907 года, безъ которыхъ *однакоже остальные договоры не имѣютъ смысла*“³⁾.*

¹⁾ Шлецеровскій Несторъ; изд. 1816 г.; гл. II; стр. 693.

²⁾ Тамъ же; стр. 694 и слѣд. „*Всѣ главныя мои сомнѣнія*“, говоритъ Шлецеръ, „о подлинности Олеваго договора относятся и къ Игореву, а частію еще въ высшей степени. „*Да не смѣетъ никто поправлять этого*“. Тамъ-же; ч. III, стр. 208 и слѣд.; изд. 1809 г.

³⁾ С. М. Соловьевъ говоритъ: „Не думаемъ, что грамота (907 г.)

Историкъ-юристъ нашего времени, приступающій къ изученію исторіи русскаго права, долженъ остановиться на аргументаціи литературныхъ воззрѣній, отрицающихъ подлинность договоровъ Славяноруссовъ съ Греками X вѣка, а слѣдовательно, и годность ихъ въ значеніи средствъ познанія древнѣйшаго славянорусскаго права, долженъ получить твердое убѣжденіе въ ея основательности или ложности. Въ первомъ случаѣ договоры кievскихъ князей съ византійскими императорами должно исключить изъ ряда источниковъ познанія системы славянорусскаго права языческой эпохи, а во второмъ случаѣ *эти памятники должны послужить основаніемъ научнаго зданія по исторіи русскаго права, какъ богатое содержаніемъ, древнѣйшее и спеціальное собраніе славянорусскихъ юридическихъ нормъ.*

Основанія ученія о подложности договоровъ.

Ученіе о неподлинности сохранившихся въ русской лѣтописи договоровъ кievскихъ князей Олега и Игоря съ византійскими императорами опирается въ литературѣ на слѣдующія основанія: *отсутствіе сношеній у Кіевлянъ съ Греками до времени перваго похода князя Игоря на Константинополь, баснословіе лѣтописца въ повѣствованіи о походѣ князя Олега на Константинополь, молчаніе византійскихъ лѣтописей о договорахъ съ князьями Олегомъ и Игоремъ, несоответствіе показаній русской лѣтописи съ показаніями греческихъ историковъ о времени царствованія императоровъ Льва, Александра и Константина, несоответствіе содержанія договоровъ духу времени и условіямъ быта Славяноруссовъ X-го вѣка и темнота текста договоровъ.*

Мнимое отсутствіе сношеній у Кіевлянъ съ Византійей до времени князя Игоря.

Доказательству отсутствія сношеній у Кіевлянъ съ Греками до времени князя Игоря Шлецеръ посвятилъ особое разсужденіе, подѣ

была занесена въ лѣтопись самимъ начальнымъ лѣтописцемъ... *вставка договоровъ въ лѣтопись ясна*"... Исторія Россіи; т. I, прим. 181. Изд. 1866 года. По ученію проф. Сергѣевича: „Въ договорахъ *все сомнительно и спорно*... ни одинъ изъ нихъ *неизвѣстенъ византійскимъ историкамъ*... походъ Олега подѣ Константинополь описанъ въ русской лѣтописи *баснословными красками*... только договоръ 971 года представляется совершенно полнымъ и не возбуждаетъ никакихъ недоразумѣній ни по содержанію, ни по формѣ“. Лекціи и Исслѣдованія; стр. 99—110, 113 и слѣд.

заглавіемъ: „Доказательство, что Россы, бывшіе около 866 г. подъ Константинополемъ, были совсѣмъ отличныи отъ нынѣшнихъ Руссовъ народъ, и слѣдственно, не принадлежатъ къ Русской исторіи“¹⁾. Въ этомъ „Доказательствѣ“ предложена такая путаница фактовъ и соображеній, въ которой ничего разобрать невозможно. Цѣль всего разсужденія и его выводы выражаются въ слѣдующихъ положеніяхъ:

„Руссовъ узнали Византійцы только съ пораженія Игоря въ 941 году“²⁾.

„Россы, осаждавшіе въ 866 году Константинополь, никакъ не могутъ быть Осколдовыми Руссами! Первые составляли великій, сильный, завоевательный и давно уже извѣстный народъ, приводившій въ ужасъ всѣ берега Чернаго моря; Осколды же и Дирь, хотя бы и не сомнѣвались въ ихъ существованіи, были бѣдные странствующіе рыцари“³⁾.

„Сии Россы навѣрное не были настоящіе Руссы, за которыхъ и сами Византійцы ихъ не считали (?), почему впередъ никогда не надобно упоминать о нихъ въ Русской исторіи“⁴⁾.

„Простое сходство въ названіи, Росъ и Русъ, обмануло почтеннаго Нестора, ввело его въ заблужденіе, которое повторяли за нимъ 700 лѣтъ сряду безъ всякаго разсмотрѣнія“⁵⁾.

Археологическія находки нашего времени дѣлаютъ излишнимъ разборъ приведенныхъ положеній.

Мнимое баснословіе русскаго летописца.

Походъ князя Олега на Константинополь признается въ литературѣ новаго времени „баснословнымъ“ и „легендарнымъ“. Основанія этому воззрѣнію были положены также Шлецеромъ. Въ его изданіи „Нестора“ говорится, что князь Олегъ, подплывъ на судахъ къ гавани Константинополя, „приказалъ войскамъ своимъ надѣлать колесъ и поставить корабли на колеса. Возсталъ попутный вѣтеръ, подушій въ паруса, и такимъ образомъ двинулись по полю въ корабляхъ къ городу“⁶⁾. Затѣмъ Шлецеръ доказываетъ подробно невозможность „плаванія по сушѣ въ корабляхъ“, что „это глупое

1) Шлецеровскій Несторъ; изд. 1816 г.; ч. II, стр. 86—116.

2) Тамъ же; стр. 92.

3) Тамъ же; стр. 107.

4) Тамъ же; стр. 109.

5) Тамъ же; стр. 112, 113, 114.

6) Тамъ же; стр. 626.

плаваніе по сушѣ выдумано русскимъ лѣтописцемъ“, что онъ „стыдится даже говорить *объ этой глупости*“, и т. д. ¹⁾.

Конечно, изготовленіе колесъ и постановка лодокъ на колеса съ цѣлью переплыть поле, отдѣлявшее морской берегъ отъ стѣны Константинополя, сказочная безмыслица. Но *эта безмыслица принадлежитъ Шлецеру*, а не русскому лѣтописцу. Во всѣхъ спискахъ лѣтописнаго текста говорится одинаково слѣдующее. Когда войско Олега въ лодкахъ и на коняхъ приблизилось къ Константинополю, то Греки заперли гавань и крѣпость. Послѣдовавшее затѣмъ опустошеніе окрестностей Константинополя не вызвало Грековъ ни на битву, ни на переговоры. Тогда Олегъ рѣшился взять городъ приступомъ: „И повелѣ Олегъ воямъ своимъ колеса пѣдѣлати и вставити корабля на колеса и бывшую покосну вѣтру, усіяша прѣ съ поля и *идяше къ городу*“ ²⁾. Слѣдовательно, по точному смыслу лѣтописнаго подлинника, воины Олега *шли съ кораблями, поставленными на колеса, а не плыли по сушѣ въ корабляхъ*. Далѣе лѣтописецъ говоритъ о страхѣ Грековъ, увидѣвшихъ движеніе воиновъ Олега съ лодками на крѣпость; о просьбѣ ихъ пощадить городъ; о переговорахъ и заключеніи договора, которымъ константинопольскіе царіи обязались платить дань кievскому князю. Движеніе воиновъ Олега на Константинополь съ кораблями на колесахъ и страхъ Грековъ за гибель ихъ города стоятъ у лѣтописца въ непосредственной логической связи: *это движеніе имѣло значеніе цѣлесообразнаго средства взять приступомъ Константинопольскую крѣпость*. Дѣйствительно, лодки съ парусами, двинутыя на колесахъ къ стѣнамъ Царьграда, должны были защищать осаждавшихъ городъ отъ стрѣлъ осажденныхъ въ немъ; а съ другой стороны, тѣ же лодки, придвинутыя къ стѣнамъ крѣпости, могли послужить матеріаломъ, по которому легко было взобраться на высокія стѣны Константинополя, считавшіяся неприступными. Вотъ почему Греки, допустившіе безнаказанное опустошеніе Русскими окрестностей

¹⁾ Тамъ же; стр. 627, 628, 751, 762 и др. Шлецеровское толкованіе лѣтописной исторіи Олегова похода было принято Карамзинымъ (Исторія Государства Россійскаго; т. I, прим. 315), Каченовскимъ и послѣдующими историками и историками-юристами. По словамъ проф. Сергѣевича, „удачный походъ Олега къ Цареграду описанъ въ лѣтописи баснословными красками“. Баснословнымъ кажется автору „побѣдоносное движеніе Олега къ Царьграду *на корабляхъ, поставленныхъ на колеса и снабженныхъ парусами*“. Лекціи и Исслѣдованія; стр. 99, 101.

²⁾ См. Приложение № II, стр. 20.

Царьграда, равнодушно ждавшие обыкновеннаго приступа непріятеля къ непобѣдимому городу, „убояшася“ при видѣ движенія Руссовъ съ кораблями и поспѣшили предложить миръ на условіяхъ Олега. Вотъ почему и князь Олегъ, придумавшій вѣрное средство взять приступомъ Константинополь, казался Грекамъ равнымъ непобѣдимому воину — святому Димитрію Солунскому, а у Русскихъ былъ прозванъ „вѣщимъ“—вѣщуномъ.

Способъ осады крѣпостей посредствомъ подвижнаго укрѣпленія, устроеннаго на колесахъ, практиковался въ древней Руси до времени введенія въ употребленіе огнестрѣльныхъ снарядовъ. Такое укрѣпленіе называлось въ древней Руси „гуляй городомъ“ и „обознымъ градомъ“. Въ одномъ изъ лѣтописныхъ описаній осады города Москвы говорится: „близъ же града, яко поприща два, поставиша градъ, обозъ нарицаемый, иже нѣкоею мудростію на колесницахъ устроенъ и къ бранному ополченію zelo удобенъ“¹⁾. Въ исторіи самой Византіи былъ и другой примѣръ приступа къ крѣпости Константинополя, подобный приступу Олега. Въ Кантемировой Исторіи Оттоманской Порты приводится извѣстіе (повторенное и въ Ритгеровомъ „Описаніи Константинополя“), по которому: „Султанъ Магометъ осуществилъ одинъ изъ отважнѣйшихъ замысловъ, записанныхъ въ исторіи. Видя, что цѣпи, протянутыя предъ входомъ въ гавань Константинополя, невозможно было ни отпереть, ни разорвать, онъ приказалъ посредствомъ нѣкоторыхъ снастей передвинуть въ гавань сухимъ путемъ 80 галеръ съ натянутыми парусами, развивавшимися на сухомъ пути“, и такимъ способомъ Магометъ взялъ Константинополь.

Слѣдовательно, въ движеніи Олеговыхъ воиновъ съ лодками, поставленными на колеса, отъ морского берега къ стѣнамъ Константинополя, ничего нѣтъ баснословнаго, невѣроятнаго. Это не бессмысленное плаваніе въ лодкахъ на сушѣ, выдуманное Шлецеромъ, а цѣлесообразный способъ военнаго приступа къ крѣпости. Для осады Константинополя Олегъ употребилъ подвижную крѣпость, древнерусскій „обозный градъ“ или „гуляй городъ“, матеріаломъ для котораго послужили лодки, поставленные на колеса.

Другимъ баснословнымъ извѣстіемъ въ лѣтописной исторіи Олегова похода признается Шлецеромъ и его послѣдователями свидѣтельство о парусахъ, сдѣланныхъ Греками по приказанію Олега. Въ лѣтописи говорится такъ: „И рече Олегъ: „испійте прѣ наволочиты Руси, а Словѣномъ кропинныи“. И вспяша Русь прѣ наволо-

¹⁾ О „гуляй городѣ“ или „обозномъ градѣ“. См. *Д. Самохвасова: Древніе города Россіи; стр. 33.*

читые, а Словѣне *кропинные*, и раздра я вѣтрѣ. И ркоша Словѣне: имемся своимъ толстинамъ, не даны суть Словѣномъ прѣ *кропинные*“. Въ Шлецеровскомъ Несторѣ выраженія „прѣ паволочитые“ и „прѣ кропинные“ замѣнены выраженіями „*парусы парчевые*“ и „*парусы крапивные*“, а въ толкованіи этого мѣста Шлецеръ утверждаетъ, что „*паволоки означаютъ драгоценную ткань, золотую парчу*“, а лѣтописная „*кропина неоспоримо есть крапива*“. Но подлинникъ русской лѣтописи говоритъ не о *парчѣ*, шитыхъ золотомъ и серебромъ тканяхъ, называвшихся у насъ *узорочьемъ*, а о *паволокахъ*, означающихъ въ лѣтописи *шелковыя ткани*, называвшіяся у грековъ *бабилонскими тканями*. Лѣтописный подлинникъ говоритъ не о *парусахъ изъ крапивы*, а о *парусахъ изъ кропины* — бумажной матеріи (что объяснилъ еще Татищевъ). Кропиною, кропинкою и кропнымъ полотномъ до сихъ поръ называются въ Малороссіи узорчатыя *бумажныя или ситцевыя ткани*. Отсюда понятно, почему кропинные паруса славянскихъ лодокъ разодралъ вѣтеръ, и Славяне замѣнили ихъ снова своими холстинами. Что же касается шелковыхъ парусовъ, сдѣланныхъ для кораблей Олега, то *всеобщая исторія представляетъ многіе примѣры оснащенія въ древности кораблей побѣдителя шелкомъ на счетъ побѣжденнаго*, начиная съ Алкивиада, возвратившагося изъ побѣжденной Спарты въ Аѣины на кораблѣ, оснащенномъ виссономъ и багряницей, и кончая Кавендышемъ, на счетъ побѣжденныхъ Испанцевъ, оснастившимъ свои корабли шелковыми парусами, и нашимъ Ст. Разинымъ, возвратившимся изъ погрома персидскаго въ Астрахань на кораблѣхъ, оснащенныхъ шелковыми веревками и парусами.

За объясненіемъ свидѣтельствъ о движеніи воиновъ Олега къ стѣнамъ Царьграда съ кораблями, поставленными на колеса, и о парусахъ изъ паволоки и кропины, въ *лѣтописномъ разсказѣ о походѣ и договорѣ Олега 907 года нѣтъ ничего, имѣющаго характеръ сказочный или легендарный*.

Мнимое молчаніе Византійцевъ о договорахъ съ Руссами X-го вѣка.

Молчаніе византійской лѣтописи о договорахъ съ Руссами представляетъ собою также домысль Шлецера: „Я раскрываю византійскія лѣтописи и смотрю“, говоритъ онъ, „что случилось въ послѣднюю четверть IX и первую X столѣтій,—и ни словечка о важномъ русскомъ походѣ 907 года? ни словечка о торжественномъ договорѣ? Это, признаюсь, для меня непонятно, хотя и помню я замѣчаніе, сдѣланное уже Байеромъ, что именно въ этомъ періодѣ, столь важномъ для русскаго историка, находится пустота, пере-

рывъ въ византійской лѣтописи“¹⁾. Мы видѣли выше, что отъ послѣдней четверти IX вѣка сохранились показанія трехъ византійскихъ историковъ-современниковъ событій о пребываніи Руссовъ въ Царьградѣ и договорахъ Руссовъ съ Михаиломъ III и Василиемъ Македоняниномъ²⁾. Отъ времени княженія Олега въ Кіевѣ свѣдѣній о сношеніяхъ и договорахъ Руссовъ съ Греками въ византійскихъ лѣтописяхъ не сохранилось, а причина тому, какъ говорить и самъ Шлецеръ, указана еще Байеромъ: „пустота, перерывъ въ византійской исторіи этой эпохи“³⁾. Изъ греческихъ лѣтописцевъ второй половины X вѣка сохранился Левъ Діаконъ Калойскій, какъ мы видѣли, говорящій ясно и неоднократно о договорахъ съ Греками предковъ Святослава и Игоря, а таковыми могли быть только договоры Олега и Игоря⁴⁾.

Мнимая невѣрность хронологіи договоровъ.

„Годовыя числа“, утверждаетъ Шлецеръ, „относящіяся ко времени договоровъ Олега, означенныя въ русской лѣтописи, явно неустѣрны. Подъ 907 годомъ называются Левъ и Александръ, какъ царствовавшіе въ это время вмѣстѣ императоры; договоръ 912 года подписывается въ сентябрѣ, а царствовавшими тогда императорами называются Левъ, Александръ и Константинъ,—все это неустѣрно: Левъ царствовалъ по 11 мая 911 года; Александръ никогда не царствовалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Львомъ и умеръ 7 іюня 912 года, а Константинъ былъ тогда еще ребенкомъ, на 7 году отъ рожденія, и вступилъ на престолъ послѣ дяди его Александра. Здѣсь противорѣчія во времясчисленіи слишкомъ грубы“⁵⁾. Но академикъ Кругъ, написавшій специальное сочиненіе, посвященное византійской хронологіи, доказалъ, что соображенія Шлецера, направленные противъ вѣрности хронологіи русской лѣтописи вообще и относящейся къ договорамъ въ частности, явились результатомъ незнанія Шлецеромъ византійской хронологіи; что Шлецеръ въ своихъ исчисленіяхъ не принялъ во вниманіе различія въ началѣ года по русской и византійской хронологіи; что греческій императоръ Левъ умеръ не въ 911, а въ 912 году; что Левъ, Александръ и Константинъ соправительствовали въ 911 году,

1) Шлецеровскій Несторъ; ч. II; стр. 754 и слѣд.

2) См. выше стр. 105.

3) Шлецеровскій Несторъ; ч. I, стр. 353; ч. II, стр. 756 и слѣд.

4) См. выше; стр. 123, 125.

5) Шлец. Несторъ; ч. II, стр. 753.

такъ какъ Константинъ былъ коронованъ еще ребенкомъ; что вообще „хронологія русской лѣтописи, относящаяся къ договорамъ, соотвѣтствуетъ византійской хронологіи“¹⁾).

Мнимое несоотвѣтствіе содержанія договоровъ духу времени:

„Есть множество древнихъ бумагъ“, говоритъ Шлецеръ, „которыя неподлинность неоспоримо можно доказать и по одному ихъ внутреннему содержанію. Можно начесть цѣлую дюжину такихъ мѣстъ, которыя никакъ не могли написать приведенныя въ договорахъ лица“²⁾).

Это положеніе высказано Шлецеромъ безъ примѣровъ, совер-

¹⁾ См. соч. Круга: „Kritische Versuch zur Aufklärung der Byzantischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands“; 1810, s. 108 u. s. w. „Когда знаменитый критикъ Шлецеръ, говоритъ Эверсъ, въ первый разъ обратилъ свое вниманіе на договоры Олега и Игоря съ Греками, которые такъ ясно раскрываютъ предъ нами понятія древнихъ Руссовъ о правѣ, то онъ напелъ ихъ въ высшей степени важными... Но онъ возмущенъ былъ въ своей радости мнимымъ открытіемъ нѣкоторыхъ невѣрностей въ означеніи времени, молчаніемъ Византійцевъ и отчасти даже содержаніемъ... Старецъ, оказавшій безсмертныя заслуги Русской Исторіи своими изысканіями, не дожидъ до того времени, какъ Кругъ съ такою основательностью разстѣлялъ его сомнѣнія относительно хронологіи, что послѣ того уже никто не дерзнетъ повторять ихъ, кто только способенъ понимать силу историческаго доказательства. Если бы и самъ Шлецеръ получше рассмотрѣлъ состояніе наполненной промѣжутками исторической литературы у Византійцевъ въ селъ періодъ времени, то едва ли бы молчаніе ихъ показалось ему подозрительнымъ“. Древнѣйшее русское право; переводъ Платонова. Петербургъ. 1835 г., стр. 133 — 135. „Знаменитый критикъ“, „нѣмецкій старецъ, будто-бы оказавшій безсмертныя заслуги русской исторіи своими изысканіями“, уличенный Кругомъ въ искаженіи византійской хронологіи и исторіи, во второмъ изданіи своего „Нестора“ оправдывался слѣдующими словами: „Перечитавъ все это (относящееся къ договорамъ) снова, пашелъ я многія разности въ числопоказаніяхъ изъ византійской исторіи. Это не типографскія и не мои ошибки (?). Отъ ученаго человѣка, занимающагося существенною частью исторіи, нельзя требовать, чтобы онъ цѣлые мѣсяцы сидѣлъ надъ повѣркою чиселъ“. Шлец. Несторъ; ч. III, стр. 263, 264. Изд. 1809 г.

²⁾ Шлецеровскій Несторъ; ч. II, стр. 758.

шенно голословно. По мнѣнію Карамзина, напротивъ „хотя византійскіе лѣтописцы не упоминають о договорахъ Олега и Игоря, но *содержаніе оныхъ такъ вѣрно представляетъ намъ взаимныя отношенія Грековъ и Россіянъ X вѣка, такъ сообразно съ обстоятельствами времени, что мы не можемъ усомниться въ ихъ истиннѣ*“ ¹⁾.

Мнимая темнота содержанія договоровъ.

„Когда я“, говоритъ Шлецеръ, „занимаясь критическою своею работою, дошелъ до сего договора (907 года), то остановился, ибо *не встрѣчалъ еще въ лѣтописяхъ ничего, столь для меня непонятнаго...* Вотъ гдѣ начинается мука для толкователя! Всѣ списки такъ искажены, что здѣсь, а еще болѣе въ слѣдующемъ пространномъ мирномъ договорѣ, на многихъ мѣстахъ совершенно ничего не поймешь“ ²⁾. Дѣйствительно, въ Шлецеровскомъ текстѣ Несторовой лѣтописи многое непонятно. Но *причина этой темноты—самъ Шлецеръ*. Сравнивая списки лѣтописи, Шлецеръ выбиралъ описки изъ позднѣйшихъ списковъ, вставлялъ ихъ въ текстъ древнихъ списковъ и такимъ образомъ составлялъ свой непонятный „сводный текстъ“, называемый имъ подлинникомъ русской лѣтописи, и эту *свою работу* онъ приписывалъ древнему тексту памятника. Въ древнѣйшихъ спискахъ Несторова свода говорится: „заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблій... и потомъ даяти уклады... да приходятъ Русь *хлѣбное* емлють, елико *хотятъ*; а иже придуть гостье, да емлють мѣсячину... пойдуть же Русь *домови*, да емлють у царя вашего *на путь* брашно...“ и т. д. ³⁾. Ничего непонятнаго здѣсь нѣтъ. Шлецеръ же составилъ изъ описокъ позднѣйшихъ списковъ русской лѣтописи слѣдующій текстъ условій договора 907 года, предложенныхъ Олегомъ: „Заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 *корабль*... а потомъ даяти *углады*... да приходючи Русь *слобное* емлють, елико *хотячи*. А иже придуть гости *егда* емлють мѣсячину. Пойдучи же Русь *за ся*, да емлють у царя вашего брашно“ и т. д. Въ переводѣ и критикѣ содержанія договоровъ Славяноруссовъ съ Греками Шлецеръ употребилъ тѣ же средства, какія употреблены имъ въ отрицаніи свидѣтельствъ русской лѣтописи о разселеніи Славянъ въ Европѣ, родствѣ Славянъ со Скивами, древнихъ сношенійхъ Кіевлянъ съ Византіей и т. д. ⁴⁾.

¹⁾ Ист. Гос. Рос.; т. I, стр. 94.

²⁾ Шлец. Несторъ; II, 642, 694, 696.

³⁾ П. С. Р. Л.; I, стр. 13. Приложенія, стр. 21.

⁴⁾ См. Самоквасова: Ист. рус. права; в. II; с. 87, 91—93, 97—106.

Темнота содержанія договоровъ принадлежитъ не подлиннику русской лѣтописи, а „сводному тексту“ Шлецера и его „толкованіямъ“ этого текста.

Языкъ договоровъ.

Но лѣтописныя свидѣтельства о походахъ кіевскихъ князей на Константинополь и содержаніе договоровъ Славяноруссовъ съ Греками, дѣйствительно, *менѣе понятны, нежели Несторовы рассказы*, составляющіе безгоднаго введенія перваго кіевского лѣтописнаго свода. Причина этого различія заключается въ томъ, что рассказы Нестора писаны славянорусскимъ языкомъ христіанскаго времени, а рассказы о походахъ Руссовъ на Царьградъ и договоры съ Греками представляютъ намъ *славянорусскій языкъ языческой эпохи*, еще не обновленный рѣдепціей Священнаго Писанія и другихъ памятниковъ христіанской письменности византійской и южныхъ Славянъ. Рассказы о походахъ Славяноруссовъ на Царьградъ и договоры съ Греками были списаны Несторомъ изъ лѣтописей княженія Олега, Игоря и Святослава ¹⁾, а потому представляютъ намъ *языкъ X вѣка, лаконическій, народный, въ которомъ многое измѣнилось подѣ влияніемъ рецепціи христіанства* ²⁾.

Въ языкѣ договоровъ съ Греками, какъ древнѣйшихъ изъ сохранившихся памятниковъ славянорусской письменности, написанныхъ языкомъ X вѣка, въ которомъ *многое измѣнилось въ теченіе послѣдующаго 800-лѣтняго развитія*, встрѣчается много словъ и выраженій, *вышедшихъ изъ употребленія, или измѣнившихъ древнее значеніе*, истинный смыслъ которыхъ, не всякому понятный въ наше время, опредѣляется только научными средствами. Къ такимъ словамъ принадлежатъ: *судъ* (гавань-заливъ), *городъ* (крѣпость), *палаты* (дома), *корабль* (лодка), *пръ* (паруса), *покосны* (попутный), *положняники* (плѣнные), *ратіи* (военные), *гости* (купцы), *мужъ* (человѣкъ), *погани* (язычники), *невъголоси* (несвѣдущіе), *въщій* (мудрецъ), *миръ створити* (заключить договоръ), *ясиа* (привяли), *витать* (жить), *брашно* (борошно-мука), *мѣсячина* (помѣсячное содержаніе), *уза* (веревки), *мытъ* (пошлина), *рота* (присяга), *наволока* (шелковая ткань), *толстина* (холстъ), *узороше* (парча), *кромна* (бумажная матерія). Столько словъ въ лѣтописномъ описаніи по-

¹⁾ См. выше; гл. I; стр. 21—28.

²⁾ О языкѣ договоровъ съ Греками см. *П. А. Лавровскаго*: „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками“; Спб. 1853 г. *И. И. Срезневскаго*: „О договорахъ съ Греками“; въ Изв. Имп. Ак. Наукъ; I, стр. 309—326; III, 259—295.

хода и договора Олега 907 года, вышедшихъ изъ употребленія и измѣнившихъ прежнее значеніе; къ нимъ нужно прибавить „уклады“ и „ключь“, значеніе которыхъ и теперь еще неточно опредѣлено наукою. Пониманіе истиннаго смысла такихъ словъ и русскому ученому дается съ трудомъ, а иностранцу они должны казаться совершенно „безсмысленными описками переписчиковъ, непонятною тарабарщиною“. Отсюда понятно признаніе Шлецера: „когда я, занимаясь критическою своею работою, дошелъ до сего договора, то остановился, ибо не встрѣчалъ въ лѣтописяхъ еще ничего, столь для меня непонятнаго. Даже недавно еще думалъ я оставить все это безъ перевода“¹⁾.

Однако же трудность пониманія языка договоровъ Славяно-руссовъ съ Греками *относительна*. Многое, что казалось непонятнымъ и безсмысленнымъ въ прошедшемъ столѣтіи, совершенно понятно въ наше время, благодаря научнымъ изысканіямъ текущаго столѣтія; что кажется еще непонятнымъ въ наше время, то разъяснится наукою будущаго.

Необходимость связнаго изученія содержанія договоровъ X-го вѣка.

Есть и еще причина, затруднявшая пониманіе истиннаго смысла договорныхъ условій кievскихъ князей съ византійскими императорами X вѣка. Со времени Шлецера въ историко-юридической литературѣ договоры разсматриваются, *какъ отдѣльные, самостоятельные, безъ взаимной связи между ними и безъ общаго ихъ отношенія къ договору 907 года*, самая подлинность котораго отрицается. При такомъ возрѣннн, содержаніе договоровъ Славяноруссовъ съ Греками представляется отрывочнымъ, безсвязнымъ, непонятнымъ, возбуждающимъ множество литературныхъ сомнѣній¹⁾. Но факты,

¹⁾ Шлецеровскій Несторъ; ч. II, стр. 696. Во всякомъ случаѣ, это было бы полезнѣе для русской, славянской, византійской и германской исторіи, потому что Шлецеровскій переводъ „Несторовой лѣтописи“, съ его „толкованіями“, обманули и до сихъ поръ обманываютъ ученый міръ западной Европы и многихъ русскихъ ученыхъ, изучающихъ Несторовъ лѣтописный сводъ не въ подлинникъ, а въ переводъ и толкованія Шлецера.

¹⁾ Напримѣръ: „Наша начальная лѣтопись сохранила содержаніе *четыреухъ отдѣльныхъ договоровъ*... Въ точности всего этого повѣствованія о мирѣ 907 года и теперь есть поводы сомнѣваться... Число договоровъ, ихъ содержаніе, отношеніе этого содержанія къ

отмѣченные нами въ изложеніи исторіи и содержанія договоровъ, кажется, неоспоримо доказываютъ, что *договоры 911, 945 и 971 годовъ представляютъ собою только подтвержденія и дополненія договора 907 года*. Во вступленіи договора 911 года прямо говорится, что онъ заключенъ *согласно съ предыдущимъ договоромъ*, бывшимъ при царяхъ Львѣ и Александрѣ, и согласно съ клятвенными условіями и многократными словесными совѣщаніями, слѣдовавшими за договоромъ 907 года. Точно такъ же договоръ 945 года, по точному смыслу его текста, только *подтвердилъ и обновилъ ветхій миръ, старій договоръ*. Нѣкоторыя статьи этого договора прямо ссылаются на договоръ 907 года, *какъ на законъ дѣйствующій*. Наконецъ договоромъ 971 года русскій князь клянется *хранить ненарушимо прежнія совѣщанія, прежніе договоры*. Слѣдовательно, основнымъ закономъ, опредѣлившимъ отношенія Руси и Греціи въ X столѣтіи, былъ договоръ Олега 907 года, а договоры 911, 945 и 971 годовъ имѣли значеніе дополненій къ нему. Разсматривая содержаніе договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами во взаимной связи, мы получили возможность объяснить договорныя условія, казавшіяся непонятными изучавшимъ содержаніе договоровъ въ ихъ отдѣльности.

За доказательствомъ *мнимости основаній ученія Шлецера* о подлинности договоровъ Славяноруссовъ съ Греками X вѣка, подлинность этихъ памятниковъ не нуждается въ доказательствахъ. *Договоры содержатся во всехъ древнихъ спискахъ Несторова летописнаго свода, а слѣдовательно, были занесены въ сводъ Несторомъ, а не составлены его позднѣйшими переписчиками „по образцу византійскихъ и ганзейскихъ трактатовъ“*,—Богъ знаетъ съ какою цѣлью.

Глава X.

Народность права договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами.

Научное значеніе вопроса.

Рѣшеніе въ положительномъ смыслѣ вопроса о подлинности договоровъ Руссовъ съ Греками X-го вѣка еще не даетъ права признавать эти памятники *средствами познанія системы права Славяноруссовъ*, потому что можно предположить, что договоры *содер-*

русскому и греческому праву—*все здѣсь сомнительно и спорно*“. См. В. И. Сергѣевича: Лекціи и Исслѣд.; стр. 99—101.

жатъ въ себѣ не славянорусское, а *греческое право*. Если бы такое предположеніе было справедливо, то договоры кievскихъ князей съ византійскими императорами должны быть исключены изъ ряда источниковъ познанія исторіи русскаго права, какъ памятники, содержащіе въ себѣ право *чуждое русскому праву*. Отсюда, за рѣшеніемъ вопроса о подлинности договоровъ, наука исторія русскаго права должна рѣшить не менѣе важный вопросъ о народности ихъ содержанія.

Литературная исторія вопроса.

Литературная исторія вопроса о народности права договоровъ Славяноруссовъ съ Греками состоитъ въ неразрывной связи съ исторіей литературныхъ воззрѣній по вопросу о народности Руссовъ, призванныхъ новгородцами, и на степень культурнаго и гражданскаго состоянія въ эпоху призванія призваннаго племени и призванныхъ.

Въ исторической литературѣ прошедшаго столѣтія по вопросу о народности Варяго-Руссовъ, призванныхъ Ильменскими Славянами, были высказаны два воззрѣнія; по первому воззрѣнію, Варяго-Руссы было племя скандинавскаго, нѣмецкаго происхожденія, обитавшее въ землѣ, лежавшей на западъ отъ Балтійскаго моря; по второму воззрѣнію, Варяго-Руссы было племя финскаго или литовскаго происхожденія, обитавшее въ землѣ, лежавшей на востокъ отъ Балтійскаго моря, въ сосѣдствѣ съ Славянами Ильменскими.

Ученіе Байера.

Основателемъ ученія о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси былъ нѣмецкій историкъ *Сигфридъ Байеръ*, въ сочиненіяхъ „*De Varagis*“ и „*De origine Russorum*“ высказавшій предположеніе, по которому *Варяги-Руссы*, призванные Ильменскими Славянами, были *народъ германскаго происхожденія*, вышедшій въ новгородскую область изъ *Скандинавіи*. Это предположеніе Байеръ подтверждалъ ссылкой на воинственный характеръ обитателей Скандинавіи („такіе храбрецы не могли оставить въ покоѣ сосѣдній славянскій міръ“) и филологическимъ разборомъ древнѣйшей русской номенклатуры, сохранившейся въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ (германскія имена русскихъ князей, германскія имена пословъ въ договорахъ съ Греками, германскіе звуки въ русскихъ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ и пр.), по которому „на этимологической дыбѣ слово пишеть такъ, какъ хочеться жестокому словопроизводителю“.

Но самъ Байеръ сознавался, что въ Скандинавіи „*apud hos piratas inauditum nomen Varagorum*“¹⁾; а потому русскіе историки XVIII столѣтія не послѣдовали за ученіемъ Байера.

Ученіе школы Татищева.

„Если бы Рюрикъ пришелъ къ Славянамъ изъ Скандинавіи“, говоритъ *Ломоносовъ*, „то скандинавскіе историки не пропустили бы этого важнаго случая въ своихъ исторіяхъ, въ которыхъ вѣкъ Рюрика съ довольными обстоятельствами описанъ“²⁾. По ученію *Татищева*, Руссы было общее имя племенъ *финскаго происхожденія*. Руссы-Финны, занимавшіе область за *Финскимъ заливомъ*, назывались *Варягами*. „Венды (Славяне) пришедъ, Руссами овладѣли, и свой престолъ въ Гардариккіи утвердя, новое себѣ владѣніе основали, и оныя князи славенскіе, окончивъ мужское наслѣдство Гостомысломъ, *варяжскихъ* князей Рюрика съ братіею избрали“³⁾. Славяне, овладѣвъ русскимъ государствомъ, усвоили себѣ имя подвластныхъ племенъ, стали также называться *Руссами*⁴⁾. Съ передвиженіемъ изъ Новгорода въ Кіевъ славянорусскихъ князей, кіевская область стала называться также Русью, а *Поляне и все другія славянскія племена*, подвластныя кіевскимъ князьямъ, стали именоваться *Руссами*. *Варягоруссы и Славяноруссы*, живучи въ соѣдствѣ, въ эпоху призванія Рюрика „имѣли одинаковыя познанія и одно просвѣщеніе“⁵⁾.

1) Очеркъ литературныхъ воззрѣній по вопросу о народности Варяговъ-Руси см. въ Журналѣ Минист. Народн. Просв. за 1869 г. Ноябрь. Статья *Д. Самоковсова*: „Замѣтки по исторіи русскаго государственнаго устройства и управленія“.

2) Древняя Росс. Исторія отъ начала росс. народа до кончины В. К. Ярослава I, соч. *Мих. Ломоносова*, стр. 55 и 56.

3) См. *Д. Самоковсова*: „Исторія русс. права“; вып. I, стр. 3—6. „Школа Татищева“ Изд. 1878 г.

4) „Имя Руссовъ издревле, и гораздо прежде пришествія Славянъ было извѣстно. Руссы же жили не индѣ гдѣ какъ токмо около Ильмена, по Волхову... Когда Славяне, пришедъ изъ Вандаліи, поселилися между Руссовъ, тогда стало быть извѣстно и ихъ имя въ здѣшнемъ краю, но по времени и сами, отъ имени обладалнаго или предѣла, стали руссами называться“. См. *И. Болтина*; „Примѣчанія на исторію древ. и нын. Россіи. Г. Леклерка“; т. II, изд. 1788 г., с. 47.

5) Тамъ-же; т. II, стр. 110, 306—310; т. I, стр. 76.

Сущность воззрѣнія ученыхъ школы Татищева по интересующимъ насъ вопросамъ выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ: *Варяги*, призванные Славянами, были народъ *финскаго* или *лотовскаго* происхожденія, стоявшій на одной ступени цивилизаціи съ своими соседями-Славянами; въ эпоху договоровъ съ Греками Кіевскіе Славяне и Руссы составляли одинъ народъ въ этнографическомъ смыслѣ; степень образованности Руссовъ-Славянъ X-го вѣка выражается въ содержаніи договоровъ съ Греками, заключающихъ въ себѣ древнее славянское право.

Ученіе Шлецера.

Это ученіе Шлецера объявилъ „сказкою и невѣжествомъ“, а предположеніе Байера о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руссовъ — „истинною исторіей и безспорнымъ ученымъ доказательствомъ“. По ученію Шлецера, до призванія Норманновъ-Скандинавовъ-Руссовъ Славяне жили подобно зверямъ и птицамъ, которые наполняли ихъ лѣса, а Руссы жили подобно Дрокезамъ, управляясь своими кациками, родоначальниками, старшинами и атаманами. Дикіе разсѣянные Славяне соединяются „въ политическій составъ“, научаются строить города, получаютъ законы, научаются мореплаванію, знакомятся съ образованными Греками только со времени призванія Руссовъ-Скандинавовъ-Германцевъ... Договоры же Руссовъ съ Греками не могутъ быть подлинными, потому что показываютъ такую степень образованія, какую невозможно допустить у Руссовъ и Славянъ, занимавшихъ сѣверныя области Европы и до времени русскаго князя Игоря не имѣвшихъ никакихъ сношеній съ цивилизованными народами южной Европы. Это ученіе было обставлено Шлецеромъ такъ произвольно и грубо ¹⁾, такъ явно об-

¹⁾ „Скандинавы или Норманны“, говоритъ Шлецеръ, „основали русскую державу, въ этомъ никто не сомнѣвается, ни одинъ ученый историкъ въ этомъ не сомнѣвается; но какъ между всеми Русскими, писавшими до сихъ поръ русскую исторію, нѣтъ ни одного ученаго историка, то не удивительно, что всѣ они, Татищевъ, Ломоносовъ, Щербатовъ, также новѣйшій сочинитель краткой исторіи, все еще выдають Варяговъ за Славянъ, Прусовъ или Финновъ, что однако же 60 лѣтъ тому назадъ Байеръ такъ опровергъ, что никто, могущій понять ученое историческое доказательство, не будетъ болѣе въ томъ сомнѣваться“. „Несторъ“; изд. 1809 г., I, 325. Но принимая предположеніе Байера о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси за научно доказанный фактъ, Шлецеръ въ то же время даетъ слѣдующіе приговоры о методѣ доказательствъ

наруживала нѣмецкія патріотическія тенденціи, искусственную подтасовку фактовъ и произвольное искаженіе лѣтописныхъ текстовъ, что сами Нѣмцы, переполнившіе собою въ концѣ прошедшаго и въ началѣ текущаго столѣтія русскую Академію Наукъ и русскіе университеты, выводящіе другъ друга въ „ученые европейскіе знаменитости“ и захватившіе въ свои руки цензуру изданій по русской исторіи, нашли нужнымъ для дальнѣйшаго успѣха своихъ патріотическихъ теорій сдѣлать къ ученію Шлецера нижеслѣдующія поправки и дополненія.

Ученіе Круга.

Появляется сочиненіе академика *Круга*: „Критическій опытъ объясненія византійской хронологіи, съ особеннымъ взглядомъ на древнѣйшую исторію Россіи“¹⁾, въ которомъ Шлецеръ объявляется „геніальнымъ германскимъ ученымъ“ и признаются доказанными его теории норманства Руссовъ и дикости Славянъ въ эпоху призванія Рюрика. Но „знаменитый мужъ, показавшій, какъ должно разрабатывать русскую исторію, занимаясь великими вопросами германской исторіи, не имѣлъ достаточно свободнаго времени, чтобы надлежащимъ образомъ сличить византійскую хронологію съ русскою, а потому неосновательно заподозрилъ подлинность договоровъ Руссовъ съ Греками“ Кругъ исправляетъ это „недоразумѣ-

Байера и его познаніяхъ въ русской исторіи: „если какое-либо слово не имѣетъ съ другимъ словомъ нужной созвучности, то его поднимаютъ на этимологическую дыбу и мучатъ до тѣхъ поръ, пока оно, какъ будто отъ боли, не закричитъ и не дастъ такого звука, какого хочется жестокому словопроизводителю... Непонятно, какъ этотъ великій изслѣдователь языковъ, столь много потѣвшій надъ китайскимъ, не учился по-русски, почему и завистль всегда отъ неискусныхъ переводчиковъ и надѣлалъ важныхъ ошибокъ“. Шлец. Несторъ; I, стр. 419; II, 144; III, 252; выше стр. 30. Съ „неучеными“ русскими историками Шлецеръ говорилъ слѣдующимъ языкомъ: „всѣ главныя мои сомнѣнія о подлинности Олегова договора относятся и къ Игореву, а частію еще въ высшей степени. Да не смѣетъ никто поправлять этого“. Шлец. Несторъ; III, 208—210. Изд. 1809 г. Это приказаніе имѣло реальный смыслъ, потому что въ концѣ прошедшаго и въ началѣ текущаго столѣтій цензура сочиненій по русской исторіи была сосредоточена въ рукахъ Нѣмцевъ Русской Академіи, состоявшихъ подъ главенствомъ Шлецера.

¹⁾ St. Petersburg. 1810 г.

ніе“; доказывається, что Руссы дѣйствительно ходили въ Константинополь и дѣйствительно заключили съ Греками записанные въ русской лѣтописи договоры; но въ то же время *признается доказаннымъ наукою германское происхожденіе Руссовъ*, а слѣдовательно, что „договоры содержатъ въ себѣ германское право“, а не славянское. Такъ разрѣшено противорѣчіе между теорією дикости Славянъ эпохи Рюрика и Олега и содержаниемъ договоровъ Руссовъ съ Греками. Договоры выражаютъ экономическія и юридическія понятія не дикихъ славянскихъ племенъ, а Варяговъ-Норманновъ-Скандинавовъ - Германцевъ, призванныхъ Славянами и основавшихъ русское государство.

Ученіе Карамзина.

За ученіемъ Байера, Шлецера и Круга послѣдовали всѣ „ученые историки“ нѣмецкаго происхожденія. Ломоносовъ, Щербатовъ, Болтинъ снесли ихъ ученость и убѣжденія въ могилу, а въ молодомъ поколѣніи русскихъ историковъ теоріи Байера, Шлецера и Круга получили значеніе *обязательной науки*. Въ Петербургской Академіи и русскихъ университетахъ начала текущаго столѣтія установилась доктрина, по которой „только Шлецеръ положилъ русской исторіи надежное основаніе и показалъ, какъ должно критически обрабатывать и употреблять русскія лѣтописи“. Состоявшая въ рукахъ Нѣмцевъ русской Академіи Наукъ цензура сочиненій по русской исторіи не пропускала въ печать изслѣдованій, доказывавшихъ ложность доктрины нѣмецкой школы. Были составлены учебники русской исторіи, въ которыхъ предположенія Байера и Шлецера излагались, какъ доказанныя наукою истины, и такіе учебники сдѣланы обязательными въ университетскомъ и гимназическомъ преподаваніи. Авторитетъ Шлецера получилъ въ Россіи такую силу, что даже Карамзинъ, писавшій русскую исторію подъ особеннымъ покровительствомъ Императора Александра I, долженъ былъ послать первый томъ своей „Исторіи Государства Россійскаго“ въ Геттингенъ, на разсмотрѣніе Шлецера ¹⁾. Подъ цензурою Шлецера Карамзинъ повторилъ слѣдующія положенія ученія нѣмецкой школы: „Древляне имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрамъ, съ коими они жили среди лѣсовъ темныхъ, питаюсь всякою нечистою. *Стверяне, Родимичи и Вятичи* уподоблялись нравами Древлянамъ... ²⁾. Варяги были пер-

¹⁾ См. „Ист. рус. права“ Д. Самоквасова; в. I; стр. 87 и слѣд. съ соотвѣт. тексту примѣчаніями. Изд. 1878 г.

²⁾ Ист. Гос. Рос.; т. I, стр. 33. Изд. 1842 г.

выми чиновниками, знаменитѣйшими воинами и гражданами нашими. Варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію, извѣстные намъ по договорамъ великихъ князей съ Греками и во всемъ согласные съ древними законами скандинавскими...¹⁾ Варяги, законодатели нашихъ предковъ, были ихъ наставниками и въ искусствѣ войны и мореплаванія...²⁾ Договоръ Олега представляетъ намъ *Россіянъ* уже не дикими варварами, но людьми, которые знаютъ святость чести и народныхъ торжественныхъ условій: имѣютъ свои законы, утверждающіе безопасность, личную собственность, право наслѣдія, силу завѣщаній; имѣютъ торговлю внутреннюю и вѣдшую³⁾.

Ученіе Эверса.

Появляется сочиненіе Эверса: „О Древнѣйшемъ Правѣ Руссовъ“, пользовавшееся у современниковъ такою же „знаменитостью“, какъ „Несторъ“ Шлецера, „Хронологія“ Круга и „Исторія государства Россійскаго“ Карамзина. Во введеніи къ этому своему сочиненію Эверсъ высказываетъ, что исторія каждаго народа становится интересною въ научномъ отношеніи только съ того времени, когда первоначальный - родовой - младенческій бытъ народа смѣняется государственнымъ бытомъ, а такимъ моментомъ въ Россіи было событіе призванія племени *Руссовъ* Славянами. Этимъ событіемъ Эверсъ и начинаетъ первое „отдѣленіе“ исторіи *русскаго* права. Въ этомъ отдѣленіи говорится, что „не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что *русское владѣтельное племя было признано Славянами*“; а въ послѣдующихъ отдѣленіяхъ исторіи *русскаго* права *Славяне* уже не встрѣчаются: Руссы созидаютъ города, назначаютъ изъ своей среды областныхъ правителей, издаютъ законы, предпринимаютъ походы въ Грецію, заключаютъ договоры, однимъ словомъ, созидаютъ русское государство, русское право, русскую цивилизацію, и въ этомъ твореніи нигдѣ не видно участія Славянъ. Въ основаніи всѣхъ разсужденій Эверса о русскомъ государствѣ и русскомъ правѣ лежитъ только „*Лѣтопись Нестора*“, въ переводѣ и толкованіяхъ „знаменитаго, гениальнаго старца“ Шлецера, на котораго авторъ ссылается почти на каждой страницѣ. Въ трактатѣ о содержаніи договоровъ *Руссовъ* съ Греками (седьмое отдѣленіе), занимающемъ сто страницъ, только разъ упоминается о *славянскомъ* правѣ: „правило о тройномъ вознагражденіи

¹⁾ Тамъ же; стр. 143, 144.

²⁾ Тамъ же; стр. 145, 146.

³⁾ Тамъ же; стр. 85.

за насильственное завладѣніе чужою собственностью, по его примитивности, можетъ принадлежать какъ русскому исключительно, такъ и древнему славянскому праву“¹⁾. Всѣ остальные постановленія, договоровъ Руссовъ съ Греками, по ученію Эверса, заключаютъ въ себѣ „исключительно русское и частію византійское право“. „Древность постановленія о смертоубійствѣ очевидна: его начало германское, скандинавское, русское, только въ приложеніи и въ побочныхъ обстоятельствахъ измѣненное на основаніи греческаго, болѣе образованнаго права; наказаніе за раны и побои, очевидно, заимствовано изъ русскаго права; постановленіе объ убійствѣ вора подходитъ ближе къ русскому, нежели къ греческому праву“, и т. д.²⁾ Сходство содержанія договоровъ съ „рускимъ-скандинавскимъ-германскимъ“ правомъ доказывается содержаніемъ Русской Правды, по ученію Эверса, представляющей собою древнѣйшій кодексъ германскаго права, перенесенный къ Славянамъ Руссами-Германцами³⁾.

Ученіе Погодина.

Неограниченное господство ученія о германизмѣ права договоровъ Руссовъ съ Греками X вѣка продолжалось въ нашей историко-юридической литературѣ до второй половины нашего столѣтія. Погодинъ въ своей лекціи 1846 года слѣдующими словами характеризовалъ свое ученіе и своихъ предшественниковъ: „Варяги до! 1054 года были отдѣльнымъ племенемъ отъ Славянъ, имѣли свою особую исторію или, лучше сказать, одни составляли ее.. Я начиналъ обыкновенно лекціи свои о русской исторіи съ 862 года, то-есть съ прибытія князей варяго-русскихъ въ Новгородъ. О народѣ, къ которому пришли братья, я довольствовался изложеніемъ словъ Нестора. Самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ славянскій племена еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не нужно. Такъ разсуждали и всѣ наши ученые историки — Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, вслѣдъ за законоположникомъ исторической критики Шлецеромъ“⁴⁾. Содержаніе договоровъ Руссовъ съ Греками, согласно съ ученіемъ Эверса, Погодинъ признавалъ норманскимъ-варяжскимъ-германскимъ.

1) Древн. Русское право. Изд. 1835 г., стр. 175.

2) Тамъ-же; стр. 159, 165, 170 и др.

3) Тамъ же; стр. 299. „Kritische Vorarb. zur Gesch. der Russen. Dorpat. 1814; I, S. 103.

4) „Исслѣдованія, зам. и лекціи о русс. ист.“; т. II. Изд. 1846 г., стр. 321—385, 391, 392. Его же: „Древняя русс. исторія“. Изд. 1878 г. Перепечатка Исслѣдованій, зам. и лекцій.

Ученіе Соловьева.

Новое направленіе въ воззрѣніяхъ по интересующимъ насъ вопросамъ начинается изслѣдованіями С. М. Соловьева и вызваною ими полемикой между послѣдователями теорій родового и общиннаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика ¹⁾. Въ ученіи о бытѣ русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика Соловьевъ является послѣдователемъ своихъ предшественниковъ, развиваетъ и дополняетъ теорію родового быта Славянъ, предложенную Эверсомъ. Но въ ученіи о значеніи Варяговъ въ исторіи культуры и гражданственности русскихъ Славянъ Соловьевъ рѣзко отличается отъ своихъ предшественниковъ. Обзоръ исторіи Россіи при первыхъ Рюриковичахъ Соловьевъ оканчиваетъ выводами, направленными противъ основного положенія ученія Шлецеро-Карамзинской школы, выраженнаго Погодинымъ слѣдующими словами: „Варяги до 1054 года были отдѣльнымъ племенемъ отъ Славянъ, имѣли свою особую исторію или, лучше сказать, одни составляли ее“. По ученію Соловьева: „И въ событіяхъ внѣшнихъ, походахъ, завоеваніяхъ, и въ жизни внутренней Славяне составляютъ свою исторію, въ которой Варяги являются только пособниками, служебниками.—Варяги не составляли господствующаго народонаселенія относительно Славянъ, приходили въ Русь безъ женъ, женились на славянкахъ; дѣти ихъ были уже только полу-Варягами, а внуки совершенно Славянами. — Варяги не стояли выше Славянъ по степени развитія общественной жизни; бытъ Варяговъ имѣлъ сходство съ бытомъ Славянъ, а потому горсть Варяговъ, поселившаяся среди Славянъ, легко слилась съ большинствомъ. Въ русскомъ языкѣ находится не болѣе десятка словъ происхожденія сомнительнаго или дѣйствительно германскаго... Послѣ того какъ Русская Правда была сличена съ законодательными памятниками другихъ славянскихъ народовъ, не можетъ быть рѣчи не только о томъ, что Русская Правда есть скандинавскій законъ, но даже о сильномъ вліяніи въ ней скандинавскаго элемента“ ²⁾. Соловьевъ и послѣдующіе русскіе историки снова стали употреблять въ историко-юридической литературѣ слово „русскій“ въ значеніи „славянскій“, а не „германскій“ въ значеніи ученыхъ школы Татищева, а не Шлецера ³⁾.

¹⁾ См. „Ист. русс. права“, Д. Самоквасова. Изд. 1896 г., стр. 53.

²⁾ „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“; т. I, изд. 1866 г., стр. 307, 308 и прим. 487.

³⁾ Тамъ же; стр. 307—309 и др., „Одновременно съ русскимъ образуется другое славянское государство—польское“, „въ русскомъ языкѣ находится не болѣе десятка словъ происхожденія германскаго“ и т. д.

Такимъ образомъ, сущность ученія Соловьева можетъ быть выражена слѣдующимъ положеніемъ: *Славяне и Варяги эпохи призванія Рюрика одинаково стояли на степени естественнаго родового быта. Призванные новгородскими Славянами Варяги въ эпоху образованія государства Рюриковичей въ Кіевѣ составляли уже одинъ этнографическій типъ. Варяги слились съ Славянами, говорили славянскимъ языкомъ, поклонялись славянскимъ богамъ, имѣли славянское право. Русская Правда представляетъ собою сборникъ русскаго - славянскаго, а не варяжскаго - германскаго права. Какъ же примирить теорію естественнаго родового быта Славянъ и Варяговъ, свойственнаго дикимъ и полудикимъ народамъ, съ содержаніемъ договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами, выражающимъ понятія и отношенія государственнаго быта народовъ, неимѣющія ничего общаго съ бытомъ племенъ, живущихъ только кровными, родовыми союзами? Оставаясь послѣдовательнымъ въ своей теоріи естественнаго и постепеннаго развитія соціальной организаціи, Соловьевъ долженъ былъ смотрѣть на договоры глазами Шлецера, подозрѣвать ихъ подлинность ¹⁾.*

Ученіе Сергѣевича.

Въ новѣйшей историко - юридической литературѣ появилась другая попытка примиренія теоріи естественнаго родового быта Славяноруссовъ эпохи призванія Рюрика съ содержаніемъ права договоровъ съ Греками, по которой эти памятники заключаютъ въ себѣ не русское-славянское и не германское, а греческое право. Наиболѣе послѣдовательно это ученіе развито въ „Лекціяхъ и Исслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права“ проф. Сергѣевича, по ученію котораго: „на составителяхъ договоровъ лежала обязанность обезопасить Константинополь и его окрестности отъ русскихъ гостей, обычаи которыхъ угрожали безопасности греческихъ подданныхъ. Не требуя отъ Русскихъ прямого отказа отъ своихъ обычаевъ, составители договоровъ должны были примирить примитивныя способы возстановленія нарушеннаго права съ правомъ народа цивилизованнаго“²⁾. Эту задачу составители договоровъ исполнили такъ, что всѣ статьи договоровъ явились содержащими въ себѣ цивилизованное право Грековъ, а не примитивное право Русскихъ. Статья объ убійствѣ — „чисто римское постановленіе“, а въ постановленіяхъ „объ убійствѣ въ случаѣ необходимой обороны“ мы имѣ-

¹⁾ См. выше; стр. 128, 129.

²⁾ „Лекціи и Исслѣдованія“; изд. 1883 г., стр. 111—114.

емъ дѣло съ греческимъ вліяніемъ, стѣсняющимъ русскіе нравы“¹⁾. „Статья о побояхъ, какъ и статья объ убійствѣ, не только ничего не прибавляетъ къ нашимъ свѣдѣніямъ о русскихъ обычаяхъ, но есть существенное ихъ измѣненіе... Заключение статьи также новое и вовсе не въ духъ русскихъ обычаевъ“²⁾. „Опредѣленіе денежныхъ пеней за кражу въ размѣрѣ двойной или тройной цѣны украденнаго опять не русское, а чисто греческое“³⁾. „Догадка (проф. Цитовича) о томъ, что статья о наследствѣ есть буквальный переводъ римскаго текста: Si intestato moritur cui suus heres nec escit, agnatus proximus familiam habeto, представляется чрезвычайно вѣроятною“⁴⁾. „Въ процессуальной статьѣ если и есть русское, то опять не все русское, а только то изъ него, что подходило и къ греческимъ понятіямъ“⁵⁾. „Установленіе выкупа плѣнныхъ, какъ обязанности, есть мысль греческая“⁶⁾. Результатъ анализа содержанія договоровъ, предложеннаго г. Сергѣевичемъ, выражается въ слѣдующей оцѣнкѣ достоинства этихъ памятниковъ, какъ источниковъ древняго русскаго права: „предки наши, нападая на Грецію, обогащались не однимъ только золотомъ, паволоками, овощами и виномъ; они обогащались и новыми правовыми идеями, выработанными гораздо болѣе развитою жизнью, чѣмъ та, которую они знали у себя дома... Статьи договоровъ съ Греками, относящіяся къ частному и публичному международному праву, даютъ новое право... Договоры сами по себѣ ничего не прибавляютъ къ тому, что мы знаемъ уже о нашихъ древнихъ обычаяхъ на основаніи другихъ болѣе чистыхъ источниковъ“⁷⁾.

Исключивъ, такимъ образомъ, договоры Славяноруссовъ съ Греками изъ ряда средствъ познанія славянорусскаго права, проф. Сергѣевичъ уже не обращается къ нимъ въ изложеніи исторіи древнѣйшаго русскаго права, а излагаетъ теорію „исключительно семейнаго и родового быта“ русскихъ славянъ до X вѣка „сравнительно, на основаніи историческихъ догадокъ и наблюденія условій быта дикихъ народовъ нашего времени“⁸⁾.

1) Тамъ-же; стр. 115, 121.

2) Тамъ-же; 122.

3) Тамъ-же; 123.

4) Тамъ-же; 126.

5) Тамъ-же; 128.

6) Тамъ-же; 130.

7) Тамъ-же; стр. 110, 130, 131.

8) „Для исторіи русскаго права время историческое не восходитъ далѣе X, много IX вѣка. Историческому времени предшест-

Ученіе Владимірснаго-Буданова.

Основанія изложеннаго ученія, лишающаго исторію русскаго права важнѣйшихъ, древнѣйшихъ и спеціальныхъ памятниковъ, должны имѣть силу доказательствъ положительныхъ, неопровержимыхъ; но доказательства проф. Сергѣевича далеко не отличаются такимъ характеромъ. Проф. *Владимірскій-Будановъ*, въ примѣчаніяхъ къ его „Христоматіи по исторіи русскаго права“, останавливается на соображеніяхъ г. Сергѣевича о греческомъ содержаніи договоровъ и доказываетъ, что многіе изъ нихъ не оправдываются содержаниемъ *Русской Правды и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго права* 1). Сравненіе юридическихъ правилъ,

вуетъ *доисторическое время*. Относительно этого предшествовавшаго времени въ наукѣ есть только догадки. Высшую степень вѣроятности имѣетъ догадка объ исключительно семейномъ и родовомъ бытѣ, какъ предшествующей историческому времени стадіи развитія... Изложеніе древнѣйшаго состоянія человѣка я буду вести по возможности *сравнительно*, то-есть буду имѣть въ виду не исключительно нашъ *доисторическій бытъ*, о которомъ, если взять его отдѣльно, очень немного намъ извѣстно, а буду говорить и о другихъ индоевропейскихъ народахъ, и кромѣ того, для сравненія, остановлюсь на фактахъ изъ быта *современныхъ дикихъ народовъ*... На низшей ступени развитія *все племена и народы имѣютъ тѣ же признаки*. У дикарей мы замѣчаемъ также черты патріархальнаго семейнаго быта...“ Тамъ-же; стр. 53—55, 61, 67.

1) Напримѣръ, въ отношеніи постановленій договоровъ объ убійствѣ, проф. Владимірскій-Будановъ говоритъ: „В. И. Сергѣевичъ полагаетъ, что здѣсь „Греки назначили за убійство смертную казнь, вовсе не соображаясь съ русскими народными обычаями (т. е. мстью). Убійцу казнили по приговору суда на мѣстѣ совершенія имъ преступленія“. Такимъ образомъ онъ совершенно отвергаетъ допущеніе мести въ договорахъ съ Греками и спрашиваетъ: „кто же осуществляетъ послѣ судебную мечь?“ Текстъ договора отвѣчаетъ: „да убьютъ и родственники убитаго“. В. И. Сергѣевичъ говоритъ: „по русскому праву допускается безусловное убійство вора, убійство вора переходитъ у насъ въ мечь вору; по греческому условное, это не мечь... здѣсь опять мы имѣемъ дѣло съ греческимъ вліяніемъ, стѣсняющимъ русскіе нравы“. Но въ Русской Правдѣ говорится слѣдующее: „аще убьютъ татя па своемъ дворѣ, либо у клѣти, либо у хлѣва, то той убитъ; аще ли до свѣта держать, то вести его на дворъ княжъ; а оже ли убьютъ, а люди будутъ видѣли связанъ, то платити въ немъ“. Мечь по

выраженныхъ въ договорахъ Славяноруссовъ съ Греками, съ правилами другихъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго права привели проф. Владимірскаго-Буданова къ слѣдующему заключенію: „право, выраженное въ договорахъ, *не есть ни право византійское, ни чисто русское*: оно составлено искусственно договаривающимися сторонами для соглашенія русскаго обычнаго права съ столь отличнымъ отъ него культурнымъ византійскимъ правомъ. Однако *въ договорахъ гораздо болѣе слѣдовъ русскаго права, чѣмъ византійскаго* (не потому, что Русскіе взяли перевѣсъ надъ Греками, а потому, что культурному человѣку легче приспособиться къ младенческому состоянію, чѣмъ наоборотъ“¹⁾).

Съ другой стороны, проф. Сергѣевичъ, называя право договоровъ *новымъ правомъ* и утверждая, что договоры ничего не прибавляютъ къ *чистымъ источникамъ* познанія нашихъ древнихъ обычаевъ, противорѣчитъ своему же ученію о *недостаткѣ средствъ познанія системы славянорусскаго права языческой эпохи, называемой авторомъ доисторическою*. Откуда можно знать, что договоры представляютъ собою новое право, если теорія родового быта Славяноруссовъ въ эпоху призванія Рюрика представляетъ собою „только догадку“, только „*вѣроятное предположеніе*“, *неимѣющее опоры въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго права, каковыхъ, по ученію автора, и не существуетъ*²⁾.

древнѣйшей Русской Правдѣ допускалась послѣ суда“. („Христоматія по ист. русск. права“. Изд. 1885 года; вып. I; стр. 5, прим. 10; стр. 17, пр. 27; стр. 19, пр. 29; стр. 32, пр. 16). По поводу разсужденія проф. Сергѣевича о греческомъ правѣ въ содержаніи договорныхъ постановленій, относящихся къ воровству и грабежу, проф. В.-Будановъ говоритъ слѣдующее: „В. И. Сергѣевичъ двойное вознагражденіе не признаетъ закономъ русскимъ... Что двойное вознагражденіе могло быть въ обычаѣ у русскихъ, это доказываетъ литовско-русскимъ правомъ, по которому кромѣ „лица“ (украденной вещи) изъ имущества вора уплачивается цѣна вещи... В. И. Сергѣевичъ не усматриваетъ въ 5-ой статьѣ договора Игоря ни наказанія за покушеніе, ни понятія грабежа, и совершенно отождествляетъ ея содержаніе съ содержаніемъ статьи 6-ой о кражѣ, по не объясняетъ, зачѣмъ понадобилось договаривающимся говорить объ одномъ и томъ же предметѣ два раза и оба раза назпачать наказаніе“... (Тамъ же; стр. 15, пр. 18 и 19).

¹⁾ „Обзоръ ист. русск. права“; изд. 1886 г.; вып. I, стр. 66. „Христ.“; вып. I, стр. 19, прим. 29.

²⁾ „Мы не имѣемъ никакого сборника древнихъ обычаевъ, такъ

Славянская народность права договоров Руссовъ съ Греками.

Теоріи германизма и грецизма права договоровъ кievскихъ князей съ византійскими императорами стоятъ въ генетической связи съ ученіемъ Шлецера и его послѣдователей о дикомъ, примитивномъ состояніи культуры и гражданственности Славянъ въ эпоху призванія Варяго-Руссовъ. Послѣдователямъ этого ученія казалось невозможнымъ примирить понятія о дикости Славянъ съ содержаніемъ договоровъ иначе, какъ предположеніемъ, что эти памятники заключаютъ въ себѣ не право Славянъ, а право народа высшей цивилизаціи сравнительно съ славянскою, каковымъ, по одной теоріи, были Германцы, а по другой — Греки. Но теорія германизма разрушена изслѣдованіями новѣйшаго времени, доказавшими, что Варягоруссы, жившіе въ Кіевѣ въ эпоху договоровъ, составляли одинъ этнографическій типъ съ Славянами, говорили славянскимъ языкомъ, поклонялись славянскимъ богамъ и подчинялись славянскому праву, выраженному въ древнѣйшихъ юридическихъ памятникахъ славянскихъ народовъ. Слѣдовательно, кто, бы ни были Варягоруссы по ихъ происхожденію (Славяне, Литовцы, Финны, Германцы), во всякомъ случаѣ, въ настоящее время о германской народности права договоровъ не можетъ быть рѣчи. Смѣнивая теорію германизма, теорія грецизма права договоровъ построена на соображеніяхъ, несогласныхъ съ содержаніемъ договоровъ и другихъ памятниковъ древнѣйшаго русскаго права. Намъ кажется, народность права договоровъ Руссовъ съ Греками ясно опредѣляется религіознымъ значеніемъ славянорусскаго права языческой эпохи.

Въ эпоху договоровъ кievскихъ князей съ византійскими императорами, какъ у Евреевъ эпохи Моисея, славянское право отождествлялось съ религіей, нормы права отождествлялись съ догматами религіозными, а воля законодателя не могла измѣнять дѣйствовавшую систему священнаго права. Въ виду отождествленія религіи съ правомъ, содержаніе договоровъ съ Греками не могло противорѣчить славянорусскому праву, не могло быть „новымъ правомъ“ для Славяноруссовъ X вѣка. Для предковъ нашихъ, новое право равнялось бы новой религіи, а принятіе новаго права означало бы измѣну своей религіи, своимъ богамъ и предкамъ. Отсюда, договоры Славяноруссовъ съ Греками могли состояться только подъ условіемъ полного согласія ихъ содержанія съ религіозною системою права Славя-

что нужно ихъ еще разыскивать; это слабая сторона исторіи, по отношенію къ которой еще мало сдѣлано“... „Лекціи и Изслѣд.“, стр. 98.

норуссовъ, и о такомъ ихъ тождествѣ съ священнымъ русскимъ правомъ прямо заявляется въ заключеніи договора Олега, гдѣ этотъ договоръ, въ цѣломъ его составѣ, называется „твореніемъ Бога, основаннымъ на законѣ и поконѣ русскаго народа“¹⁾. Допуская пребываніе Русскихъ на своей территоріи, Греки должны были допустить на ней и дѣйствіе русскаго права, потому что Славяно-руссы, по своей религіи, не могли подчинить себя дѣйствію чуждаго имъ греческаго права. Вотъ почему договоры ни слова не говорятъ объ отношеніяхъ Руссовъ къ Руссамъ на греческой территоріи: *отношенія въ русской колоніи у Св. Мамы опредѣлялись исключительно русскимъ правомъ*. Въ опредѣленіи уголовныхъ и гражданскихъ отношеній между Руссами и Греками составители договоровъ должны были рѣшить трудную задачу *согласованія языческаго права Славяноруссовъ съ христіанскимъ правомъ Грековъ*. Рѣшеніе этой задачи длилось долго, съ 907 по 911 годъ, пока, *послѣ многократныхъ переговоровъ, былъ выработанъ Руссами рядъ условій, принятыхъ Греками въ 911 году и дополненныхъ въ 945 году, основанныхъ „на уставѣ и законѣ русскомъ“*.

Результатъ разработки вопросовъ о происхожденіи, содержаніи, подлинности и народности права договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами X вѣка выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1. Договорныя отношенія между Кіевомъ и Константинополемъ несомнѣнно существовали уже въ IX вѣкѣ.

2. Договоры кіевскихъ князей Олега, Игоря и Святослава съ Греками находятся во всѣхъ древнѣйшихъ копіяхъ или спискахъ Несторова лѣтописнаго свода; а слѣдовательно, *договоры были занесены въ Начальный кіевскій лѣтописный сводъ первымъ его составителемъ Несторомъ*.

3. *Въ лѣтописной исторіи и въ содержаніи договоровъ ничего нѣтъ невѣроятнаго, баснословнаго и легендарнаго, что давало бы право отрицать древность и подлинность всего содержанія договоровъ, или какихъ бы то ни было отдѣльныхъ условій или статей, сохранившихся въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ*.

4. *Исторія и содержаніе договоровъ вполне соответствуетъ отношеніямъ Славяноруссовъ къ Грекамъ въ X вѣкѣ, записаннымъ въ русскихъ лѣтописяхъ и въ исторіи византійской*.

¹⁾ „Мы же кляхомся къ царю вашему, *уже отъ Бога суще, яко Божіе зданіе по закону и покону языка нашего, не преступать ни намъ, ни иному отъ страны нашея, отъ уставленныхъ главъ міра и любви*“. См. выше, стр. 3—5.

5. *Языкъ договоровъ древнѣе, а потому темнѣе языка Нестора;* но содержаніе договоровъ вполнѣ понятно, за исключеніемъ немногихъ мертвыхъ словъ, не препятствующихъ пониманію общаго смысла договорныхъ условій, въ которыхъ встрѣчаются такіа слова.

6. Литературныя теоріи германизма и грецизма содержанія договоровъ Славяноруссовъ съ Греками противорѣчатъ содержанію древнѣйшихъ памятниковъ славянскаго права и прѣмымъ указаніямъ самихъ договоровъ, по которымъ они содержатъ въ себѣ священный русскій законъ и поконъ.

7. Договоры кіевскихъ князей съ византійскими императорами X вѣка содержатъ въ себѣ систему религіознаго права Славяноруссовъ языческой эпохи, а слѣдовательно, историкъ—юристъ нашего времени долженъ положить содержаніе договоровъ въ основаніе научнаго познанія перваго періода исторіи русскаго права.

Г л а в а X I.

Методъ научной разработки общихъ и спеціальныхъ письменныхъ памятниковъ древнѣйшаго русскаго права.

Научное значеніе вопроса.

Изложенное въ предыдущихъ главахъ обзорнѣе средствъ научнаго познанія перваго періода исторіи русскаго права показало намъ богатство источниковъ, какими располагаетъ наука нашего времени въ фактическомъ познаніи правовыхъ институтовъ русскихъ Славянъ языческой эпохи. Наука нашего времени *имѣетъ возможность фактически возстановить систему основныхъ институтовъ публичнаго и гражданскаго права Славяноруссовъ языческой эпохи,* а затѣмъ прослѣдить ихъ измѣненія подъ вліяніемъ новыхъ понятій о государствѣ, публичныхъ и гражданскихъ правоотношеніяхъ, появившихся на Руси слѣдствіемъ рецепціи христіанства. Но этотъ результатъ научныхъ трудовъ возможенъ только тогда, когда наука съ цѣлесообразнымъ методомъ приступитъ къ разработкѣ общихъ и спеціальныхъ письменныхъ памятниковъ, представляющихъ собою основной матеріалъ научныхъ историко-юридическихъ построеній. Иначе сказать, приступающій къ научному познанію правовыхъ учреждений русскихъ Славянъ по сохранившимся лѣтописнымъ памятникамъ языческой эпохи долженъ всего прежде выяснитъ себѣ слѣдующій вопросъ: *какими правилами должно руководствоваться въ научной разработкѣ лѣтописныхъ ма-*

теріаловъ для предупреденія заблужденій въ пониманіи истиннаго смысла лѣтописныхъ текстовъ и въ возстановленіи по такимъ текстамъ фактовъ исторической дѣйствительности?

По принятому нами порядку рѣшенія научныхъ вопросовъ, мы остановимся сначала на литературныхъ воззрѣніяхъ по вопросу о приемахъ научной критики письменныхъ памятниковъ, высказанныхъ учеными представителями разныхъ щколъ по отношенію къ текстамъ Несторова лѣтописнаго свода, сохранившаго намъ и тексты специальныхъ древнѣйшихъ памятниковъ исторіи русскаго права,—договоровъ Руссовъ съ Греками X вѣка.

Ученіе Татищева.

Сущность ученія Татищева по вопросу о научной критикѣ лѣтописныхъ текстовъ выражается въ слѣдующихъ словахъ: „*Несторъ* преподобный видно довольно, что *немного* ученъ былъ...; всѣ манускрипты, колико я въ рукахъ моихъ имѣлъ, хотя Несторово начало имѣють, но въ продолженіи *ни одинъ съ другимъ точно не сходятъ*: въ одномъ то, въ другомъ другое прибавлено или сокращено; иное пропущено, или потеряно; индѣ обстоятельство невѣроятное прибавлено“¹⁾. Это признаніе недостатковъ *Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода обусловило собою требованія ученой критики*. По мнѣнію Татищева: „чтобъ яко строитель могъ разобрать припасы годные отъ негодныхъ, гнилые отъ здоровыхъ, тако писателю исторіи нужно съ прилежаніемъ разсмотрѣть, *чтобъ басень за истину не принять, для чего науку критики не безнужно*“²⁾.

Ученіе Шлецера.

Шлецеръ развилъ до крайности сказанное Татищевымъ о недостаткахъ Нестора и необходимости научной критики для очистки лѣтописныхъ сказаній отъ позднѣйшихъ описокъ, поправокъ, пропусковъ, вставокъ и басенъ; а пользуясь своею „ученою критикою“, онъ очистилъ Нестора такъ, что въ немъ ничего не осталось для исторіи Русскихъ Славянъ, за исключеніемъ сказанія о дикости обычаевъ Древлянъ, Сѣверянъ, Кривичей и другихъ славянорусскихъ племенъ и сказанія о призваніи Рюрика, Синеуса и Трувора „изъ-за моря, изъ земли Скандинавской“³⁾.

1) „Ист. Рос.“; I, Введеніе, стр. XV, XXIV, 24, 55.

2) Тамъ же; стр. IX.

3) См. Д. Я. Самоквасова: „Исслѣд. по Ист. Р. Права“; в. I, стр. 45, 46. Изд. 1896 г.

Ученіе Каченовскаго.

По ученію Каченовскаго и его учениковъ (Скептическая школа): „Наша Начальная лѣтопись представляетъ собою *позднѣйшую* компиляцію, въ которой историческія извѣстія перемѣшаны съ нелѣпыми баснями и выдумками... Если и допустимъ принадлежность этой лѣтописи Нестору, то и тогда отъ основанія русскаго государства, или отъ призванія Рюрика, до перваго нашего лѣтописца протекло слишкомъ два вѣка; древнѣйшія извѣстія лѣтописи основаны на *измѣнчивыхъ* народныхъ преданіяхъ, на поэтическіхъ *вымыслахъ*, свойственныхъ всѣмъ младенческимъ народамъ... Мы должны признаться, что въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи много баснословнаго, что она недостоверна... Чтобы преобразовать науку о древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи, должно исторію русскихъ Славянъ сообразовать съ исторією Славянъ вообще, должно принять въ соображеніе всеобщій ходъ политическаго и гражданскаго образованія въ Европѣ; должно, наконецъ, прежде всего критически и безпристрастно оцѣнить домашнія и внѣшнія историческія и географическія извѣстія, относящіяся къ первымъ временамъ бытія русскаго народа, согласить противорѣчія, въ нихъ находящіяся, и изслѣдовать ихъ источники“¹⁾.

Ученіе Погодина.

Противъ приведенныхъ воззрѣній на недостатки содержанія Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода и метода его научной работы возсталъ историкъ Погодинъ. На вопросъ: „Въ какомъ видѣ дошла до насъ Несторова лѣтопись?“ Погодинъ отвѣчаетъ: „Объ этомъ я имѣю мнѣніе, еретически противоположное мнѣнію Шлецера и Стриттера, Миллера и Карамзина, Шимковскаго и Строева, Калайдовича и Арцибашева, словомъ противоположное мнѣнію всѣхъ нашихъ изслѣдователей. Я утверждаю, что *лѣтопись дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ она написана первымъ своимъ сочинителемъ*. Да, въ большихъ грѣхахъ нельзя винить переписчиковъ. Всѣ такъ называемыя значительныя древнихъ списковъ вставки принадлежатъ самому Нестору“²⁾. Это воззрѣніе авторъ доказываетъ ссылкой на одинаковый порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ главнѣйшія сказанія въ древнѣйшихъ спискахъ Начальной лѣтописи, и утверждаетъ, что всѣ эти сказанія принадлежали Несторову подлиннику, а противорѣчія и повторенія въ извѣстіяхъ

¹⁾ Ученыя записки Моск. Универ.; 1833 г.; № 3, с. 683 и слѣд.; № 11, с. 285, и слѣд. Вѣстникъ Европы; 1828 г.; № 11, с. 47.

²⁾ Изслѣд. Зам. и Лекціи; I, с. 74—86.

второстепенныхъ доказываютъ только, что до Нестора существовали въ Россіи краткія погодныя записки, которыми „пользовался Несторъ и вставлялъ въ нихъ все, что онъ самъ зналъ и что казалось ему любопытнымъ“ ¹⁾. Эта *аргументація неубѣдительна*; самъ авторъ въ другихъ мѣстахъ своего изслѣдованія о „Лѣтописи Нестора“ указываетъ на существованіе въ сохранившихся ея спискахъ позднѣйшихъ сказокъ, поправокъ и порчи первоначальнаго текста позднѣйшими переписчиками ²⁾. Между тѣмъ, уклонившись отъ возрѣнія своихъ предшественниковъ на недостатки сохранившихся списковъ Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода, Погодинъ уклонился также и отъ метода ученой обработки лѣтописныхъ матеріаловъ, намѣченнаго Татищевымъ. „Методъ“, говорить Погодинъ, „я слѣдую постоянно одной:— *собираетъ прежде всего свидѣтельства* о каждомъ предметѣ изслѣдованія, *сличать ихъ между собою*, объяснять и потомъ уже выводить, сколько можно, *математически* заключенія объ его сущности и значеніи. Чѣмъ далѣе я иду по своему пути, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что этотъ путь есть единственный, ведущій прямо къ цѣли, а прочіе увлекаются въ сторону или, по крайней мѣрѣ, замедляютъ успѣхъ“ ³⁾.

Въ „математическомъ“ методѣ Погодина недостаетъ того, что называется „малою критикою“ и „высшею критикою“, то есть операцій или приѣмовъ, направленныхъ къ восстановленію первоначальнаго текста лѣтописныхъ сказаній и повѣркѣ свѣдѣній лѣтописца. Усвоивъ взглядъ на лѣтопись, какъ на памятникъ, дошедшій до нашего времени „въ чистомъ видѣ“, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ сочинителя, *Погодинъ не видѣлъ необходимости въ изслѣдованіяхъ, направленныхъ къ восстановленію древнѣйшаго текста лѣтописныхъ сказаній* и, можно сказать, *рабски подчинялся буквальному ихъ смыслу*. Пропагандируя въ теченіе сорока лѣтъ съ кафедры московскаго университета свой „математическій“ методъ разработки сказаній Нестора, Погодинъ имѣлъ вліяніе на позднѣйшихъ историковъ — его учениковъ и успѣлъ доставить своему возрѣнію господство въ новѣйшей исторической литературѣ.

Вѣрность научнаго метода изслѣдованій выражается въ его результатахъ. По оцѣнкѣ историка *Соловьева*, результаты изслѣдованій Погодина, относящихся къ древнѣйшему періоду русской исторіи, являются лишенными фактическихъ основаній, представ-

¹⁾ Тамъ же; стр. 90—92.

²⁾ Тамъ же; стр. 18 и слѣд., 85, 86 и др.

³⁾ Тамъ же; IV; пред.; стр. V.

ляютъ собою односторонній наборъ фактовъ, подведенныхъ подъ невѣрную схему, заимствованную у Шлецера ¹⁾. Методъ изслѣдованій, опирающійся на лѣтописныя сказанія, безъ предварительнаго анализа ихъ содержанія и исторической достовѣрности, повредилъ историческимъ работамъ не одного Погодина. Историкъ *Соловьевъ*, основательно доказывая, что извѣстiе Нестора: „Радимичи, Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто“ — не должно понимать буквально, какъ его понималъ Погодинъ, довѣрился другому свидѣтельству Нестора, по которому: „Полянѣмъ же, живущимъ особѣ и владѣющимъ роды своими, и живяху каждо со своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще каждо родомъ своимъ“, и построилъ на немъ теорію родового быта древнерусскихъ Славянъ, какъ на свидѣтельствѣ вполне ясномъ и точномъ; но анализъ этого свидѣтельства, представленный *Аксаковымъ*, доказалъ, что оно не имѣетъ того смысла, въ какомъ было понято Эверсомъ и Соловьевымъ ²⁾. Въ свою очередь, опровергая аргументацію родовой теоріи, доказывая, что Славяноруссы не стояли въ эпоху призванія Рюрика на степени гражданственности дикарей, у которыхъ отецъ семейства является верховнымъ владыкою въ обществѣ, и опираясь на извѣстiяхъ лѣтописи о городахъ и вѣчахъ, Аксаковъ, Бѣляевъ и Лешковъ выставили понятіе общины, какъ формы социальнаго быта, существенными признаками которой являются народное собраніе, въ смыслѣ высшаго органа политической власти въ обществѣ, и городъ, въ смыслѣ политическаго и промышленнаго центра общинной территоріи. Но при этомъ упущено изъ виду рѣшеніе вопроса: дѣйствительно ли вѣча и города Славяноруссовъ дорюриковской эпохи противны началамъ родового быта, указываютъ на болѣе высокую степень гражданственности, нежели родовой бытъ и имѣли то значеніе, какое усматривали въ нихъ основатели общинной теоріи. Вѣча, въ смыслѣ общественныхъ совѣщаній, и города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній, составляютъ необходимыя явленія социальной жизни дикарей, стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ цивилизаціи, даже дикарей каменной культуры, подобныхъ Новозеландцамъ эпохи открытія Австраліи и Камчадаламъ эпохи открытія Камчатки. Вопросъ пауки нашего времени не въ томъ, были ли у древнерусскихъ Славянъ роды, вѣча и города, а въ томъ, какъ организованы были эти учрежденія у наро-

¹⁾ См. Соловьева: „Исторія Россіи“; I, стр. 310, прим. 437. Самоквасова: „Ист. рус. пр.“; Вып. I, стр. 91, 92. Изд. 1878 г.

²⁾ Тамъ-же; стр. 105 и 106.

довъ разныхъ степеней гражданственности и культуры, а въ частности и у русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика; но на изслѣдованіяхъ этого рода не останавливались послѣдователи родовой и общинной теорій въ своихъ выборкахъ лѣтописныхъ извѣстій о родахъ, вѣчахъ и городахъ древнихъ Славяноруссовъ.

Требованія научной критики текстовъ письменныхъ памятниковъ.

Цѣль историка-юриста состоитъ въ познаніи исторической дѣйствительности, въ познаніи дѣйствительно бывшихъ политико-юридическихъ учреждений и отношеній. На пути къ этой цѣли изучающей содержаніе древнихъ письменныхъ памятниковъ встрѣчаетъ препятствія, являющіяся слѣдствіями *порчи свидѣтельствъ древнихъ авторовъ позднѣйшими переписчиками, измѣненія языка во времени и заблужденій древнихъ историковъ*. Отсюда вытекаютъ требованія научной критики, направленные къ *возстановленію первоначальнаго текста, истиннаго смысла и достоверности сказаній древнихъ писателей*.

Возстановленіе подлиннаго текста.

Въ наше время книги распространяются въ обществѣ посредствомъ печати, дающей сотни и тысячи экземпляровъ сочиненія, совершенно одинаковыхъ, въ которыхъ опечатки представляютъ сравнительно ничтожное уклоненіе отъ подлинника рукописи сочинителя. Въ древности книги распространялись въ обществѣ только посредствомъ рукописей. Какъ бы ни былъ аккуратенъ переписчикъ, въ переписанной книгѣ всегда найдется большее или меньшее количество *описокъ, пропусковъ и повтореній*. Съ теченіемъ времени подлинники сочиненій старѣютъ, ветшаютъ, такъ что списать точно ихъ содержаніе трудно, а иногда и невозможно. Монахъ *Лаверентій*, списавшій древнѣйшій текстъ свода Суздальскихъ лѣтописей, о матеріалахъ и недостаткахъ своего труда выражается такъ: „и нынѣ господа отци и братья, оже ся гдѣ буду *описалъ или переписалъ, или недописалъ*, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, *запечеже книги ветшаны, а умъ молодъ*,— не дошелъ“ ¹⁾. Съ дальнѣйшимъ теченіемъ времени подлинники древнихъ сочиненій утрачиваются, уничтожаются временемъ. Сочиненія классическихъ и древнѣйшихъ средневѣковыхъ писателей сохранились до насъ въ рукописяхъ, часто отдѣленныхъ отъ подлинниковъ многими сотнями лѣтъ. Рукописныя копіи, въ свою очередь, служили

¹⁾ П. С. Р. Л.; I, 209.

оригиналами для переписчиковъ позднѣйшихъ временъ. Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ рукописи древнихъ авторовъ подвергались большимъ и большимъ измѣненіямъ. Отсюда, сочиненія древнихъ писателей, сохранившіяся до нашего времени, представляютъ собою *не подлинники, а копии со многими описками, сокращеніями и вставками*, внесенными въ первоначальные тексты памятниковъ позднѣйшими ихъ переписчиками. Въ такомъ видѣ дошли до насъ и сочиненія древнихъ писателей, сообщающія свѣдѣнія объ условіяхъ жизни нашихъ предковъ отъ исторіи Геродота до русскихъ лѣтописныхъ сводовъ ¹⁾.

Слѣдовательно, первая задача историка нашего времени, приступающаго къ познанію условій жизни Славяноруссовъ, на примѣръ, по свидѣтельствамъ Нестора, состоитъ въ рѣшеніи вопроса, *что составитель перваго русскаго лѣтописнаго свода написалъ дѣйствительно, ему ли принадлежитъ данное извѣстіе или позднѣйшему переписчику?* Рѣшить этотъ вопросъ, если это возможно, — *значитъ возстановить подлинный текстъ сказаній Нестора, очистить подлинникъ его свѣдѣній отъ позднѣйшихъ описокъ, ошибокъ, поправокъ и вставокъ, сдѣланныхъ переписчиками.* Средствомъ рѣшенія этой задачи можетъ служить только *сличеніе текстовъ лѣтописныхъ сказаній по сохранившимся спискамъ*, древнѣйшимъ и позднѣйшимъ. Результатомъ сравненія списковъ должно быть *разграниченіе древнѣйшаго и новѣйшаго текста, отдѣленіе написаннаго лѣтописцемъ отъ прибавленнаго переписчиками въ послѣдующія времена* ²⁾.

¹⁾ На примѣръ, сличая по различнымъ спискамъ лѣтописное сказаніе о призваніи Рюрика Новгородцами, мы находимъ, что въ однихъ спискахъ сказано: „вста родъ на родъ“, а въ другихъ: „вста городъ на городъ“; въ однихъ спискахъ: „идоша къ Руси“, а въ другихъ: „идоша изъ Руси“; въ однихъ спискахъ: „Рѣша Руси, Чюдь, Словѣни и Кривичи“, а въ другихъ: „Рюша Русь, Чюдь, Словенѣ, Кривичи и Вѣсь“; одни списки называютъ Ладогу мѣстомъ первоначальнаго поселенія Рюрика въ Новгородской землѣ, а другіе Новгородъ; одни списки говорятъ о борьбѣ Новгородцевъ съ Рюрикомъ по смерти Синеуса и Трувора, а другіе не упоминаютъ объ этой борьбѣ.

²⁾ На примѣръ, всѣ списки Начальнаго Кіевскаго лѣтописнаго свода заключаютъ въ себѣ рассказъ *о призваніи Рюрика Новгородцами*, причемъ одни списки называютъ Ладогу мѣстомъ первоначальнаго поселенія Рюрика въ Новгородскихъ владѣніяхъ, другіе — *Новгородъ*, а третьи содержатъ пропускъ названія города, въ кото-

Определение подлиннаго смысла текстовъ.

Сочиненія древнихъ авторовъ были написаны за сотни и тысячи лѣтъ до нашего времени. Въ древности многимъ словамъ (законъ, царь, князь, городъ, сводъ, миръ и т. д.) соотвѣтствовали понятія, отличныя отъ понятій, связываемыхъ съ ними въ наше время ¹⁾. Многія слова (укладъ, прѣ, ужа, мыть, вѣче, челядь, задница, отморщина и т. д.) давно уже вышли изъ употребленія и въ живомъ языкѣ замѣнены другими словами. Слова, *измѣнившія древнее значеніе, и слова мертвые*, вышедшія изъ употребленія, дѣлаютъ многія извѣстія древнихъ писателей непонятными въ наше время и допускающими различныя толкованія. Отсюда, за восстановленіемъ первоначальнаго, подлиннаго текста лѣтописныхъ

ромъ сѣлъ первоначально Рюрикъ. Въ новѣйшемъ спискѣ, Архангельскомъ, говорится: „Придоша князи нѣмецкія на Русь княжити, три брата, первый *Рюрикъ сѣде въ Новгородѣ*, и оттолѣ нарѣченъ бысть Новгородъ великій“; въ спискахъ средняго текста, Кенигсбергскомъ, Ипатскомъ и Густинскомъ сказано: „Срубиша городъ Ладогу, и *сѣде въ Ладозѣ старѣйшій Рюрикъ*; а другой Синеусъ на Бѣлоозерѣ, а третій Труворъ въ Изборскѣ“; въ спискахъ древнѣйшихъ, Лаврентьевскомъ и Троицкомъ, говорится: „Придоша старѣйшій Рюрикъ... а другой Синеусъ на Бѣлоозерѣ, а третій Изборскѣ Труворъ“, при чемъ въ Троицкомъ спискѣ предъ пропускомъ надъ именемъ Рюрика надписано новою рукою „нов“. Такимъ образомъ, сравненіе различныхъ списковъ открываетъ намъ первоначальный текстъ лѣтописнаго сказанія о призваніи Рюрика и его прибытіи въ Новгородскія владѣнія, потому что объ этомъ говорятъ одинаково во всѣ списки. Затѣмъ является вопросъ: было ли въ Несторовомъ подлинникѣ Начальнаго свода извѣстіе о первоначальномъ поселеніи Рюрика въ Новгородѣ? То же сравненіе списковъ лѣтописи показываетъ, что *въ подлинникѣ Несторова свода стояло выраженіе: „сѣде старѣйшии въ Ладозѣ Рюрикъ“, а не „старѣйшии Рюрикъ сѣде въ Новгородѣ“*. Ср. Карамзина: Ист. гос. рос.; I, примѣчанія 278. П. С. Р. Л.; I, стр. 8. Издатели Лаврентьевскаго списка, по Шлецеровскому тексту Нестора, пополнили вышесказанный пропускъ вставкою выраженія: „старѣйшии Рюрикъ сѣде въ Новгородѣ“, взятаго не изъ древнѣйшихъ списковъ, а изъ новѣйшаго—Архангельскаго.

¹⁾ „Les mots sont plus durables, que les choses qu'ils representent; ils se perpetuent, mais pour exprimer des idées nouvelles, des nouvelles institutions, produit d'une nouvelle société“. Laurent. Hist. du droit des gens; VII, 546.

сказаній, за критическою очисткою ихъ отъ позднѣйшихъ вставокъ, поправокъ и описокъ, предъ изслѣдователемъ открывается новая задача, состоящая въ рѣшеніи слѣдующаго вопроса: слова и выраженія лѣтописныхъ сказаній, которыхъ древность и подлинность несомнѣнны, обозначаютъ современныя намъ понятія или имъ соответствовали въ древности другія представленія? Средствомъ рѣшенія этого вопроса служить сопоставленіе и критическое сравненіе свидѣтельствъ источниковъ, заключающихъ въ себѣ слова и выраженія, опредѣляющія истинный смыслъ содержанія лѣтописнаго извѣстія, подлежащаго критическому анализу. Возстановленіе истиннаго смысла историческихъ сказаній ведетъ къ *познанію возрѣтній или свѣдѣній древнихъ историковъ*, то-есть къ познанію историческихъ фактовъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ они представлялись сочинителямъ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ ¹⁾.

¹⁾ Напримѣръ, сличеніе дошедшихъ до насъ списковъ Начальнаго лѣтописнаго свода ведетъ къ заключенію, что въ первоначальномъ его подлинникѣ было извѣстіе о построеніи Рюрикомъ города Новгорода надъ Волховомъ по смерти Синеуса и Трувора, такъ какъ объ этомъ фактѣ сообщаютъ одинаково всѣ древнѣйшіе списки, за исключеніемъ одного, Лаврентьевскаго, въ которомъ это извѣстіе пропущено. Въ другомъ мѣстѣ, при описаніи первоначальнаго расселенія русскихъ Славянъ Несторъ говоритъ: „Словене же сѣдоша около озера Ильмеря и прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша городъ и нарѣкоша и Новгородъ“; это извѣстіе встрѣчаемъ также во всѣхъ спискахъ и достовѣрность его не подлежитъ сомнѣнію; но ему противорѣчитъ извѣстіе того же Нестора подъ 862 годомъ: „умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и прія Рюрикъ власть всю одинъ, и пришедъ ко Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новгородъ“. Кто же основалъ Новгородъ: Славяне при первоначальномъ ихъ поселеніи на берегахъ озера Ильменя или Рюрикъ? Изслѣдованіе понятій, соответствующихъ слову „городъ“ въ лѣтописи („срубить городъ“ и „сдѣлать городъ“ означало въ лѣтописи — построить укрѣпленіе, городскую стѣну; въ этомъ смыслѣ можно было много разъ рубить городъ, давно существовавшій), приводитъ насъ къ заключенію, что въ приведенныхъ извѣстіяхъ должно видѣть не два противорѣчащихъ другъ другу свидѣтельства объ одномъ фактѣ, а два свидѣтельства о двухъ фактахъ: *основаніи города Славянами на берегу озера Ильменя, гдѣ нынѣ старое городище*, у предмѣстья Славки, называемаго въ Исторіи Іоакима городомъ *Славянсколмъ*, и

Повѣрна лѣтописныхъ сказаній.

Въ сочиненіяхъ, излагающихъ условія политико-юридической жизни народовъ новаго времени часто встрѣчается невѣрное дѣйствительности, являющееся слѣдствіемъ субъективныхъ свойствъ писателей и неполноты матеріаловъ, состоявшихъ въ ихъ распоряженіи. Въ сочиненіяхъ древнихъ писателей невѣрнаго должно заключаться еще болѣе уже потому, что древніе историки не владѣли тѣми средствами познанія, какими располагаетъ наше время. Въ сочиненіяхъ древнихъ историковъ, географовъ и путешественниковъ встрѣчается много сказаній *очевидно невѣрныхъ или баснословныхъ*, противорѣчащихъ законамъ природы, открытымъ положительными науками новаго времени. Напримѣръ, мы не можемъ повѣрить Геродоту, увѣряющему читателя, что „заяць оплодотворяется и во время беременности, а потому въ утробѣ самки одинъ дѣтенышъ бываетъ покрытъ шерстью, когда другой еще голый, третій чуть формируется, а четвертый при нихъ только зачинается“, и что „львица рождаетъ одного дѣтеныша одинъ разъ въ жизни; при рожденіи она вмѣстѣ съ дѣтенышемъ выбрасываетъ и матку“¹⁾; не можемъ повѣрить и нашему лѣтописцу, утверждающему, что мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица млада, акы теперво рожена, и возрастши расходится по земли; и пакы бываетъ другая туча, и спадаютъ оленьци малы въ ней и возрастаютъ и расходятся по земли“²⁾. Мы не можемъ вѣрить Ибнъ-Фадлану, рассказывающему, что онъ видѣлъ въ землѣ Булгарь „облако красное, какъ огонь, изъ котораго исходили шумъ и голоса и въ которомъ видны были люди и кони, а въ рукахъ этихъ фигуръ были луки, копья и мечи“³⁾; какъ не можемъ вѣрить и разсказу нашего лѣтописца о появленіи въ Полоцкой области мертвецовъ и бѣсовъ, убивавшихъ жителей Полоцка и другихъ городовъ, выходившихъ изъ дому на улицы⁴⁾. И т. д. Но рядомъ съ чудесными извѣстіями, сказоч-

основаніи новаго города Рюрикомъ по смерти его братьевъ на берегу рѣки Волхова, на мѣстѣ позднѣйшей Софійской крѣпости, въ двухъ верстахъ отъ стараго Славянскаго города на берегу озера Ильменя.

1) Исторія; кн. III, гл. 108.

2) Лѣт. по Ипат. сп.; стр. 199.

3) См. Гаркави: Сказ. мусульм. писателей о Славянахъ и Руссахъ; стр. 88.

4) П. С. Р. Л.; I, 92. „Предивно бысть Польшскѣ: въ мечтѣ ны

ный характеръ которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнiю, въ сочиненiяхъ древнихъ писателей встрѣчаемъ *множество сказанiй, въ которыхъ очень трудно, а иногда и невозможно провести границу между дѣйствительнымъ фактомъ и сказкой.* Напримѣръ, подъ 1171 годомъ лѣтописецъ рассказываетъ, какъ подъ стѣнами Великаго Новгорода собрались 72 русскихъ князя съ безчисленнымъ количествомъ войска, долженствовавшаго разрушить Новгородъ; но когда минута паденiя Новгорода, казалось, наступила, Новгородцы вынесли на стѣну города образъ Св. Софiи, ослѣпившій непрiятеля; войска непрiятеля смѣшались, перебили другъ друга, а городъ былъ спасенъ ¹⁾. Трудно сказать, гдѣ въ этомъ рассказѣ оканчивается правда и начинается басня. Особенно много анекдотическаго, невѣрнаго и нелѣпаго встрѣчается въ сказанiяхъ иностранцевъ, что происходитъ отъ незнанiя чужого языка, непониманiя чужихъ обычаевъ, легковѣрiя, а иногда и отъ желанiя писателя украсить рассказъ преувеличенiемъ факта. О Россiи въ западно-европейской литературѣ рассказывается множество нелѣпостей, читаемыхъ съ довѣрiемъ не только массою общества, но и серьезными учеными. Нѣкій Вихельгаусъ, въ своемъ описанiи Москвы, сообщилъ, будто бы онъ „видѣлъ двадцатичетырехлѣтнихъ женщинъ, няньчившихъ на рукахъ своихъ малолѣтнихъ мужей“. Баронъ Гакстгаузенъ повторилъ это свидѣтельство „очевидца“ въ своихъ „Исслѣдованiяхъ внутреннихъ отношенiй народной жизни въ Россiи“ и даже старался объяснить этотъ „фактъ“ экономическими условiями русской семьи ²⁾. И вотъ теперь казусное свидѣтельство Вихельгауса и Гакстгаузена повторяется въ ученыхъ сочиненiяхъ западно-европейской литературы, „какъ несомнѣнный фактъ, какъ наблюденiе очевидца“. ³⁾

бываше въ ноши тутѣнь, станяше по улици, яко человекци рипоще бѣси; аще кто вылезаше изъ хоромины, хотя видѣти, абе уязвень будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромь; посемъ же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя и его область, тѣмъ и человекци глаголаху: яко навье бьютъ Полочаны; се же знаменье поча быти отъ Дрютьска“.

¹⁾ Никон. лѣт.; ч. II, стр. 209, 210.

²⁾ См. „Исслѣдованiя“ бар. Гакстгаузена; переводъ Рагозина; Изд. 1870 г. стр. 80.

³⁾ „La main-d'oeuvrre“, говоритъ Лавале въ извѣстномъ соч. о собственности, „est rare en Russie et relativement trèschère.“

Такимъ образомъ, возстановленіе историческихъ событій по понятіямъ авторовъ древнихъ письменныхъ памятниковъ не всегда уже достаточно для познанія давней исторической дѣйствительности, для возстановленія дѣйствительно бывшихъ историческихъ событій. *Лѣтописецъ могъ не вѣрно понять известный историческій фактъ и неправильно описать известное событіе.* Отсюда, за возстановленіемъ подлиннаго текста и подлиннаго смысла данныхъ лѣтописныхъ сказаній, передъ историкомъ-юристомъ нашего времени открывается третья задача, самая трудная: должно отдѣлать въ содержаніи памятниковъ невѣрное отъ дѣйствительнаго, сказки, вымыслы, поэтическіе рассказы отъ исторіи, *должно повѣрить свѣдѣнія самого лѣтописца или сочинителя древней исторіи.* Средствами такой повѣрки служатъ: критическія изслѣдованія, направленные къ открытію *источниковъ содержанія изучаемаго памятника, всестороннее изученіе памятниковъ исторіи того періода, къ которому относится изучаемый памятникъ, и сравнительное изученіе условій жизни народовъ, стоящихъ на степени цивилизаціи того народа, которому принадлежитъ изучаемый памятникъ.* Напримѣръ, во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ „Несторова Лѣтописнаго свода“ встрѣчаемъ повѣствованіе о первоначальной особой жизни Полянъ. Древность этого сказанія, его принадлежность Нестору не подлежатъ сомнѣнію; смыслъ сказанія понятенъ. Но сказаніе это имѣ-

Chaque famille a ainsi intérêt á trouver parmi ses membres le nombre de bras nécessaires pour faire valoir la part de terre qui lui revient. Le chef de la famille s'empresse donc de marier ses fils le plus tot possible, afin que la jeune femme remplisse l'office d'une servante á qui il faudrait donner de forts gages. On marie ainsi des jeunes garçons de huit et huit et dix ans á des filles de vingt-cinq ou trente ans; on dit même qu'il n'est pas rare de voir de jeunes mariées porter leurs maris sur les bras“. „De la propriété et de ses formes primitives“, par Emile de Laveleye. Paris. 1874, p. 35. Много подобныхъ извѣстій находится въ сказаніяхъ иностранцевъ о Россіи новаго времени, но мы имѣемъ возможность легко убѣдиться въ ихъ невѣрности посредствомъ наблюденія дѣйствительнаго быта русскаго народа. Но предположимъ, что свидѣтельство о женитьбѣ русскихъ мальчиковъ на двадцатипятилѣтнихъ и тридцатилѣтнихъ женщинахъ встрѣчено нами не въ сказаніяхъ иностранцевъ XIX столѣтія, а въ сказаніяхъ IX вѣка: не имѣя возможности провѣрить его наблюденіемъ, мы должны были бы составить объ этомъ предметѣ попятіе, несоотвѣтствующее исторической дѣйствительности.

еть характеръ сказки. Извѣстіе объ особой жизни Полянъ стоитъ у лѣтописца въ связи съ преданіемъ о трехъ братьяхъ, будто бы жившихъ отдѣльно другъ отъ друга. Изъ содержанія самого сказанія видно, что ко времени лѣтописца Кіевляне уже забыли бытъ Полянъ времени Кія, имя основателя города Кіева и время его основанія. По прилагательному названію Кіева думали, что этотъ городъ основанъ Кіемъ; но кто былъ Кій и когда онъ жилъ никто не зналъ вѣрно; одни предполагали, что Кій былъ перевозчикомъ, такъ какъ на Днѣпрѣ существовалъ древній перевозъ, называвшійся Кіевымъ перевозомъ; другіе, и между ними лѣтописецъ,—что Кій былъ начальникъ Полянъ, князь, такъ какъ существовало преданіе, по которому Кій ходилъ въ Царьгородъ и принялъ тамъ честь отъ какого-то царя; но какъ тѣ, такъ и другіе не могли представить достаточныхъ доказательствъ своего мнѣнія. Византійской исторіи не извѣстно имя Кія, князя кіевского. Самъ лѣтописецъ, основывая свое понятіе о княжескомъ достоинствѣ Кія на преданіи о его свиданіи съ греческимъ царемъ, не могъ назвать этого царя и даже опредѣлить время, когда онъ жилъ. Слѣдовательно, рассказъ лѣтописца о Кіѣ, Щекѣ и хоривѣ, будто бы жившихъ на особыхъ горахъ, основанъ на преданіи, всегда легко переходящимъ въ сказки. „Можетъ быть, справедливо замѣчаетъ Карамзинъ, что Кій и братья его никогда не существовали въ самомъ дѣлѣ, и что вымыселъ народный обратилъ названія мѣстъ, неизвѣстно отчего происшедшія, въ названія людей. Имя Кіева, горы Щековицы — нынѣ Склавицы, горы Хоревыцы, уже забытой, и рѣчки Лыбеди, впадающей въ Днѣпръ недалеко отъ новой Кіевской крѣпости, могли подать мысль къ сочиненію басни о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ, чему находимъ многіе примѣры въ греческихъ и сѣверныхъ повѣствованіяхъ, которыя, желая питать народное любопытство, во времена невѣжества и легковѣрія, изъ географическихъ названій составляли цѣлыя исторіи и біографіи“¹⁾. Такимъ образомъ, въ самомъ содержаніи лѣтописнаго сказанія объ особой жизни Полянъ находятся основанія къ предположенію, что оно представляетъ собою не описаніе историческаго факта, а фантазію. Съ другой стороны, повѣрка этого сказанія выводами сравнительной этнологіи доказываетъ намъ, что древніе Поляне стояли на той степени быта, когда особная жизнь людей невозможна. Слѣдовательно, лѣтописное сказаніе о трехъ братьяхъ — Полянахъ, будто бы до времени построенія Кіева жившихъ особно, разрозненно, послужившее въ

¹⁾ Ист. Гос. Рос.; т. I, стр. 20.

историко-юридической литературѣ источникомъ важныхъ теоретическихкихъ построений, представляетъ собою сказку, а не быль. Въ другомъ мѣстѣ мы увидимъ сказочный характеръ и другого разсказа Нестора, послужившаго источникомъ важныхъ теоретическихкихъ построений,—разсказа о призваніи *изъ-за моря* Рюрика, Синеуса и Трувора.

Выключая однако-же все сказачное, непонятное и сомнительное въ средствахъ познанія славянорусскаго права языческой эпохи, состоящихъ въ распоряженіи науки нашего времени, историкъ-юристъ имѣеть въ своемъ распоряженіи длинные ряды фактовъ безспорныхъ, положительныхъ, сообщенныхъ древними русскими и иноземными писателями, открытыхъ въ языческихкихъ могилахъ, городищахъ и кладахъ, добытыхъ сравненіемъ славянскихъ языковъ, сохранившихся въ позднѣйшемъ правѣ Славянъ и Славяноруссовъ и предлагаемыхъ выводами сравнительной социологіи и этнологіи. На основаніи фактовъ этого рода въ наше время вполне возможно научное построеніе начальнаго періода исторіи русскаго права,—фактическое познаніе условій происхожденія и содержанія основныхъ институтовъ системы права русскихъ Славянъ языческой эпохи: экономическихкихъ, религіозныхъ, государственныхъ, процессуальныхъ, уголовныхъ, гражданскихъ и международныхъ.
